

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

*Материалы
международной научно-практической конференции
(24 ноября 2023 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2024

УДК 343.1
ББК 67.629.3
С 56

Редакционная коллегия:

- А. М. Баранов* — доктор юридических наук, профессор;
Б. Б. Булатов — доктор юридических наук, профессор;
М. М. Горшков — кандидат юридических наук, доцент (*председатель*);
А. А. Кузнецов — кандидат юридических наук, профессор;
А. В. Павлов — кандидат юридических наук, доцент (*зам. председателя*);
А. Р. Сысенко — кандидат юридических наук, доцент;
А. Б. Соколов — кандидат юридических наук, доцент (*отв. секретарь*)

Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / пред. редкол. М. М. Горшков. — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — 180 с.

ISBN 978-5-88651-858-0

В сборнике представлены научные труды, подготовленные профессорско-преподавательским составом Омской академии МВД России, иных образовательных организаций, следователями, судьями и адвокатами. Рассматриваются актуальные проблемы уголовно-процессуальной науки и криминалистики, применения уголовно-процессуального законодательства, тактики производства следственных действий и методики расследования различных видов преступлений.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов образовательных организаций, а также практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.1
ББК 67.629.3

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Н. Т. Саханова

Досудебное производство в электронном формате по уголовному законодательству Республики Казахстан

В настоящее время инновационные цифровые технологии повсеместно внедряются в нашу жизнь, что касается и правоохранительных органов. В данный момент осуществляется модернизация правоохранительной системы Республики Казахстан путем цифровизации и автоматизации выполняемых ею задач.

В одном из своих посланий народу Президент РК Касым-Жомарт Кемелевич Токаев отметил: «Цифровизация — это базовый элемент всех реформ и ключевой инструмент достижения национальной конкурентоспособности» [1].

Стратегическим планом развития Казахстана до 2025 г. и программой «Цифровой Казахстан» определен поэтапный переход судебных производств в электронный формат. Уголовная юстиция выступает одним из центральных звеньев государственного управления, обеспечивает защиту высших конституционных ценностей, жизни, здоровья, собственности и других неотъемлемых прав и свобод человека. Цифровизация данной сферы позволяет решить комплекс важнейших стратегических задач, минимизировать коррупцию, бюрократию, волокиту в уголовном процессе, повысить качество, быстроту и уровень прозрачности правосудия, в связи с чем руководством страны оказывается повсеместная поддержка, выделяются ресурсы и привлекаются лучшие специалисты.

Для большинства современных стран, в том числе и Республики Казахстан, использование цифровых технологий стало ежедневной реальностью. Правоохранительная система в данном направлении длительно демонстрировала серьезное отставание, что обусловлено целым рядом объективных причин, связанных со спецификой и четкой формализацией деятельности, необходимостью соблюдения особых правил делопроизводства, фиксацией и верификацией документов.

В сложившихся условиях обсуждаемая нами тема как никогда актуальна, потому что совершенствование уголовного судопроизводства прочно связано с внедрением в него цифровых технологий.

Использование информационно-коммуникационных технологий непосредственно в деятельности органов досудебного расследования МВД РК осуществляется согласно утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (далее — Инструкция Генпрокуратуры Республики Казахстан о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате) [2].

В 2014 г. принят Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее — УПК РК), а со следующего года в стране последовательно реализована электронная форма делопроизводства по уголовным делам. В соответствии с инициативой «Цифровизация правоохранительных органов и судов» Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 г. закреплено положение, что «уголовные, гражданские и административные дела в Республике Казахстан будут поэтапно переводиться в электронный формат» [3]. Для реализации указанных предписаний в декабре 2017 г. в УПК РК внесены изменения, позволяющие расследовать уголовные дела в электронном формате [4].

Необходимо отметить, что сегодня в электронной форме рассматриваются все категории уголовных дел — об уголовных проступках, преступлениях небольшой тяжести, преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях. При этом выбор формы судопроизводства — электронной или бумажной — остается правом следователя. В УПК РК эта мысль сформулирована следующим образом: лицо, ведущее уголовный процесс, с учетом мнения участников уголовного процесса и технических возможностей, вправе вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление.

Как показывает судебно-следственная практика, из года в год растет количество дел, расследуемых в электронном формате. Об этом также свидетельствует статистика за 2023 г. Из 121 590 начатых досудебных расследований в электронном формате ведется 114 523 дела, что составляет около 94% от общего количества.

Что внесла эта форма уголовного процесса в систему уголовного правосудия по уголовным делам? Во-первых, физически сокращен процессуальный документооборот; во-вторых, стало более быстрым движение уголовных дел из одной стадии уголовного процесса в другую; в-третьих, повысилась эффективность ведомственного контроля, проку-

рорского надзора, судебного контроля над досудебным расследованием, обеспечено информирование надзирающего прокурора о принимаемых по электронному уголовному делу процессуальных решениях и предусмотрена процедура проверки законности, согласования и утверждения процессуальных решений органов, ведущих уголовный процесс, созданы и технически реализованы методы противодействия коррупции по уголовным делам, практически исчезла почва для фальсификации материалов уголовного дела. Согласование решения, получение санкции теперь не требуют физического присутствия следователя перед прокурором и следственным судьей. Необходимо подчеркнуть, что эта проблема решена с внедрением электронного формата производства по уголовным делам. В рамках расследуемых дел происходит быстрый и, главное, защищенный обмен информацией прежде всего между органами, ведущими уголовный процесс, благодаря соответствующим программам в рамках модуля «Электронное уголовное дело».

Далее, в установленном порядке, через информационные сервисы Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры нашей страны к материалам дела имеют доступ адвокаты и представители, которые могут в любое время в онлайн-режиме ознакомиться с ходом расследования и рассмотрения уголовного дела, что облегчает им процедуру подготовки и оформления процессуальных документов и свидетельствует об открытости и прозрачности уголовного процесса.

Кроме перечисленных плюсов, для участников процесса модуль «Электронное уголовное дело» предусматривает возможность получать процессуальные документы в режиме онлайн, подавать жалобы и ходатайства. С помощью функционала «Электронная жалоба» подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший вправе подать жалобы на действия (бездействие) следователя, дознавателя, прокурора в электронном формате.

Электронный формат рассмотрения уголовных дел направлен на упрощение и повышение качества уголовного процесса, позволяет сократить сроки расследования и финансовые затраты, снижает риски фальсификации материалов дела, облегчает процесс проведения судебных заседаний, ускоряет процесс рассмотрения уголовного дела, сокращает время для работы судебных органов и всех участников судебного процесса.

Модуль «Электронное уголовное дело» разработан на базе информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» и охватывает все стадии уголовного процесса, начиная с регистрации уголовного правонарушения, расследования уголовного дела и завершая исполнением приговора суда.

Важнейший принцип деятельности любого суда — это его независимость. Внедрение современных информационных технологий в уголовном процессе имеет положительные аспекты. Уголовные дела в электронном формате, являющиеся электронными аналогами бумажного уголовного судопроизводства, автоматизированы для рассмотрения и распределяются судьям посредством информационной системы «Төрелік» Верховного суда Республики Казахстан. Судебное заседание по таким делам проводится в зале судебного заседания, оборудованном специализированной организационной техникой, обеспечивающей всем участникам уголовного процесса доступ к материалам электронного дела, а также существует возможность вести заседание удаленно с помощью гаджетов.

Особенность электронного формата состоит в том, что информационная система хранит материалы уголовного дела в цифровом виде и обладает высоким уровнем безопасности. Все процессуальные документы имеются в электронной карточке, судебные акты своевременно вкладываются в базу суда и снабжены электронной цифровой подписью должностных лиц и участников процесса.

На сегодняшний день в Казахстане ведется активная работа по внедрению электронного уголовного дела в систему правоохранительных органов. Это позволит ускорить процесс обработки и передачи информации, упростить доступ к материалам дела, а также сделать судебный процесс более прозрачным и эффективным для всех участников.

Список источников

1. *Послание* Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Экономический курс Справедливого Казахстана. 2023. 1 сент.

2. *Приказ* Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» // Эталонный контрольный банк НПА Республики Казахстан в электронном виде. 2018 (дата обращения: 20.03.2021).

3. *Указ* Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых Указов Президента Республики Казахстан» // Казахстанская правда. 2018. 20 февр.

4. *Закон* Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» // Казахстанская правда. 2017. 22 дек.

Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев

Новое в законодательстве по обеспечению сохранности имущества осужденного

Одновременно с постановлением приговора при наличии у осужденного имущества или жилища, оставшихся без присмотра, суд выносит определение или постановление о принятии мер по их охране. Вместе с тем ч. 2 ст. 313 УПК РФ не определяла круга субъектов, на которых судом может быть возложена такая обязанность, не предусмотрен перечень возможных мер, не установлен порядок их исполнения, а также иные вопросы.

Отраслевое законодательство (ГК РФ, ЖК РФ) также лишено норм, регулирующих данное положение. Однако оно, как и УПК РФ, не исключает возможности осужденного самостоятельно принять меры по обеспечению сохранности жилища и осуществлению присмотра за ним. Это вытекает из ст. ст. 1 и 2, пп. 1 и 2 ст. 288, п. 4 ст. 209, ст. ст. 1012–1026 ГК РФ; а также ч. 1 ст. 17, ч. 2 ст. 30, чч. 1, 2, 7 ст. 31 ЖК РФ. Несомненно, рассматриваемые вопросы носят межотраслевой характер.

Конституционный Суд РФ признал ч. 2 ст. 313 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ. Согласно его постановлению до внесения изменений в действующее законодательство суд правомочен принять меры по охране оставшегося без присмотра жилого помещения осужденного и возложить их на конкретных субъектов, перечень которых приведен в постановлении, если им (осужденным) самостоятельно не приняты гражданско-правовые меры по охране своего жилого помещения и будет установлено отсутствие у него возможности их самостоятельного принятия [1].

Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в ч. 2 ст. 313 УПК РФ, а главу 39 дополнили ст. 313¹ УПК РФ. Новая редакция ст. 313 УПК РФ предписывает, что при наличии у осужденного имущества или жилого помещения, оставшихся без присмотра во время отбывания им наказания, суд решает вопрос о принятии мер по обеспечению сохранности указанных имущества или жилого помещения в соответствии с требованиями ст. 313¹ УПК РФ.

Реализация ст. 313¹ УПК РФ «Меры по обеспечению сохранности имущества или жилого помещения, остающихся без присмотра на время отбывания наказания осужденным» предполагает одновременное наличие трех условий:

— отсутствие у осужденного возможности самостоятельно обеспечить сохранность указанных имущества или жилого помещения (законо-

датель особо обращает внимание на то обстоятельство, что данные способы должны быть предусмотрены законодательством РФ);

- отсутствие сведений о том, что осужденным самостоятельно приняты достаточные меры по обеспечению сохранности указанных имущества или жилого помещения;

- отсутствие сведений о том, что в указанном жилом помещении проживают члены семьи осужденного или иные лица, вселенные в указанное жилое помещение на законных основаниях.

Совокупность обозначенных условий позволяет суду по ходатайству осужденного вынести определение или постановление о принятии конкретных мер по обеспечению сохранности имущества или жилого помещения и указать органы, на которые возлагается их принятие. Законодатель подробно регламентирует меры по сохранности жилого помещения. К их числу относятся: запрет федеральному органу исполнительной власти, уполномоченному Правительством РФ на осуществление государственной регистрации прав на недвижимое имущество (его территориальным органам), проводить государственную регистрацию перехода права на жилое помещение и его обременения без личного участия осужденного; запрет органам регистрационного учета граждан РФ (территориальным органам федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел) осуществлять регистрацию граждан в жилом помещении по месту пребывания и по месту жительства без личного участия осужденного; опечатывание органом внутренних дел указанного жилого помещения и проверка целостности оттиска печати в установленные судом сроки по месту его нахождения (пп. 1–3 ч. 3 ст. 313¹ УПК РФ); иные меры, необходимые для обеспечения сохранности указанного жилого помещения (п. 4 ч. 3 ст. 313¹ УПК РФ). Перечень мер и список субъектов применения остаются открытыми. Прежде всего, это органы государственной власти и (или) органы местного самоуправления в рамках исполнения ими полномочий, предусмотренных законодательством РФ, если таковые полномочия отсутствуют, по судебному решению (чч. 4 и 5 ст. 313 УПК РФ).

Мерам по обеспечению сохранности имущества или жилого помещения осужденного близок институт мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу. Различия сводятся к тому, что в отношении осужденного — это судебное решение. Органы предварительного расследования обязаны принимать обеспечительные меры, учитывая внезапность и сжатые сроки лишения свободы при производстве в досудебном производстве, суд же только по ходатайству осужденного.

Тем не менее как в теоретическом, так и в правоприменительном аспектах имеется достаточно много общих проблем, связанных с соблюдением прав подозреваемого, обвиняемого и осужденного в этой части, с механизмом исполнения применяемых мер. Не исключено, что в дальнейшем они могут быть объединены в единый процессуальный институт.

Появление ст. 313¹ УПК РФ дает более широкие возможности в использовании аналогии. Отдельные ученые не исключают возможности применять ее в отсутствие правового регулирования. Один из авторов статьи, отмечая возникновение трудностей в случае отсутствия родственников или отказа лиц брать на себя обязательства по хранению имущества, предлагал хранение небольших вещей или ценностей, не нуждающихся в постоянном уходе, осуществлять в порядке хранения вещественных доказательств по уголовному делу [2, с. 11]. В юридической литературе были высказаны и другие мнения, в частности, о возможности передавать вверенное имущество на хранение жилищно-эксплуатационной организации по аналогии с арестованным имуществом в порядке ст. 115 УПК РФ [3, с. 470; 4, с. 13].

Этому будут способствовать и Правила учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу [5, с. 15], появившиеся в соответствии с ч. 6 ст. 115 УПК РФ.

Вряд ли верно совокупность положений, предусмотренных ст. ст. 160, 313, 313¹ УПК РФ, характеризовать как меры процессуального принуждения имущественного характера [6]. Они не связаны с ограничениями и стеснением прав подозреваемого, обвиняемого и осужденного. Современное состояние имущественных отношений, их межотраслевая природа нуждаются в осмыслении с учетом гражданского законодательства. У обвиняемого есть право самостоятельно определять судьбу своего имущества [7, с. 30].

Меры по обеспечению сохранности имущества не обладают охранительными функциями. Они представляют собой процессуальные гарантии защиты социальных прав и законных интересов личности, обеспечивают баланс частных и публичных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу по проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск»* // Рос. газета. 2020. 20 июля.

2. *Дежнев А. С. Обеспечение сохранности имущества и жилища обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого задержанию или заключению под стражу* // Российский следователь. 2010. № 11.

3. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.*

4. *Власова Н. А. Применение попечительных и обеспечительных мер в отношении иждивенцев и имущества подозреваемого, обвиняемого* // Российский следователь. 2016. № 11.

5. *Тутынин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.*

6. *Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 «Об утверждении правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации. Здесь и далее в сборнике, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

7. *Грачева А. С. Меры попечения о детях, иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению его имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.*

Р. Р. Абдраязпов

Цифровой след как объективная необходимость современного уголовного судопроизводства

Количество преступлений, совершаемых посредством сети Интернет, становится больше с каждым годом. Способы совершения преступлений весьма разнообразны, однако механизм их следообразования имеет общую специфику.

В процессе расследования преступлений, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационной сети, следователи выявляют и изымают из компьютеров потерпевшего, подозреваемого различные следы совершенного преступления, которые используются в доказывании по уголовному делу. В настоящее время имеется возможность отслеживать действия пользователя в информационном пространстве, разрушая их предполагаемые скрытность и анонимность.

В литературе данные следы преступлений именуют по-разному, мы будем придерживаться термина «цифровые следы».

В настоящее время цифровые следы повсеместно используются в раскрытии и расследовании преступлений. Особенность подобных следов, находящихся в оперативной памяти устройства, на различных электронных носителях информации, а также в сети Интернет, заключается в том, что они легко могут быть изменены, уничтожены либо распространены и иным образом трансформированы. В связи с этим при выявлении цифровых следов следователь сталкивается с проблемой установления изначальной информации. Вместе с тем первоначальный вид уничтоженных либо измененных данных может быть восстановлен посредством производства судебных экспертиз.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальный закон не содержит понятия «цифровой след», что отрицательно сказывается на качестве деятельности органов предварительного расследования, которая по большей части является правоограничительной, а значит, не допускает вольной трактовки понятий, в той или иной степени затрагивающих права и свободы участников уголовного процесса.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным предложение ряда ученых-процессуалистов о дополнении УПК РФ таким понятием, как «цифровое доказательство» или «электронное доказательство».

Так, И. В. Чаднова и А. В. Извеков указывают, что ст. 178 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации содержит понятие «цифровые данные», существуют стандарты, которые также оперируют

понятием «цифровые данные», однако в уголовно-процессуальном законе такое понятие отсутствует. Вместе с тем названные авторы констатируют, что цифровые данные соответствуют «иным документам», указанным в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, которые по сути обозначают все потенциальные доказательства, не подпадающие под конкретно регламентированные случаи свидетельских, экспертных и документальных доказательств [1, с. 184].

Правоприменительная практика также свидетельствует о том, что некоторые суды относят электронные носители информации к категории иных документов [2; 3].

В связи с тем что рассматриваемый вопрос однозначно не решен ни на законодательном уровне, ни в практике судов, ни в доктрине, правоприменитель определяет сам, к какому источнику доказательств относить цифровые следы. Для этого он оценивает полученную доказательственную информацию и ее значение для расследования преступления.

Отсутствие законодательной дефиниции понятия «цифровое доказательство», а также перечня объектов, относящихся к нему, затрудняет практику применения цифровых следов в доказывании по уголовным делам. По мнению Ю. В. Гаврилина, «следует сформулировать определение термина так, чтобы исключить на практике его произвольную интерпретацию и подмену. Добиться этого возможно не техническим описанием понятия, а указанием на значимую для дела составляющую таких источников доказательств» [4, с. 48]. Данное высказывание имеет практическую значимость, однако если речь идет о цифровом доказательстве и оно выделяется законодателем в самостоятельную категорию, то все же технические понятия должны учитываться при производстве процессуальных и следственных действий.

Полагаем, что для использования в доказывании по уголовному делу цифровые следы должны обладать такими признаками, как значимость информации для расследования конкретного уголовного дела, достоверность источника, доступность информации для восприятия участником процесса, фиксация (изъятие) информации в строгом соответствии с уголовно-процессуальным порядком.

Ученые-процессуалисты ведут много споров о месте цифровых доказательств в системе доказательств по уголовным делам. Это связано с тем, что уголовно-процессуальный закон не относит их к какому-либо конкретному источнику доказательств из перечня, содержащегося в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Одни ученые относят цифровые доказательства к иным документам, другие признают их отдельным видом доказательств.

Считаем обоснованными предложения ученых-процессуалистов, о выделении цифровых следов в самостоятельную категорию доказательств путем дополнения ч. 2 ст. 74 УПК РФ еще одним пунктом.

Как отмечает Е. А. Гамбарова, цифровые следы обладают специфическими свойствами, что не позволяет их отнести к доказательствам, которые исходят от материальных либо идеальных носителей. Цифровые следы представляют собой отдельный вид уголовно-процессуального доказательства [5, с. 16].

Таким образом, повсеместное использование цифровых следов при расследовании преступлений, совершенных в информационной среде, формирует правоприменительную практику. Это обуславливает необходимость правовой регламентации указанной деятельности и внесения изменений в уголовно-процессуальный закон.

Список источников

1. Чаднова И. В., Извеков А. В. Цифровые следы как доказательство в уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2019.

2. *Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 814-О // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 27.04.2023).*

3. *Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 4 июня 2013 г. № 41-АПУ13-13сп // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 05.10.2023).*

4. Гаврилин Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4(44).

5. Гамбарова Е. А. Изъятие цифровых следов из сети Интернет и использование их в доказывании: уголовно-процессуальные аспекты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2023. № 3(54).

Л. В. Попова

Дознание в сокращенной форме и преступления экономической направленности

Предложенные законодательные изменения, направленные на совершенствование производства дознания (глава 32¹ УПК РФ) и механизма их

реализации, достаточно подробно рассмотрены в научных трудах. Вместе с тем стоит акцентировать внимание на вопросе: возможно ли применение дознания в сокращенной форме по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности?

Действующим законодательством предусмотрено, что в сокращенной форме производство дознания возможно только по 16 составам преступлений в сфере экономической деятельности. Но позволяют ли это осуществить на практике нормы главы 32¹ УПК РФ?

По мнению М. Т. Аширбековой, одним из главных условий применения дознания в сокращенной форме является так называемая сложность уголовного дела: «Критерием выделения сокращенной формы дознания и его же признаком выступает сложность уголовного дела... понятие „сложность уголовного дела“ вошло в ткань уголовно-процессуального закона сравнительно недавно. Так, о „фактической сложности уголовного дела“ как критерия оценки разумности сроков судопроизводства указывается в ч. 3 ст. 61 УПК РФ. Понятие „сложность / несложность уголовного дела“ — оценочное. Потому законодатель не может детально прописать, какое именно дело сложное, а какое — нет» [1, с. 10].

Главное положение — это особенность доказывания (ст. 226⁵ УПК РФ). Доказательства собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного ущерба, а также виновности лица. Г. А. Печников и В. М. Шинкарук дают определение: «Сокращенная форма дознания есть „сделка“ с дознанием на взаимовыгодных для сторон условиях» [2, с. 110].

Дознаватель вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены. Если буквально исполнять закон, то получается, что дознаватель освобождается от обязанностей установления обстоятельств, исключающих преступность деяния, однако для экономических преступлений это недопустимо. Лицо может считать себя виновным в каких-то действиях, которые фактически могли быть лишь гражданско-правовыми отношениями, а к решению согласиться с сокращенной формой дознания его «подтолкнула» возможность снижения наказания. Только изучение различных документов и проведение необходимых экспертиз может помочь установить истину. Проверка доказательств по этим делам — сложная мыслительная деятельность по оценке показаний свидетелей и документов. Кроме того, как справедливо отмечает Н. А. Колоколов, «приговор должен быть составлен так, чтобы всем было ясно, что решил суд и почему он решил так и не иначе. Приговор должен быть законным и обоснованным, понятным и убедительным».

тельным, а также справедливым. Он должен быть правильным и по существу, и по форме. Нарушение этого требования закона судебная практика всегда признавала безусловным поводом к отмене приговора, потому что они ставят под сомнение конституционную гарантию правильности приговора — независимость судей и подчинение их только закону» [3, с. 3–6].

Сделка всегда требует признания своей вины. Если подозреваемый отказался от дачи показаний (п. 6 ч. 3 ст. 47 УПК РФ), то иногда сложно установить наличие состава преступления. Думается, по экономическим преступлениям это обстоятельство исключает производство дознания в сокращенной форме. Применительно к рассматриваемой категории преступлений порой допускается неполнота проведенных проверок, в процессе которых выясняются не все вопросы, имеющие значение для разрешения дела по существу, что влечет необходимость производства допросов и других мероприятий. Принять законное решение в установленные сроки невозможно.

С. Н. Клоков пишет, что в перечень юридически значимых фактов, которые обязан доказать дознаватель, входят характер и размер ущерба. Данную информацию передает потерпевший, которую можно не проверять, если подозреваемый с ней согласен. Автор считает, что это не соответствует правилам сбора доказательств [4, с. 87–91]. Это прямо связано с рассматриваемыми уголовными делами, для которых сам факт наличия менее определенной суммы ущерба или размера извлеченного дохода свидетельствует об отсутствии состава преступления. Поэтому такой ущерб или размер подлежат доказыванию в обязательном порядке.

Вторая проблема — это возможность подозреваемого, потерпевшего и его представителя на любой стадии процесса отказаться от дознания в сокращенной форме. Если вдруг государственный обвинитель в прениях сторон выскажет мнение о серьезной мере наказания, то подсудимый может объявить об отказе от продолжения производства в данной форме. Обоснованное нареkanie возникает у А. С. Александрова и М. В. Лапатникова: «Частное лицо навязывает волю публичному органу и стороне защиты и прямо влияет на то, в какой форме осуществлять публичное производство по уголовному делу» [5, с. 15].

Формализм при разъяснении прав подозреваемому и потерпевшему по преступлениям в сфере экономики о порядке и последствиях сокращенной формы влечет изменение позиции в суде. Конечно, это надо закрепить законодательно. И это не будет нарушением права на защиту, поскольку суд в соответствии с ч. 4 ст. 229 УПК РФ по собственной иници-

циативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению приговора, выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для производства дознания в общем порядке.

И последнее, возвращение уголовного дела судом для проведения дознания в общей форме — это отрицательный показатель деятельности не только подразделения дознания, но и прокуратуры. Учитывая невозможность прокурора каким-либо образом повлиять на ситуацию, он стремится избежать ее возникновения.

Для частичного решения обозначенных в статье проблем предлагаем изменение законодательной конструкции главы 32¹ УПК РФ, а именно: дополнить ее статьей 226¹⁰ следующего содержания:

«Статья 226¹⁰. Особенности производства дознания в сокращенной форме по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики

1. По уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности сокращенная форма дознания применяется только после возмещения ущерба до составления обвинительного постановления.

2. Подозреваемому, потерпевшему и его представителю разъясняется, что они не могут возражать в суде против дальнейшего производства с применением особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу об экономических преступлениях, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

3. Дознаватель обязан проверить характер и размер причиненного вреда по преступлениям экономической направленности.

4. В случае отказа подозреваемого от дачи показаний дознание производится в общем порядке».

Список источников

1. *Аширбекова М. Т.* О критериях дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. ст. Волгоград, 2013.

2. *Печников Г. А., Шинкарук В. М.* Сокращенная форма дознания и объективная истина // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3(26).

3. *Колоколов Н. А.* Мировой судья // Особый порядок: осторожно, «подводные камни». 2014. № 12.

4. *Клюков С. Н.* К вопросу о допустимых пределах уголовно-процессуального воздействия на дознавателя со стороны других участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел

в форме дознания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3(31).

5. Александров А. С., Лапатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4(100).

А. Б. Соколов

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: понятие и сущность

Деятельность по расследованию преступлений является многогранной, требующей от субъектов, ее осуществляющих, знания законодательства, в особенности уголовного и уголовно-процессуального, а также понимания, способности его оптимального применения.

Одним из путей достижения целей названной ранее деятельности является совершенствование такой ее подсистемы, как криминалистическое обеспечение расследования преступлений. Ранее мы обращали внимание на то, что динамичное развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства, невысокое качество сформированных навыков и умений правоприменителей по реализации криминалистических рекомендаций в области применения технических средств обнаружения, фиксации и сохранения следов преступной деятельности, тактики и технологии производства следственных и иных процессуальных действий, методики расследования отдельных видов и групп преступлений отрицательно сказываются как на организации, так и на эффективности деятельности по расследованию противоправных деяний [1, с. 108–109]. Одной из причин указанной проблемы, на наш взгляд, являются недооценка значимости единой терминологии и порой ошибочное понимание смысла используемых терминов, что приводит к ложному их толкованию.

Ученые-криминалисты [2, с. 158; 3, с. 153–154; 4, с. 18–19; 5, с. 122–123; и др.] указывают, что понятие «криминалистическое обеспечение» было введено в 70-х гг. прошлого столетия В. Г. Коломацким, на взгляд которого, данная категория охватывает систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении использовать научные, методические и тактические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскры-

тия и расследования преступлений [6, с. 62]. Появившаяся в криминалистической науке новая категория вызвала интерес со стороны многих ученых, в том числе Р. С. Белкина. В ходе проведенного исследования ученый-криминалист пришел к выводу, что криминалистическое обеспечение представляет собой систему знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений [7, с. 64]. Анализ приведенных мнений позволяет выделить существенные отличия. Как верно отметил А. В. Шмонин, «Р. С. Белкин рассматривает криминалистическое обеспечение в статике („система криминалистических знаний“), а В. Г. Коломацкий — в динамике („система внедрения“» [8, с. 287].

В 2000-е гг. широкое распространение получили термины «технико-криминалистическое обеспечение» [9; 10 и др.] и «тактико-криминалистическое обеспечение» [11; 12 и др.]. Акцентирование внимания ученых на данных терминах, вероятно, связано с толкованием слова «обеспечение», которое в большинстве словарей рассматривается сквозь призму снабжения. Например, в толковом словаре С. И. Ожегова обеспечение понимается как «снабжение, предоставление чего-либо в нужном количестве» [13, с. 427].

С накоплением и осмыслением полученных в ходе исследований криминалистических знаний интерес ученых к пониманию сущности криминалистического обеспечения получает новое развитие. В свете сказанного интересным представляется мнение А. Ф. Волынского о том, что криминалистическое обеспечение — это комплексная по содержанию деятельность, направленная на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к использованию криминалистических рекомендаций, методов и средств, а также касающаяся реализации такой готовности на практике при раскрытии и расследовании преступлений [14, с. 55]. Анализ представленного определения позволяет указать на двухуровневую систему криминалистического обеспечения: созидательный (создание (формирование) данных условий) и деятельностный (их практическая реализация). Разделяем приведенную позицию в части, поскольку сама реализация условий, на наш взгляд, не может входить в содержание криминалистического обеспечения. При этом под формированием условий готовности, как отмечает А. Ф. Волынский, понимается совершенствование не только криминалистических знаний, криминалистического образования, но и организации деятельности экспертно-криминалистических

подразделений, а также правового регулирования использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в процессе раскрытия и расследования преступлений [14, с. 55–56].

С точки зрения А. В. Шмониной, криминалистическое обеспечение расследования преступлений — «это система представления криминалистических знаний правоохранительным органам и основанных на этих знаниях навыков и умений их должностных лиц, создающая условия для эффективного установления истины по уголовным делам» [15, с. 8]. Считаем важным отметить глубину понимания ученым объекта, субъектов, средств и форм криминалистического обеспечения расследования преступлений. Так, А. В. Шмонин полагает, что в качестве объекта рассматриваемого вида обеспечения выступают общественные отношения, связанные с предоставлением криминалистических знаний лицам, которые принимают участие в производстве предварительного расследования: органу дознания, дознавателю, следователю, специалистам, экспертам. Оказываемое воздействие на данных лиц создает предпосылки для формирования профессионализма и выработки на их основе умений и навыков. К субъектам криминалистического обеспечения ученый относит лиц, которые передают криминалистические знания, в частности профессорско-преподавательский состав кафедр криминалистики образовательных организаций, сотрудников криминалистических лабораторий и других структур, занимающихся научно-педагогической работой в области криминалистики. В качестве средств выступают криминалистические знания, состоящие из теорий, учений, методик, рекомендаций в области криминалистики. Доступность получения криминалистических знаний определяется формой их представления, в качестве которой могут выступать методические рекомендации, научные статьи, учебные и практические пособия, монографии, диссертации [15, с. 3–9].

Обобщая изложенное, а также высказанные в науке криминалистики позиции ученых, можно выделить несколько признаков, формирующих сущность криминалистического обеспечения расследования преступлений:

— системность, характеризующуюся наличием множества взаимосвязанных элементов, приводящих к образованию целостного механизма мер, способного повлиять на процесс расследования преступлений;

— динамичность, заключающуюся в разработке новых и совершенствовании существующих криминалистических знаний, формирующих криминалистический арсенал расследования преступлений;

— направленность криминалистического обеспечения на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических средств, приемов и методов.

Таким образом, криминалистическое обеспечение расследования преступлений представляет собой динамическую систему по формированию и совершенствованию криминалистических знаний, разработке криминалистических методов, средств и приемов, передаче таких знаний и выработке на их основе навыков и умений субъектов, позволяющих обеспечить эффективное использование криминалистического арсенала при расследовании преступлений.

Список источников

1. *Муравьев К. В., Соколов А. Б., Мерлаков Д. С.* Тактико-криминалистическое обеспечение производства обыска и выемки в ломбарде // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3.

2. *Белявский В. С.* О понятии криминалистического обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10.

3. *Натура Д. А.* О содержании криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8.

4. *Беляков А. А., Хамидулин Р. С.* Понятие и содержание криминалистического обеспечения расследования уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Уральского института МВД России. 2016. № 3.

5. *Виноградов А. А.* Криминалистическое обеспечение расследования преступлений — метод криминалистики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3.

6. *Криминалистика* : учебник : в 3 т. / под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого. Т. 1 : История, общая и частная теории / Т. В. Аверьянова [и др.]. М., 1995.

7. *Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования* : учеб. для высш. и сред. учеб. заведений МВД России / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997.

8. *Шмонин А. В.* Методология криминалистической методики : монография. М., 2010.

9. *Макагон И. В.* Техничко-криминалистические и тактико-организационные вопросы обнаружения, изъятия, исследования и использова-

ния микрообъектов в раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.

10. *Давыдов Е. В.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования терроризма, совершенного с применением взрывных устройств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

11. *Сокол В. Ю.* Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений (методические и организационные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998.

12. *Горяев Э. К., Тишутина И. В.* Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений : монография. М., 2006.

13. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006.

14. *Криминалистика* : учебник для студентов ВУЗов / А. Ф. Волынский [и др.] ; под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М., 2008.

15. *Шмонин А. В.* Понятие и структура криминалистического обеспечения расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 1.

Д. М. Сафронов

Обеспечение национальной безопасности как приоритетная цель уголовного судопроизводства в особых условиях

Уголовное судопроизводство как государственный вид деятельности в Российской Федерации должно осуществляться в любых условиях, как в стандартных, так и в особых.

В настоящее время его правовое регулирование можно назвать рассчитанным исключительно на условия повседневной деятельности. Между тем возникает множество нестандартных ситуаций, оказывающих воздействие на деятельность органов государственной власти (в том числе осуществляющих уголовное судопроизводство), затрудняющих либо исключающих возможность последним выполнять возложенные на них обязанности в обычном правовом режиме стандартными средствами. Их мы называем особыми условиями. Они могут быть вызваны действием сил природы (пожары, землетрясения, наводнения, половодья, цунами, тайфуны, эпидемии), промышленными и транспортными катастрофами (Саяно-Шушенская ГЭС, 2009 г.) либо социальными потрясениями (специальная военная операция, совершение преступлений, посягающих на го-

сударственную и общественную безопасность, основы конституционного строя).

Особые условия влияют на национальную безопасность нашей страны. Приоритеты национальной безопасности изложены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия) [1], в пункте 1 ст. 5 которой указано, что «национальная безопасность Российской Федерации (далее — национальная безопасность) — состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны». Пункт 2 ст. 5 Стратегии определяет национальные интересы Российской Федерации как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Аналогичный подход к пониманию обеспечения безопасности демонстрировал ранее законодатель в настоящее время отмененном Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», в научных и справочных изданиях [2, с. 93–94]. Таким образом, обеспечение национальной безопасности всегда связывалось с необходимостью защиты лица, общества, государства в их совокупности.

Заложенные в Стратегии ценности для их успешной защиты должны получить закрепление и развитие во всей системе публичного законодательства нашей страны.

Изучение Конституции РФ показывает, что в ней изначально ведется речь лишь о человеке и о том, что «его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). Эти положения стали основой для формирования множества иных нормативных правовых актов. Однако такая оценка Конституции РФ выглядит, по крайней мере, неполной, и вот почему.

В части 3 ст. 13 Конституции РФ ведется речь о запрете создания и деятельности «общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Таким образом, можно отметить, что в Основном законе страны говорится о защите наряду с личностью и общества, и основ конституционного строя.

Кроме того, Конституция РФ не только утверждает необходимость защиты всех объектов: личности, общества и государства, но и для опреде-

ленных условий устанавливает приоритеты защиты, допуская возможность ограничения отдельных прав и свобод «для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя» (ст. ст. 56, 88 Конституции РФ). Безопасность совокупности граждан означает общественную безопасность, т. е. для определенных условий Основной закон не только допускает, но и предполагает отдельные ограничения прав и свобод человека в интересах групповых субъектов: общества и государства.

Анализ приведенных положений допускает дуализм подходов законодателя к ценностям в стандартных и особых условиях. Для первых в приоритете отдельное лицо, для вторых — безопасность общества, государства и основ его конституционного строя.

С учетом изложенного предлагаем рассматривать обозначенные выше ценности (личность, общество, государство) как совокупность в их неразрывном единстве, что необходимо учитывать в законодательстве всех отраслей публичного права.

Этот вывод позволяет вести речь и о необходимости выстраивания системы публичного законодательства, исходя из тех же ценностей. Но это не так. УПК РФ данную идею отражает лишь частично, указывая на ценность лишь личности и организаций (ст. 6 УПК РФ), но не общества и государства. Такая неполнота в целеполагании влияет и на конструкцию уголовного судопроизводства в целом, и на его отдельные процедуры в частности, создавая препятствия в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Считаем, эту ситуацию следует пересматривать, для чего предлагаем следующее.

1. Признать, что УПК РФ как публичный нормативный акт должен быть направлен на защиту интересов национальной безопасности, к объектам защиты которой относятся не только личность, но и общество и государство в их неразрывном единстве.

2. Необходимо осуществлять разработку уголовно-процессуальных процедур с учетом соблюдения интересов всех объектов, подлежащих защите: лица, общества и государства в их совокупности, что также будет способствовать обеспечению национальной безопасности в Российской Федерации.

Список источников

1. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2021 г. № 400. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2023).

2. Стахов А. И. Обеспечение безопасности как основная функция Российского государства // Вестник Вятского государственного университета. 2005. № 13.

А. П. Лыга

О некоторых вопросах модернизации правового регулирования наложения ареста на имущество (в контексте соотношения частных и публичных интересов)

Вектор политико-правового развития России, выдерживаемый последние десятилетия, направляет преобразование нормативного регулирования наложения ареста на имущество в русло повышения обеспеченности права собственности. Высокие требования к его защите обостряют проблемы корреляции норм УПК РФ с иным отраслевым законодательством.

Значимость развития уголовно-процессуального законодательства в указанном направлении подчеркивается позицией Президента Российской Федерации В. В. Путина, высказавшегося о необходимости приведения мер уголовно-процессуального принуждения в соответствие актуальным условиям экономического развития России и особенно отметившего высокую значимость обеспечения имущественных гарантий [1].

Позитивно оценивая результат модернизации механизма, наложения ареста на имущество, нельзя сказать, что законодатель добился оптимальности правовой регламентации наложения ареста на имущество и эффективного его применения.

Анализ действующего правового регулирования позволяет прийти к выводу, что положения ст. 115 УПК РФ сконструированы так, что цели данной меры принуждения обеспечивают как частные, так и публичные имущественные интересы. Однако ориентированность механизма наложения ареста на имущество на достижение именно публичных целей уголовного судопроизводства не вызывает сомнения и позволяет заключить, что частный интерес при применении этой обеспечительной меры подчиняется ее публичным целям.

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу состоит в том, что вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и не должно нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную

соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью [2]. Сказанное означает, что публичные средства и обеспечиваемые ими цели должны пропорционально учитывать интересы всех участников процесса.

В теории права соразмерность ограничения имущественных прав при наложении ареста на имущество определяется в качестве критерия принципа пропорциональности. Обязательным условием ученые называют отсутствие иных менее принудительных средств и наличие специально предусмотренных законом целей [3–5]. В практике европейских судов соразмерность определяется как соблюдение баланса между конституционным правом и благом, для восстановления которого конституционное право ограничивается [6].

В этом контексте интерес вызывает вопрос о целесообразности ограничения права собственности в отношении определенного (конкретного) объекта права собственности для достижения таких целей ареста имущества, как обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа и иных имущественных взысканий. Объяснение данного подхода первичностью раскрытия и расследования преступлений и опосредованностью названных выше целей меры принуждения не согласуется с предназначением уголовного судопроизводства и значением института назначения наказания.

В связи с этим считаем, что механизм замены имущества, подвергнутого аресту, на иное, которое наиболее удобно использовать субъекту для этих целей, существенно повысил бы обеспеченность имущественных интересов участников уголовного судопроизводства и не вступил бы в противоречие с общими подходами к обеспечению целей меры принуждения и необходимостью достижения назначения уголовного судопроизводства.

Примером успешной реализации подобного правового регулирования является деятельность органов принудительного исполнения России (в ходе исполнительного производства объект ареста может быть заменен на иной по ходатайству собственника). Аналогичный порядок применяется при исполнении решения суда, вынесенного в соответствии со ст. 230 УПК РФ (стадия подготовки и назначения судебного заседания).

Стоит отметить, что в отдельных вопросах механизм отмены ареста имущества свидетельствует о преобладании частного интереса над публичным порядком. Данный аспект наиболее отчетливо проявляется в положениях ч. 9 ст. 115 УПК РФ, устанавливающих преюдициальный порядок отмены ареста имущества (безналичных денежных средств)

и его возвращения законному владельцу. Однако его реализация осложнена межотраслевой рассогласованностью положений УПК РФ, ст. 855 ГК РФ и Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Данный пробел не только не обеспечивает восстановление имущественных прав потерпевших от преступлений, но и создает условия для полного блокирования возможности их реализации. Считаем, что в данной части закон также подлежит корректировке путем внесения в УПК РФ соответствующих изменений, состоящих в регламентации первоочередности удовлетворения интересов собственников имущества, ограничение прав которых осуществлялось в уголовно-процессуальном порядке.

Кроме того, нельзя признать защищенными интересы потерпевших от преступлений, затрагиваемые при передаче гражданского иска в гражданский процесс при постановлении приговора, в то время как механизм охраны имущественных прав осужденного в модернизированном виде (ст. ст. 313 и 313¹ УПК РФ) [7] выглядит более развитым.

Правовое регулирование наложения ареста на имущество должно соответствовать уровню развития общественных отношений в сфере собственности. Иное отраслевое законодательство в части применения обеспечительных мер обладает гораздо большей вариативностью механизмов, обеспечивающих частные интересы и публичные цели правоприменения. Оно является более развитым при том, что в уголовном судопроизводстве взаимодействие частных и публичных интересов происходит более интенсивно.

В заключение отметим, что механизм наложения ареста на имущество должен развиваться таким образом, чтобы частные и публичные интересы в нем учитывались в максимальной степени и согласовывались с положениями ст. 6 УПК РФ. Для достижения такого результата пределы правового регулирования данной меры процессуального принуждения следует расширить. Модернизация должна состоять в имплементации отдельных элементов иного отраслевого законодательства, а также в приведении межотраслевых связей УПК РФ в состояние согласованности.

Список источников

1. *Стенограмма* речи Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/06/17/>

stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-rmef-2022.html (дата обращения: 20.06.2023).

2. *Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей 1, 3 и 9 ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобами ЗАО „Недвижимость-М“, ООО „Соломатинское хлебоприемное предприятие“ и гражданки Л. И. Костаревой».*

3. *Grimm D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence // The University of Toronto Law Journal. 2007. № 2.*

4. *Постановление ЕСПЧ от 10 октября 2017 г. по делу «Личихина против Российской Федерации» (§ 59).*

5. *Постановление ЕСПЧ от 7 апреля 2020 г. по делу «Аврора малоэтажное строительство» против Российской Федерации» (§ 60).*

6. *Постановление ЕСПЧ от 22 января 2009 г. по делу «Боржонов против Российской Федерации» (§ 59).*

7. *Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».*

М. М. Горшков

Оценка достоверности показаний пострадавшего (потерпевшего) при расследовании причинения вреда здоровью

Вопрос оценки достоверности показаний пострадавшего (потерпевшего) является актуальным в рамках реализации правоприменительной деятельности правоохранительных органов, поскольку от этого зависят эффективность расследования преступлений (в частности, связанных с причинением вреда здоровью), его успешность и справедливость наказания. Отметим, что под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологических функций органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды [1]. В результате указанной оценки определяется, соответствует ли действительности полученное доказательство. Признание же доказательства достоверным является одним из условий, позволяющих установить обстоятельства совершенного преступления и, что наиболее важно, виновность или невиновность лица в его совершении. При оценке достоверности

доказательств решается вопрос об их соответствии фактам объективной действительности [2, с. 47–48].

С учетом рассматриваемой категории преступлений получение показаний у лица либо лиц, которым был причинен вред здоровью, необходимо начинать незамедлительно, с момента возникновения ситуации их непосредственного общения с лицом, проводящим проверку сообщения о преступлении, либо в начале проведения такого следственного действия, как допрос, в рамках возбужденного уголовного дела.

Физическое и психическое состояние потерпевшего в результате преступного воздействия на его организм (наличие физической боли, психологической травмы, эмоционального расстройства, посттравматического стресса, потери жизненных возможностей и иные неприятности, связанные с причинением ему вреда здоровью) является важным фактором, влияющим на достоверность его показаний. При этом следует принять во внимание вероятность ухудшения состояния здоровья потерпевшего в момент дачи им показаний.

Однако следует учитывать не только этот аспект, но и наличие чувства страха, желания отомстить или преувеличить степень ущерба, возможные предубеждение или когнитивные искажения. Кроме того, важно рассматривать обстоятельства, включающие любые другие доказательства, которые могут подтвердить или опровергнуть показания потерпевшего при расследовании причинения вреда здоровью.

Вследствие этого оценка достоверности показаний потерпевших по делам указанной категории — длящийся процесс, состоящий из проверки, сравнительного анализа, сопоставления имеющихся в деле доказательств и иной информации, выявление и исследование связей между данными объектами.

При решении вопроса об оценке достоверности показаний, как правило, выделяют две стадии: в ходе процессуального действия, направленного на получение показаний, и после его окончания [3, с. 22; 4, с. 152]. Процесс оценки достоверности показаний потерпевших при расследовании причинения вреда здоровью должен включать в себя следующие элементы: изучение личности допрашиваемого; учет состояния потерпевшего в момент совершения в отношении него преступного воздействия [5]; учет состояния потерпевшего в момент получения от него показаний; учет условий восприятия события преступления, сохранения (запечатления) в памяти и воспроизведения ранее воспринятого в ходе дачи показаний; криминалистический анализ показаний потерпевшего на предмет их непротиворечия имеющимся в деле доказательствам и иной инфор-

мации (в том числе прежних показаний, полученных в ходе опроса при проверке сообщения о причинении вреда здоровью) [6]; проверка источников получения имеющихся в деле доказательств и иной информации; получение новых доказательств, необходимых для проверки полученных от потерпевшего показаний.

Как правило, показания потерпевших при расследовании преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, бывают недостаточно полными и достоверными, и здесь необходимо учитывать вышеперечисленные факторы, влияющие на содержание сообщаемых ими сведений в силу особенностей восприятия и запоминания. Потерпевшие ввиду серьезных психических переживаний после оказания на них преступного воздействия, связанного с причинением вреда здоровью, прежде всего при даче первичных показаний, не могут детально воспроизвести обстоятельства, предшествующие расследуемому событию, связанные непосредственно с причинением вреда здоровью, а также последующие за преступным воздействием. Поэтому по делам указанной категории возникает необходимость получения дополнительных либо повторных показаний потерпевшего. Показания потерпевшего по делам о причинении вреда здоровью, в совокупности признанные достоверными, должны обладать целостной характеристикой расследуемого события преступления.

Таким образом, оценка достоверности показаний потерпевшего зависит не только от правил оценки доказательств, предусмотренных ст. 88 УПК РФ, но и от фактических обстоятельств конкретного уголовного дела и личностных качеств пострадавшего (потерпевшего) при расследовании причинения вреда здоровью.

Список источников

1. *Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека* (п. 2), утвержденные постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522.
2. *Якупов Р. Х.* Доказывание в уголовном процессе // Уголовный процесс. М., 1991.
3. *Корнеева А. Н.* Показания потерпевшего в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
4. *Горбунов Д. В.* Оценка показаний потерпевшего в уголовном процессе // Общество и право. 2014. № 1(47).
5. *Шикла И. Р.* К вопросу определения уголовно-правовых критериев оценки беспомощного состояния потерпевшего // Actual issues of modern

science and society. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opredeleniya-ugolovno-pravovyh-kriteriev-otsenki-bespomoschnogo-sostoyaniya-poterpevshego/viewer> (дата обращения: 09.10.2023).

6. *Как распознать ложь: основы криминалистического анализа показаний и признаки допрашиваемого лица* // НаучныеСтатьи.Ру. URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/kriminalisticheskij-analiz-pokazanii-i-priznaki-lzhi-doprashivaemogo-licza/> (дата обращения: 10.10.2023).

В. В. Кальницкий

Влияет ли ограничение времени расследования после истечения срока давности на деятельность по возвращенному из суда уголовному делу?

1. Давно подмечено, что нерешенность общих вопросов способна породить неопределенность в частных аспектах. Данная констатация полностью относится к сфере уголовного судопроизводства. Например, сформулированная в заглавии проблемная ситуация может быть решена только в условиях полной ясности юридической сущности досудебного производства по исполнению решения суда о возвращении уголовного дела прокурору, которой, к сожалению, до настоящего времени нет.

2. В соответствии с ч. 2² ст. 27 УПК РФ уголовное преследование, осуществляемое после истечения срока давности наступления уголовной ответственности, ограничено конкретными сроками, дифференцированными в зависимости от тяжести преступления, — два, три, двенадцать месяцев. Такое ограничение носит императивный характер, что вытекает из текста нормы («уголовное преследование подлежит прекращению»), а также из позиции Конституционного Суда РФ [1], на основании которой в закон внесены рассматриваемые изменения [2]. Диспозиция нормы устанавливает, что преследование прекращается, если «уголовное дело не передано в суд». Предельный срок расследования по истечении срока давности (если подходить к нему с учетом общих правил исчисления сроков) течет до передачи уголовного дела прокурору. Можно предположить, что выполнение прокурором своей функции, несмотря на то что имеет место условно называемое «добавочное» расследование, осуществляется в сроки, дополнительно «приплюсовываемые» к сроку расследования. Хотя такое толкование небесспорно (оно скорее грамматическое, чем смысловое), поскольку прокурор, утверждая обвинительное заключение (акт), реализует функцию уголовного преследования, осуществление ко-

торой за пределами строго определенных временных периодов признано неконституционным.

3. Исполнение решения суда о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению и разрешению по существу требует времени. Согласно ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ срок производства следственных и иных процессуальных действий по возвращенному судом уголовному делу не может превышать одного месяца со дня поступления его к следователю. Данный срок не устанавливается правоприменительным актом какого-либо субъекта, он, по нашему мнению, считается установленным законом. Обратим внимание, что указанный месячный срок исчисляется применительно к деятельности следователя, но не прокурора, время нахождения дела у которого не регламентировано. Дальнейшее продление установленного законом месячного срока допускается на общих основаниях.

4. Интересующая нас проблемная ситуация может быть выражена в ряде вопросов: возможно ли в принципе возвращение уголовного дела прокурору в случае, когда по поступившему в суд уголовному делу исчерпан лимитированный законом срок расследования после истечения срока давности; если такое возвращение возможно, то ограничивается ли устранение выявленных судом нарушений исключительно деятельностью прокурора, поскольку она не привлекла внимание ни законодателя, ни конституционных судей и, так скажем, не попала под «санкцию» недопустимости после наступления срока давности?

5. По нашему мнению, ответ на поставленный вопрос зависит от взгляда на сущность деятельности органов расследования по возвращенному из суда уголовному делу. Если данную деятельность считать дополнительным расследованием (что, полагаем, не соответствует правовым реалиям), то позиция должна быть строго отрицательной. И закон, и Конституционный Суд РФ жестко пресекают уголовное преследование за пределами срока давности сверх установленных процессуальных сроков. Суд обязан будет постановить оправдательный приговор. Если же принять во внимание позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой возвращение уголовного дела прокурору не осуществляется в целях восполнения недостающих доказательств и по своей сути не является дополнительным расследованием, то такая деятельность органов расследования допустима и после использования «добавочного» времени производства по уголовному делу, по которому истек срок давности привлечения к уголовной ответственности. Уголовное дело поступило в суд в установленном порядке, и речь идет лишь о снятии препятствий для его рассмотрения.

6. Представляется, что правильной является последняя из приведенных точек зрения. Производство следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному судом прокурору, выступает специфическим производством, нацеленным исключительно на исполнение решения суда, а не разрешение общих задач досудебного производства. Иными словами, ни прокурор, ни органы расследования, которым в свою очередь уголовное дело направляет прокурор, не имеют тех полномочий по собиранию доказательств и распоряжению обвинением, которыми они обладали до передачи дела в суд. Даже в случаях применения закона о более тяжком преступлении органы преследования не реализуют функцию обвинения по своему усмотрению, а исполняют решение суда. Отсюда наша позиция состоит в том, что производство следственных и иных процессуальных действий по устранению выявленных судом нарушений допустимо и в условиях, когда «добавочный» срок расследования, предусмотренный ч. 2² ст. 27 УПК РФ, был исчерпан до первичного направления уголовного дела в суд.

Возможна ситуация, когда измененная квалификация содеянного приведет к увеличению срока давности наступления уголовной ответственности, что освободит органы расследования от ограничений, установленных ч. 2² ст. 27 УПК РФ. Однако данное обстоятельство (выход производства по уголовному делу из режима «добавочного» расследования или увеличение периода «добавочного» времени в связи с изменением категории преступления) не влияет на юридическую природу и содержание деятельности по возвращенному из суда уголовному делу. Поэтому поднятый в печати вопрос о том, «имеет ли значение кратность передачи дела в суд, то, сколько раз его туда направляли», и отрицательный ответ на него («добавочный» процессуальный срок производства после истечения срока давности продолжает исчисляться и выполняет свою ограничительную роль [3, с. 52–53]) правилен лишь для сторонников концепции дополнительного расследования. Если же исходить из специфики целей и содержания деятельности органов расследования по исполнению решения суда, принятого в соответствии со ст. 237 УПК РФ, то лимитированный «добавочный» срок, установленный новым регулированием для досудебного производства, осуществляемого после истечения срока давности, на данную деятельность не распространяется.

Что касается деятельности прокурора по устранению выявленных судом нарушений, то она не подпадает под новые временные ограничения: в ч. 6¹ ст. 162 и ч. 2² ст. 27 УПК РФ речь идет о сроках деятельности органов расследования, а не прокурора.

Таким образом, новое нормативное регулирование отношений, связанных с производством по уголовному делу по истечении сроков давности, применимо лишь к общему порядку расследования, содержанием которого выступает привлечение лица к уголовной ответственности. В случаях, когда органы расследования осуществляют производство следственных и иных процессуальных действий по исполнению решения суда о возвращении уголовного дела прокурору, параметры (наличие или отсутствие) разрешенного законом срока расследования после истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности значения не имеют.

Список источников

1. *Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова».*

2. *Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».*

3. *Ильютченко Н. В. Новый дополнительный механизм реализации освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Уголовный процесс. 2023. № 8.*

А. А. Кузнецов

Предварительное исследование как непроцессуальная форма использования специальных знаний

В процессе раскрытия, расследования преступлений следователь, несомненно, использует отдельные знания сведущих лиц, а также в необходимых случаях и свои собственные, полученные в результате специальной подготовки и накопленного практического опыта. В широком смысле слова субъектами применения специальных знаний в уголовно-процессуальной деятельности могут быть специалист, эксперт, сотрудник органа дознания, дознаватель, следователь, следователь-криминалист, руководитель следственного органа, прокурор или судья. Уголовно-процессуальное законодательство наделило правом собирать и представлять доказательства подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей

(ст. 86 УПК РФ). В связи с этим данные лица также могут являться субъектами применения специальных знаний в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений в силу своей компетенции. Однако не у всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности результаты применения специальных знаний будут признаны доказательством. Лишь деятельность специалиста и эксперта, отраженная в заключении, имеет доказательственное значение в уголовном процессе (ст. 80 УПК РФ).

В юридической литературе можно встретить большое количество определений понятия «специальные знания». По содержанию они имеют сходство. Из всего многообразия дефиниций следует выделить предлагаемую Е. Р. Россинской: специальные знания — «система теоретических знаний, практических навыков в области конкретной науки, техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного, гражданского, административного судопроизводства» [1, с. 5].

Принимая данное определение за основу, считаем, что специальные знания — это знания, не являющиеся общеизвестными и профессиональными, отражающие современный уровень развития науки, техники, искусства и ремесла, используемые в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве компетентными лицами в соответствии с требованиями закона в целях установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Осуществить правильный выбор и применить необходимые знания позволяют формы специальных знаний, выделяемые законодателем и сложившейся практикой деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Классификации форм использования специальных знаний в юридической литературе было уделено большое внимание, но до настоящего времени единой структуры так и не сложилось. Например, Е. И. Зуев делил их на пять групп [2, с. 88], В. И. Шиканов — на восемь групп [3, с. 39, 40], причем все позиции данных и иных авторов представляли значительный интерес. Многие участники научной дискуссии, называя формы, одновременно предлагали их содержание. Включая различных субъектов в каждую из форм, они не учитывали их законодательное положение, а также сложившуюся практику использования специальных знаний в расследовании. Говоря о непроцессуальной форме таких знаний, В. К. Лисиченко и В. В. Циркаль утверждали, что «не может быть

непроцессуальных форм применения специальных знаний в уголовном процессе, это равнозначно их незаконности» [4, с. 62]. Сегодня наиболее востребована классификация форм использования специальных знаний по их правовой природе. Таким образом, с точки зрения правовой регламентации следует вести речь о процессуальных и непроцессуальных формах [5, с. 32; 6, с. 15].

Предварительные исследования необходимо относить к непроцессуальной форме использования специальных знаний. В юридической литературе можно встретить различные наименования названной деятельности (предварительное исследование объектов; экспресс-исследования; оперативные (внеэкспертные) исследования; первичные, интегрированные, диагностические, внеэкспертные технико-криминалистические, несудебная (досудебная) экспертиза [7, с. 29; 8 с. 474; 9, с. 174]).

Считается традиционным выполнение двух видов предварительного исследования: материальных следов на месте происшествия и исследование в лабораторных условиях экспертно-криминалистических подразделений. Первое направление охватывается процессуальными полномочиями специалиста, и нет необходимости говорить о проведении предварительного исследования, что справедливо отмечает Т. Д. Телегина [10, с. 93–95]. В условиях экспертно-криминалистических подразделений могут проводиться предварительные исследования для определения природы и назначения изучаемого объекта [11]. В то же время В. Д. Корма выделяет три вида предварительного исследования материальных следов: 1) проводимые в ходе осмотра места происшествия (иных следственных действий); 2) проводимые в лабораторных условиях на основании письменного задания оперативного органа дознания, наделенного полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности; 3) проводимые при проверке объектов по экспертно-криминалистическим учетам [12, с. 144].

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, отметим, что предложенные виды предварительных исследований действительно актуальны. Однако стоит уточнить, что словосочетание «предварительное исследование» не упоминается не в одном нормативном документе, регламентирующем этот вид исследования. Надлежит исходить из того, что под предварительным исследованием понимается быстрое, неотложное, оперативное получение необходимой информации с использованием специальных познаний. Как при осмотре места происшествия, так и при проведении иных следственных действий специалист доступными ему в конкретной ситуации технико-криминалистическими средствами и методами помога-

ет следователю в решении задач по поиску и определению пригодности к исследованию различных материальных следов (рук, ног, обуви, транспортных средств), в установлении места и направления выстрела, выявлении признаков лица, совершившего преступление, и т. п. Как правило, такая информация востребована для выдвижения версий, выявления признаков преступления, разработки оперативно-розыскных мероприятий, определения направлений дальнейшего расследования. Для формулирования вывода не требуются специальные исследования, заключения и предложения специалиста очевидны, в крайнем случае, подтверждаются справочной информацией. Следователь никак не оформляет результаты исследования специалистом материальных следов, их наличие и отношение к материалам уголовного дела будет отражено в соответствующем протоколе следственного действия. Если же, например, при осмотре места происшествия требуется проведение исследования в соответствии с экспертными методиками, то результаты должны быть оформлены в виде справки специалиста и приобщены к материалам дела. Особенно это касается случаев, когда для проведения исследования в полевых условиях задействована передвижная криминалистическая лаборатория.

В то же время исследование, проводимое по заданиям в условиях экспертно-криминалистических лабораторий или в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 144 УПК РФ, представляет собой непроцессуальную форму применения специальных знаний, так как их результаты оформляются в соответствии с ведомственными нормативными актами. По результатам исследования могут быть сформулированы предположительные выводы, которые нельзя использовать в качестве источников доказательств. Нужно также обратить внимание, что специалисты в экспертно-криминалистических подразделениях могут проводить исследования только в тех случаях, когда осуществление судебной экспертизы невозможно, при этом использовать только неразрушающие методы. Среди применяемых видов исследований, прежде всего, наиболее распространены дактилоскопические, трасологические, баллистические, а также исследования наркотических средств, спиртосодержащих жидкостей, лингвистические, компьютерные, биологические и медико-криминалистические [13]. Отметим наиболее важные аспекты, часто обсуждаемые в криминалистической литературе. Специалист фактически действует, исходя из тех задач, которые перед ним ставят следователь, оперативный работник. Насколько данные субъекты владеют навыками назначения предварительных исследований? Насколько они обеспечены информационными ресурсами по методикам проведения подобных исследований? Эти моменты должны

учитываться при подготовке образовательных программ в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами, в которые необходимо включать вопросы подготовки специалистов и расширения публикаций методических рекомендаций по ознакомлению с отдельными методиками судебных экспертиз.

Исследования, проводимые при проверке объектов по экспертно-криминалистическим учетам, осуществляются с помощью информационно-поисковых систем. В данном направлении широко задействуются цифровые технологии. И хотя субъектами использования и формирования учетов являются следователь, дознаватель, сотрудники оперативного и экспертно-криминалистического подразделений [14], результаты проверки могут оформляться справкой специалиста, обладающего соответствующей специализацией. Поэтому полагаем, что предоставление информации, имеющей криминалистическое значение и содержащейся в различного рода учетах, вполне соответствует справочной деятельности специалиста и относится к непроцессуальной форме использования специальных знаний.

Таким образом, предварительные исследования материальных объектов относятся к непроцессуальной форме использования специальных знаний и могут проводиться в ходе как следственных действий, так и исследований в лабораторных условиях экспертно-криминалистических подразделений для получения информации об относимости объектов к расследуемому событию.

Список источников

1. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд. М., 2018.

2. *Зувев Е. И.* Сущность специальных познаний // Труды ВНИИОП МООН СССР. М., 1968. № 13.

3. *Шиканов В. И.* Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1980.

4. *Лисиченко В. К., Циркаль В. В.* Использование специальных знаний в следственной и судебной практике. Киев, 1987.

5. *Махов В. Н.* Формы использования специальных знаний // Российский следователь. 1999. № 4.

6. *Сорокотягин И. Н.* Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.

7. *Мешков В.* Роль специалиста в расследовании дел о незаконном обороте наркотиков // Российская юстиция. 2001. № 2.

8. *Ищенко Е. П., Топорков А. А.* Криминалистика : учебник. М., 2005.

9. *Скоморохова А. Г.* Досудебная экспертиза, проводимая в государственных судебно-экспертных учреждениях. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. мат-лов конф. М., 2000.

10. *Телегина Т. Д.* Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : монография. М., 2011.

11. *Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России».*

12. *Корма В. Д.* Понятие и виды предварительных исследований материальных следов, их правовые и криминалистические аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 6(139).

13. *Сведения о производстве в экспертно-криминалистическом центре Управления МВД России по Омской области традиционных видов исследований с 1 января 2023 г. по 30 сентября 2023 г.* Документ опубликован не был.

14. *Инструкция по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации (п. 4), утв. приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70.*

Я. М. Мазунин

Способы преодоления противодействия расследованию организованными преступными формированиями

Разработка соответствующих приемов и методов преодоления различных форм противодействия следствию со стороны преступников, их пособников и покровителей уже давно стала важной задачей криминалистики.

В последнее время в уголовном процессе и криминалистике эта задача рассматривается как особая проблема, так как масштабность развития и проникновения организованной преступности во все сферы нашего общества привела к тому, что «само противодействие раскрытию и расследованию преступлений, объективному и справедливому рассмотрению уголовных дел в судах по существу стало противодействием деятельности правоохранительных органов в целом и в этом смысле приобрело характер крайне негативного и очень опасного социально-правового явления» [1, с. 4]. Можно даже сказать, «что оно имеет своей целью деста-

билизовать деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью» [2, с. 151].

Способы противодействия весьма многообразны, тщательно продуманы. Незнание способов противодействия, неумение их преодолевать со стороны оперативных работников, следователей, судей очень часто приводят к осложнениям в процессе расследования или невозможности раскрыть преступление. Как справедливо по этому поводу замечает В. Н. Карагодин, «если противодействие успешно осуществляется даже по небольшому количеству расследуемых дел, остаются безнаказанными тысячи лиц, совершивших преступления. Цифра эта еще увеличится, если к ней прибавить число не выявленных в результате указанного противодействия деяний» [3, с. 6].

В настоящее время противодействие раскрытию и расследованию преступлений со стороны организованных преступных формирований стало не просто эпизодом в их преступной деятельности, а «одним из важных ее элементов, обеспечивающих их безопасное существование и носящих характер одной из закономерностей организованной преступной деятельности» [2, с. 152] (94,4% опрошенных нами следователей и 96,6% оперативных работников, специализирующихся на раскрытии и расследовании организованной преступной деятельности, 78,5% судей указали, что сталкивались с различными формами противодействия *).

Исследователи отмечают также, что, кроме общих закономерностей в способах противодействия, существуют и специфические, характерные для преступной деятельности определенных видов либо для типичных ситуаций.

Выявление таких типичных приемов противодействия, определение их признаков и специфика нейтрализации «видового» противодействия должны способствовать разработке и совершенствованию частных криминалистических методик расследования в современных условиях.

Указанная специфика проявляется, прежде всего, применительно к двум группам преступной деятельности: общеуголовной (бандитизм, грабежи и разбойные нападения, вымогательства и т. п.) и преступной деятельности в сфере экономики (мошенничества, хищения путем присвоения и растраты, незаконное предпринимательство, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов и т. п.). Разумеется, особенности имеет противодействие расследова-

---

* В ходе исследования, проведенного нами в 2021 г., опрошено 362 следователя, 56 судей, а также 511 осужденных.

нию и иных видов преступной деятельности (например, ДТП, экологические и т. п.). Однако обе отмеченные группы объединяют большое число видов преступной деятельности с общими признаками противодействия.

В ходе исследования выявлены факторы, детерминирующие противодействие расследованию, к которым можно отнести: вид преступной деятельности; степень организованности преступной деятельности; регион, где эта деятельность осуществляется; личность субъектов противодействия; эффективность воздействия на свидетелей, потерпевших и других участников судопроизводства.

При этом в организованной преступной деятельности применяются как общие способы противодействия установлению действительных обстоятельств расследуемого любого отдельно взятого преступления (ложные показания; уклонение от дачи показаний; уничтожение следов преступления; инсценировки; выдвигание и обоснование ложного алиби; похищение и уничтожение уголовных дел или отдельных вещественных доказательств и т. п.), так и специфические, т. е. характерные для рассматриваемого вида преступной деятельности.

Исследования, проведенные как нами, так и другими авторами, позволили получить конкретные данные относительно наиболее распространенных противоправных действий участников организованных преступных формирований по оказанию противодействия назначению уголовного судопроизводства.

В числе наиболее распространенных способов противодействия расследованию со стороны организованных преступных формирований опрошенные нами следователи отметили: противодействие со стороны самих членов формирований путем дачи ложных показаний, отказа от дачи показаний и т. п. (92,9%); подкуп, запугивание, насилие в отношении потерпевших, свидетелей, их близких родственников (71,3%); незаконные действия защитников членов формирований (61,7%); соблюдение скрытности, маскировки и конспиративности преступной деятельности (54,5%); попытки повлиять на ход расследования через средства массовой информации (34,8%); обеспечение перехода на нелегальное положение членов формирований, против которых у правоохранительных органов имелись серьезные улики и задержание которых может повлечь разоблачение всего формирования (23,6%); попытки воздействовать на следователей (25,6%) и судей (22,7%) в целях принятия решений, выгодных членам преступных формирований; укрывательство заподозренных членов формирования за пределами России (15,3%). Аналогичные сведения получены во время опроса судей, назвавших, помимо этого, такие формы противодействия,

как вмешательство должностных лиц в судебную деятельность (31,5%); создание условий, затрудняющих деятельность судей (44,8%); безосновательное изъятие уголовного дела из производства судьи (15,4%); необычное (по сравнению с предыдущим) «внимание» к делам и жизни судьи (18,7%); отказ в решении проблем социально-бытового характера (24,3%); дача указаний и распоряжений, не соответствующих фактическим обстоятельствам рассматриваемых уголовных дел (8,8%); необоснованная отмена решений и приговоров (55,1%).

46,4% опрошенных лиц, осужденных за совершение преступлений в составе организованных формирований, пояснили, что они оказывали противодействие следователю, оперативным работникам в ходе расследования в форме маскировки и фальсификации следов преступления (27,8%); уничтожения следов преступления (26,1%); отказа от общения с работниками правоохранительных органов в виде неявки по их вызову, отказа давать показания и т. д. (38,4%); утаивания информации в виде запирательства: «ничего не знаю», «ничего не помню» и т. п. (70,8%); дачи заведомо ложных показаний (45,5%); воздействия на следователя, оперативного работника, судью: направление жалоб, подкуп, шантаж, угрозы, провокация как лично, так и через сообщников, близких людей, адвокатов и т. п. (32,5%); дискредитации работников правоохранительных органов (41,6%).

Таким образом, противодействие преступных формирований усилиям следователя и оперативных сотрудников по установлению всех фактов преступной деятельности формирования, выявлению участников и конкретизации роли каждого из них представляет по своей сути комплекс как активных, так и пассивных форм противодействия и может выражаться: а) как система активных действий различных лиц, связанных с событием преступления, препятствующих следователю или судье в установлении действительных обстоятельств по уголовному делу и осуществлению правосудия; б) как целенаправленное пассивное поведение лиц, являющихся носителями криминалистически значимой информации о событии преступления и его участниках, препятствующее осуществлению расследования и правосудия в целом; в) как система действий лиц, не являющихся прямыми участниками преступного события, но в силу определенных обстоятельств заинтересованных в дезорганизации расследования.

Особенностью противодействия расследованию со стороны организованных формирований является то, что если для одиночных преступников типичны простые способы, состоящие из 1–4 приемов противодействия, то для организованных формирований характерно комплексное, организованное противодействие, включающее порой всю совокупность

приемов, причем применение некоторых из них рассчитано на длительное, постоянное действие.

Противопоставить этому мощному организованному противодействию следователь, профессиональный участник судебного разбирательства (прежде всего, судья и прокурор) и оперативный работник должны профессионализм, умелое использование всего арсенала предусмотренных законодательством следственных, судебно-следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Список источников

1. *Волынский А. Ф., Лавров В. П.* Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1996.

2. *Яблоков Н. П.* Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002.

3. *Карагодин В. Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992.

А. В. Павлов

Конкуренция системного толкования и аналогии закона в уголовном процессе

В практической деятельности органы предварительного расследования сталкиваются с проблемами, обусловленными недостатками правового регулирования. Подобные изъяны могут проявляться в разных формах. Так, тексту закона может быть присуща неопределенность, которую нельзя полностью исключить. Правоприменитель должен понять нормативный правовой акт, квалифицированно его истолковать и грамотно использовать в конкретных правоотношениях. Проблема правовой определенности обостряется в том случае, когда правоприменитель не может понять содержание нормативного акта, осознать его логику, правильно идентифицировать его цели и задачи либо когда складывается противоречивая правоприменительная практика. Вместе с тем некоторая степень неопределенности присуща любому закону [1, с. 38–39].

В ином случае правоприменители сталкиваются с пробелами в уголовно-процессуальном праве, что объясняется невозможностью

абсолютно полной, детальной регламентации ввиду чрезмерного многообразия возможных жизненных ситуаций.

Каждый из приведенных недостатков правового регулирования имеет свой способ разрешения. Правовая неопределенность нивелируется в ходе правоприменительной деятельности посредством системного толкования, что позволяет закону играть роль универсального регулятора общественных отношений. Пробелы в уголовно-процессуальном праве могут быть преодолены благодаря обращению к аналогии закона. Тем не менее как в теории, так и в практической деятельности нередко возникают предпосылки для конкуренции способа разрешения недостатков правового регулирования. Рассмотрим подобную ситуацию на конкретном примере. Так, высказано мнение о том, что при необходимости задержания обвиняемого правоприменитель вынужден прибегать к аналогии закона [2, с. 260; 3, с. 26]. Мы же полагаем, что при выделении оснований и порядка задержания обвиняемого следует обращаться к одному из способов толкования. Аргументацией будет служить анализ соотношения таких категорий, как аналогия и толкование.

В уголовном судопроизводстве не исключается возможность обращения к аналогии, притом что это прямо не предусмотрено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Данный вопрос становился предметом исследования Конституционного Суда Российской Федерации, который отметил, что, применяя в порядке аналогии ст. 220.2 УПК РСФСР при разрешении жалоб на незаконность и необоснованность отказа в возбуждении уголовного дела, суд должен руководствоваться закрепленным в ст. 123 Конституции Российской Федерации принципом гласности и проводить закрытое заседание по делу лишь в тех случаях, когда это необходимо для защиты государственной и иной охраняемой тайны [4].

В теории уголовного процесса разработаны условия правомерности применения аналогии закона: возникновение отношений, не урегулированных в УПК РФ (отсутствие соответствующей нормы); наличие нормы, регламентирующей сходные уголовно-процессуальные отношения; недопустимость применения мер процессуального принуждения по аналогии; недопустимость ограничения прав участников уголовного процесса. Например, предварительное расследование в форме дознания, предусмотренное ч. 1 ст. 223 УПК РФ, производится в порядке, установленном главами 21, 22 и 24–29 УПК РФ. Дознаватель с помощью этого законодательного приема может, обращаясь к системному толкованию, применять в ходе дознания положения, касающиеся предварительного следствия. При этом должны учи-

тываться особенности, закрепленные в главе 32 УПК РФ. Однако в УПК РФ не регламентирован этап окончания дознания, в отличие от предварительного следствия. В частности, не прописан порядок уведомления об окончании дознания, отсутствует процессуальная форма ознакомления с материалами уголовного дела. В условиях подобного пробела дознаватели руководствуются нормами главы 30 УПК РФ, посвященными этапу окончания предварительного следствия. Тем не менее в ч. 1 ст. 223 УПК РФ ссылка на данную главу не содержится. Это исключает возможность обращения к системному толкованию, что обуславливает использование аналогии закона. Но в данном случае с учетом того, что аналогия не допускается в случае ограничения прав участников уголовного процесса, возникают определенные трудности. В частности, может ли дознаватель ограничить право на ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемого, в случае если он начинает злоупотреблять этим правом? Понятно, что в подобной ситуации происходит ограничение не самого права на ознакомление с материалами уголовного дела, а злоупотребление этой возможностью. Принципиальной становится постановка вопроса о правомерности ограничения права как такового, коль скоро оно не предусмотрено относительно дознания в УПК РФ. Подобное регулирование не способствует формированию эффективной правоприменительной практики. Дознаватели в условиях неопределенности редко берут на себя ответственность и по судебному решению ограничивают злоупотребления правом на ознакомление. Разрешить ситуацию можно, дополнив ч. 1 ст. 223 УПК РФ указанием на возможность проведения дознания, в том числе и в порядке главы 30 УПК РФ. Это позволит дознавателю обратиться к системному толкованию и точнее определить порядок действий на этапе окончания дознания.

Понятие «аналогия» учеными определяется неоднозначно, но все они исходят из того, что потребность в ней возникает, когда отсутствуют нормы права, предусматривающие данный случай [5, с. 184; 6, с. 69; 7, с. 11]. Имеется лишь норма, которая регулирует сходные ситуации, но ее гипотеза не охватывает конкретные обстоятельства дела, поскольку законодатель не предвидел их [8, с. 119]. В то же время в результате толкования выясняется действительное содержание правовой нормы, которое по тем или иным причинам недостаточно четко или точно выражено.

Обращение к аналогии закона допускается только в том случае, если толкование не достигает поставленной цели. Различие заключается в том, что при толковании выводится правило, заложенное в правовой норме, но по ряду причин недостаточно ярко выраженное. При аналогии правоприменитель использует норму, не предусмотренную для данного случая

[6, с. 69]. Следует обратить внимание на важное замечание, сделанное Ю. В. Францифоровым и Н. О. Овчинниковой, о том, что применение права по аналогии не ликвидирует пробел, он лишь преодолевается в конкретном случае. Пробел в праве может заполнить и устранить только законодательный орган [9, с. 156–166].

Так, до внесения дополнения в ст. 210 УПК РФ сотрудники правоохранительных органов не имели права воспользоваться задержанием как мерой процессуального принуждения в отношении обвиняемого. Для иллюстрации приведем следующий пример. В судебное заседание в наручниках и под конвоем был доставлен К., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Он нарушил подписку о невыезде, был объявлен в розыск. Фактически свобода передвижения обвиняемого была ограничена сотрудниками милиции в 21.00 21 июня 2003 г. Обвиняемый был доставлен в отделение милиции, где содержался в заключении, откуда и был конвоирован к 14.00 22 июня 2003 г. в зал суда. При рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу в суде выяснилось, что он содержался под стражей без процессуального оформления, так как следователь не выносил соответствующего решения. Создавшуюся ситуацию следователь и прокурор аргументировали тем, что процессуальные нормы в тот период не регулировали данного вопроса, а аналогия по задержанию, по их мнению, в этом случае не могла быть применена [10, с. 260].

Приведенный пример демонстрирует проблему, связанную с доставкой обвиняемого в судебное заседание, и позицию правоприменителя в ситуации правового вакуума. Несмотря на отсутствие законных мер ограничения свободы, сотрудники правоохранительных органов задержание в отношении обвиняемого по аналогии юридически не применяли.

При разрешении вопроса об ограничении свободы разысканного обвиняемого в соответствии с ч. 3 ст. 210 УПК РФ потребуется прибегнуть к системному способу толкования норм права, являющемуся совокупностью приемов, использование которых базируется на сопоставлении двух или более юридических норм, позволяющих раскрыть смысл толкуемой нормы [11, с. 7]. По мнению С. С. Алексеева, такой способ толкования основывается на взаимосвязи и взаимодействии норм права в процессе регулирования и заключается в том, что при толковании одной нормы используются знания о других нормах, взаимосвязанных с толкуемой. Эти связи норм должны быть существенными, функциональными, отражающими отношения зависимости, дополнения, исключения, взаимодействия между ними. Нор-

ма, к которой делается отсылка, используется для конструирования другой, не полностью выраженной нормы [12, с. 398–399]. Б. В. Шейндлин трактует системность как такую связь правовых норм, при которой одни нормы определяют условия существования других правовых норм, нарушение которых, в свою очередь, должно повлечь применение норм, определяющих соответствующие меры принуждения [5, с. 36].

Таким образом, разрешение конкуренции системного толкования и аналогии закона осуществляется исходя из причин возникновения проблем правового регулирования. Потребность системного толкования возникает при правовой неопределенности, тогда как к аналогии закона следует обращаться в случае отсутствия правовой нормы, регулирующей возникающие отношения.

Список источников

1. *Пряхина Т. М.* Правовая неопределенность закона // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2(14).

2. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2004.

3. *Зайцева Л. Л., Пурс А. Г.* Задержание обвиняемого — новая мера процессуального принуждения: проблемы законодательного регулирования практики применения // Адвокатская практика. 2006. № 5.

4. *Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2002 г. № 114-О «По жалобе граждан Вахонина Александра Ивановича и Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 220.2 УПК РСФСР».*

5. *Шейндлин Б. В.* Сущность советского права. Л., 1959. С. 7. Цит. по: Дворников Н. Л. Системность права как основа системного способа толкования норм права // Российский судья. 2006. № 12.

6. *Громов Н. А., Белоносов В. О.* Критерии допустимости аналогии в уголовном процессе // Гос-во и право. 2001. № 7.

7. *Сопнева Е. В.* Аналогия в уголовном процессе // Российский следователь. 2006. № 3.

8. *Громов Н. А.* Толкование и аналогия в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2000. № 5/6.

9. *Францифоров Ю. В., Овчинникова Н. О.* Аналогия закона и аналогия права в российском уголовном процессе как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2016. Т. 15, № 1(30).

10. *Савченко А. Н.* Применение норм уголовно-процессуального закона при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения // Российский судья. 2005. № 10.

11. *Дворников Н. Л.* Системное толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.

12. *Проблемы теории государства и права* / под ред. проф. С. С. Алексеева. М., 1987.

Л. А. Пупышева

Реализация некоторых принципов организации правосудия в производстве по делам об исполнении приговора

Рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, относятся к исключительной прерогативе суда, поскольку соответствующие решения за редким исключением изменяют объем уголовно-правового воздействия. При этом в ст. 29 УПК РФ, определяющей полномочия суда, акцент сделан на решениях, которые принимаются судом при разрешении уголовного дела по существу, а также выносятся в досудебном производстве. Обратим внимание на то, что постановления, выносимые судом в порядке главы 47 УПК РФ, отнесены к категории промежуточных (п. 53³ ст. 5 УПК РФ).

Решение вопроса о распространении на уголовно-исполнительное судопроизводство некоторых принципов организации правосудия, нормативно выраженных в уголовно-процессуальном законе как принципы уголовного процесса (осуществление правосудия только судом, независимость судей, состязательность сторон, язык уголовного судопроизводства) и общие условия судебного разбирательства (гласность, равенство прав сторон), ставится в прямую зависимость от того, осуществляется или нет в нем правосудие.

В теории уголовного процесса представлено два основных подхода к пониманию содержания и границ правосудия в сфере уголовного судопроизводства. Условно их можно обозначить как широкий и узкий. Представители первого полагают, что любая уголовно-процессуальная деятельность суда по рассмотрению и разрешению в судебном заседании любых правовых споров (включая досудебное производство по уголовному делу, производство по делам об исполнении приговора) является правосудием (В. В. Николюк, И. С. Дикарев, В. М. Бозров, О. В. Панкова, С. В. Бурмагин). Другие, напро-

тив, отождествляют его с разрешением судом уголовного дела по существу (З. З. Зинатуллин, Ф. А. Абашева, Д. М. Берова).

В исследованиях, посвященных судебной деятельности, предусмотренной главой 47 УПК РФ, ученые в основном также придерживаются двух полярных точек зрения: суд, рассматривая и разрешая вопросы, связанные с исполнением приговора, осуществляет правосудие (В. В. Николок, С. В. Бурмагин, Д. А. Квициния, А. А. Камардина, Е. Н. Гапонов, М. Г. Курганский, О. В. Воронин) либо судебный контроль (В. И. Качалов, Д. В. Тулянский, О. В. Гужва). Здесь следует особо подчеркнуть, что в судебном заседании (ст. 399 УПК РФ) суд не пересматривает и не корректирует приговор, не вносит в него изменения (такие суждения, в частности, высказаны М. К. Свиридовым, В. И. Качаловым, Д. Г. Яниным).

Некоторые авторы дифференцируют вопросы, связанные с исполнением приговора, полагая, что разрешение одних из них подразумевает осуществление правосудия, а других — нет (Е. В. Рябцева, Д. Г. Янин).

Являясь сторонниками широкой трактовки уголовного правосудия, мы включаем в него судебную деятельность, регламентированную главой 47 УПК РФ. При этом отметим, что споры относительно сущности судебной деятельности по делам об исполнении приговора не утихают, несмотря на правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, выраженную в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (согласно п. 2 рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, — форма осуществления правосудия).

Отнесение к правосудию судебной деятельности, регламентированной главой 47 УПК РФ, предполагает приведение установленной в ст. 399 УПК РФ процедуры в соответствие со стандартами осуществления уголовного правосудия. При наблюдаемой конвергенции процессуальных форм рассмотрения уголовных дел и вопросов, связанных с исполнением приговора, на нее распространяются некоторые положения главы 35 УПК РФ «Общие условия судебного разбирательства», что должно обеспечить реализацию принципов уголовного судопроизводства с учетом особенностей процессуальной формы (порядка) уголовно-исполнительного судопроизводства и складывающихся в нем правоотношений.

Отметим, что положения главы 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» сформулированы законодателем на основании отождествления уголовного судопроизводства с производством по уголовному делу (о таком подходе прямо говорит п. 56 ст. 5 УПК РФ). Действительно, распространение некоторых из них искусственно и лишено какого-либо смыс-

ла. Речь идет, например, о презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), поскольку в уголовно-исполнительном судопроизводстве не решается вопрос о виновности лица в совершении преступления. Попытки каким-либо образом адаптировать его к производству по делам об исполнении приговора выглядят надуманными. То же самое можно сказать о неприкосновенности жилища (сведения, которые становятся предметом судебного исследования и имеют значение для принятия решения в порядке ст. 399 УПК РФ, не получают с помощью таких следственных действий, как обыск или выемка), тайне переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др.

Отдельно стоит затронуть принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), правовая конструкция которого сформулирована применительно к производству по уголовному делу, а если точнее, к разрешению уголовного дела по существу. Указанное является существенным препятствием для реализации конституционных требований о состязательном судопроизводстве (ч. 3 ст. 123 УПК РФ) в производстве по делам об исполнении приговора [1].

Несмотря на некоторые общие черты с судебным разбирательством уголовного дела, судебная процедура разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, объективно не попадает в сферу действия этого принципа (здесь нет сторон обвинения и защиты, соответственно, отпадает вопрос об их равноправии; отсутствует предмет судебного спора в виде уголовного обвинения). Вместе с тем на него распространяется конституционный принцип состязательности: здесь есть правовой спор (конфликт), как правило, между осужденным и компетентным органом (учреждением), имеющими противоположный интерес. Выступая сторонами правового спора, они обладают равными правами по отстаиванию своей позиции.

Такое «состязание» происходит при активном участии суда, который, с одной стороны, является независимым и беспристрастным участником, создающим необходимые условия для исполнения спорящими субъектами их процессуальных обязанностей и реализации предоставленных прав, а с другой — при необходимости оказывает им содействие, а также по собственной инициативе получает необходимые для разрешения представления (ходатайства) по существу сведения [2, с. 180–181].

Это в полной мере соотносится с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, который понимает состязательность и равноправие сторон гораздо шире, чем это требуется для производства по уголовному делу и решения вопроса о виновности либо невиновности лица в совершении преступления. «Конституционные» состязательность и равноправие сторон предполагают, во-первых, предоставление участвующим в судебном

разбирательстве сторонам равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов путем участия в доказывании, заявления ходатайств, обжалования действий и решений суда; во-вторых, такое положение суда, осуществляющего судебную власть посредством уголовного судопроизводства, при котором он остается объективным и беспристрастным арбитром.

Гласность как конституционный принцип правосудия на уровне отраслевого (уголовно-процессуального) законодательства позиционируется как общее условие судебного разбирательства, на действие которого в уголовно-исполнительном судопроизводстве прямо указано в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Гласность уголовного судопроизводства следует рассматривать как регламентированную уголовно-процессуальным законодательством доступность каждому лицу хода и результатов уголовного судопроизводства, а также их обсуждения, способствующую правомерности и качеству деятельности должностных лиц государственных правоохранительных и судебных органов по уголовному делу, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, правовому просвещению и воспитанию гражданского общества, усилению превентивного воздействия уголовного процесса [3, с. 13].

Ее проявление в производстве по делам об исполнении приговора состоит в следующем: разбирательство данной категории дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных законом. Закрытое судебное разбирательство допускается на основании постановления суда, в котором должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых суд принял данное решение. Основания для его принятия, перечисленные в ч. 2 ст. 241 УПК РФ, пригодны для применения.

Созданию условий для реализации гласности судебных заседаний, проводимых в порядке ст. 399 УПК РФ, способствует обновление нормативной базы, т. е. внесение изменений, связанных с обязательным извещением участников процесса о дате, времени и месте судебного заседания, использованием достижений научно-технического прогресса.

М. С. Колосович справедливо, на наш взгляд, отмечает, что современные информационные технологии (например, использование систем видеоконференц-связи, аудиопотоколирования) способствуют обеспечению гласности на стадии исполнения приговора, а также прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, что позволяет, помимо прозрачности судебных разбирательств, добиться своевременности исполнения

судебных решений, минимизировать финансовые затраты, а также повысить безопасность обработки данных [4, с. 89].

Вместе с тем многие принципы уголовного судопроизводства, несмотря на очевидный крен при описании нормативного содержания в сторону производства по уголовному делу, должны распространяться на уголовно-исполнительное судопроизводство (ст. ст. 6¹, 7, 8, 8¹, 9, 10, 11, 16, 17, 18, 19 УПК РФ).

Список источников

1. *Николюк В. В., Пупышева Л. А.* Судебно-исполнительные производства (глава 47 УПК РФ) и принцип состязательности в уголовном процессе // *Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича* : сб. мат-лов науч. конф. (г. Москва, 24–25 октября 2019 г.). М., 2020.

2. *Пупышева Л. А.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022.

3. *Колосович М. С.* Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019.

4. *Колосович М. С.* Современные аспекты гласности в стадии исполнения приговора // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2017. № 2.

В. В. Трикоза

Проблемные вопросы осуществления ускоренного производства

Исследуя понятие и назначение института уголовного судопроизводства, необходимо помнить, что его цели и задачи не являются совершенно обособленными, абсолютно независимыми от иных смежных сфер правового регулирования. Уголовное судопроизводство выступает одним из элементов правовой системы и одной из составляющих уголовной политики государства.

Затронем некоторые проблемные вопросы ускоренного производства, имеющие место на этапе подготовки и передачи материалов от органа дознания органу уголовного преследования и при постановлении приговора.

Так, заявления о совершенном преступлении подаются пострадавшими лицами в органы внутренних дел, которые в соответствии со ст. ст. 37–39

УПК Республики Беларусь (далее — УПК) относятся к органам дознания, осуществляющим уголовное преследование.

На практике после проведения всех необходимых процессуальных действий по установлению обстоятельств совершенного преступления и принятия мер по обеспечению явки лица, подозреваемого в совершении преступления, орган дознания направляет материалы в орган предварительного следствия (по территориальности) для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела (в случае, если оно не возбуждено органом дознания).

В свою очередь следственные подразделения, исходя из фактически проводимой по делам ускоренного производства работы, практически не занимаются его расследованием, а лишь процессуально оформляют констатированные органом дознания факты, не вызывающие сомнений в доказанности: возбуждают уголовное дело, предъявляют обвинение, производят допрос обвиняемого, после чего передают материалы прокурору для направления в суд.

С учетом изложенного видится более эффективным подход к дальнейшему движению уголовного дела, а именно: по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, или менее тяжким преступлениям, в отношении которых планируется расследование в порядке ускоренного производства, минуя органы предварительного следствия, предоставить право органам дознания направлять собранные ими материалы прокурору для возбуждения уголовного дела ускоренного производства, предъявления обвинения и направления в суд.

Кроме того, проблемные, на наш взгляд, особенности ускоренного производства состоят в том, что приговор по делам данной категории может быть постановлен судьей по представленным материалам уголовного дела без судебного разбирательства и вызова сторон.

По нашему мнению, изначально в уголовно-правовое законодательство Республики Беларусь смысл приговора закладывался как окончательный акт (решение) суда от имени государства, провозглашенный по результатам слушания уголовного дела, а не формальное утверждение судом результатов работы органа уголовного преследования.

Помимо карательной цели и с учетом процедуры судебного разбирательства, формировавшейся на протяжении десятилетий, приговор имеет своей целью профилактическое воздействие на осуждаемое лицо, а провозглашение приговора является не чем иным, как публичным актом применения права.

В связи с этим полагаем возможным в ст. 459-1 УПК в отношении дел ускоренного производства закрепить положение о необходимости наличия

таких судебных стадий, как судебные прения (при наличии сторон), последнее слово обвиняемого и провозглашение приговора. При этом предоставление обвиняемому последнего слова должно быть обязательным, поскольку, как показывает практика, обвиняемые часто не соглашаются с наказанием, предложенным государственным обвинителем, а позиция судов при назначении наказания не связана с предложениями последнего. В таком случае будут соблюдены в полном объеме требования ст. 351 УПК (тайна совещания судей).

Законодатель, отводя стадии провозглашения приговора отдельную норму права (ст. 365 УПК), определил ее решающее значение в уголовном процессе. В связи с этим исключение данной стадии в заочном производстве по делам ускоренного производства не способствует задачам уголовного процесса, а также противоречит одному из основополагающих принципов — публичности уголовного процесса.

Необходимо отметить также, что изъятия, изложенные в ст. ст. 459–459-2 УПК, противоречат постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда», согласно которому приговор, являясь важнейшим актом правосудия по уголовному делу, должен быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым, постановленным в строгом соответствии с принципами презумпции невиновности, состязательности и равенства сторон в уголовном процессе. Вместе с тем при заочном производстве принцип состязательности сторон отсутствует, а безоговорочное признание вины обвиняемым фактически формирует у суда позицию по уголовному делу и не в полной мере способствует соблюдению презумпции невиновности.

Кроме того, п. 3 упомянутого постановления обязывает суды при сокращенном порядке судебного следствия основываться на доказательствах, полученных при производстве предварительного следствия и не оспоренных в судебном заседании сторонами, чего также не происходит при заочном производстве.

В пункте 27 данного постановления определен четкий порядок, обязывающий председательствующего после выхода из совещательной комнаты, независимо от присутствия в зале обвиняемого и других участников процесса, провозгласить приговор. Однако по делам ускоренного производства, рассмотренным в порядке заочного производства, указанный порядок провозглашения приговора исключен.

Таким образом, полагаем необходимым наличие следующих судебных стадий: судебные прения, последнее слово обвиняемого и провозглашение приговора, что будет способствовать соблюдению принципов состязательности сторон и презумпции невиновности.

РАЗДЕЛ II. СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Л. Ю. Аксенова

Отдельные элементы криминалистической характеристики взяточничества

Сведения, составляющие криминалистическую характеристику, во-первых, должны характеризовать только преступление; во-вторых, сведения должны служить основой для выработки научно обоснованных рекомендаций «по анализу следственных ситуаций, построению и проверке версий, планированию расследования, организации и тактике проведения отдельных следственных действий» [1, с. 239]. С учетом сказанного полагаем, что в перечень криминалистически значимой информации о взяточничестве должны входить следующие сведения: о способе преступления; предмете преступного посягательства; механизме следообразования; обстановке преступления; личности взяткополучателя и взяткодателя.

Способ преступления представляет собой систему «действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени» [2, с. 10]. Процесс передачи денег имеет огромное значение для следователя, потому что в зависимости от исходных обстоятельств будет осуществлен выбор тактических приемов в целях фиксации противоправной деятельности взяточника. В последнее время преступники все больше создают видимость законного перехода денег от взяткодателя к взяткополучателю, передают взятку через посредника. Нередко имеют место силовые методы коррупции: шантаж, угрозы, провокации [3, с. 59]. Результаты исследований показывают, что предмет взятки передавался до выполнения требований в 67,0%; в 33,0% эпизодов это происходило после выполнения требований; в 37,0% эпизодов была классическая форма вымогательства. Потенциальный взяткодатель заявляет, как правило, когда

ему предъявляются условия, явно выходящие за пределы возможностей его финансовой составляющей [4, с. 26]. В основу деления способа деяния можно положить следующие критерии: по наличию воздействия на взяткополучателя (с вымогательством, без такового); присутствию третьего лица-посредника (с посредником, без такового); по степени завуалированности и особенностям передачи предмета взятки (с маскировкой под благовидный вид; без маскировки); по выполняемым действиям со стороны взяткополучателя (действие или бездействие, законные или незаконные действия, входящие или не входящие в служебные полномочия лица; попустительство или покровительство по службе).

Следующим элементом характеристики является предмет преступного посягательства. Результаты изученных А. Н. Огородовым уголовных дел свидетельствуют, что в 90,0% случаев это были деньги, в 7,0% — ценные подарки, в 3,0% — оказание услуг различного рода [5, с. 23]. Динамичное развитие общественных отношений вызвало возникновение новых видов товаров и оказываемых услуг. Рассмотрим их.

1. Оказание услуг нематериального характера. К таковым относятся продвижение по службе, присвоение званий, незаконное зачисление должностного лица или его близких на обучение без оплаты в негосударственное образовательное учреждение или на платное отделение в государственные и муниципальные образовательные учреждения.

2. Различные выгоды имущественного характера. В данном случае в качестве предмета взятки могут выступать предоставление санаторных, туристических путевок, проездных билетов, бесплатное питание в ресторанах, оплата нахождения в санатории или заграничной поездки, абонементы на посещение фитнес-залов, временное пользование автомашиной; жилое помещение, предоставленное в пользование должностному лицу, и т. п.

3. Выгоды имущественного характера. Оказание помощи в формировании лжепредприятий, фирм-однодневок, утаивание прибыли; искажение результатов документальной ревизии, предоставление разнообразных скидок и преимуществ и т. д.

Особенности механизма слеодообразования. Следователю необходимо знать потенциал отдельных видов специальных познаний, чтобы эффективно их применять либо привлекать соответствующего специалиста [6, с. 16]. Материальными следами взятки являются выписки из банковских счетов физических лиц о движении денежных средств по счету; документы, доказывающие изыскание средств, являющихся предметом взятки (кредитный договор, расписка о получении денежных средств,

договор купли-продажи, туристическая путевка, документы на проезд тем или иным транспортом); денежные средства; следы рук на предмете взятки. В связи с распространением преступлений с использованием информационных технологий, средств мобильной связи и сети Интернет выделяется еще одна группа следов, которые будут носить информационный характер, т. е. следы, которые заложены в памяти персонального компьютера и иных программных устройств.

Сведения об обстановке преступления. Территорией уголовно наказуемого деяния выступает подходящее для злоумышленника место, где спокойно для него можно получить незаконное вознаграждение. Так, в результате собственных исследований установлено, что в 92% им является служебное помещение; в 6,0% — улица; 2,0% — автотранспорт. Время получения взятки в основном рабочее — с 9 до 18 часов (68,0%), а также вечернее — 18–20 часов (25,0%).

Ценным элементом системы криминалистической характеристики взяточничества является характеристика личности взяткополучателя. По мнению Ю. М. Антоняна, от уровня научного познания личности преступника во многом зависит успех борьбы с преступностью, в том числе следственными и оперативно-розыскными методами и средствами [7, с. 13]. А. Н. Колесниченко определяет термин «злоумышленник» в широком смысле, включая в него особенности морального и психологического отношения к своим поступкам и действиям во взаимосвязи с набором отдельных признаков поведенческой оценки самого общества к его уголовно наказуемому деянию [8, с. 38].

В ходе исследования взяточничества также можно отметить такой важный элемент системы криминалистической характеристики, как личность взяткодателя. Лицо, передавшее деньги и иные ценности, занимает положение свидетеля в 85,0% случаев. Тактический набор действий с ним идентичен работе с потерпевшим. Часто указанное лицо охотно дает показания и внутренне заинтересовано в изобличении человека, получившего деньги или иные ценности. В большинстве случаев их мотивация заключается в социальной справедливости, возможности вернуть потраченное и т. д. Как замечает П. С. Яни, «нельзя полностью исключить случаи вынужденной передачи взятки, когда передающее лицо не могло иным способом предотвратить наступление вредных последствий для его правоохраняемых интересов» [9, с. 38].

Так, в перечень криминалистически значимых сведений о взяточничестве должны входить следующие сведения: о способе преступления; предмете преступного посягательства; механизме следообразова-

ния; обстановке преступления; личности взяточполучателя. На этом элементный состав не ограничивается. Разновидностей взяточничества достаточно много, и в зависимости от сферы совершения преступления совокупность наиболее значимых для расследования элементов криминалистической характеристики может варьироваться.

Список источников

1. *Зинченко М. С.* Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о должностных преступлениях, связанных со взяточничеством // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2.

2. *Зуйков Г. Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.

3. *Порфирьева Я. С.* Эффективность противодействия взяточничеству как особо опасному проявлению коррупции // Юридический факт. 2023. № 196.

4. *Юрьева А. В., Поляков Н. В.* Доследственная проверка сообщений о коррупционных преступлениях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1(46).

5. *Огородов А. Н.* Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия при расследовании уголовных дел о взяточничестве : учеб. пособие. Иркутск, 2022.

6. *Корноухов В. Е.* Методика расследования преступлений: теоретические основы. М., 2016.

7. *Антонян Ю. М.* Изучение личности преступника. М., 1982.

8. *Колесниченко А. Н.* Криминалистическая характеристика преступлений. Советская криминалистика. Методы расследования отдельных видов преступлений. Киев, 1988.

9. *Яни П. С.* Уголовная ответственность за взяточничество. М., 2001.

А. Н. Александров

К вопросу о признании в качестве потерпевших кредитных организаций по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

На сегодняшний день актуальной для всего российского общества является ситуация, связанная с фактами мошенничеств путем дистанционного оформления потребительских кредитов гражданам. Согласно

официальной статистике причиненный ущерб от таких преступлений исчисляется в десятках миллионов рублей [1]. Возбуждение и расследование значительного количества уголовных дел о таких преступлениях существенно отвлекают силы и средства правоохранительных органов при очевидных причинах и условиях, способствующих их совершению. В числе таковых, по мнению ряда специалистов, являются как недобросовестное выполнение своих обязанностей сотрудниками кредитных организаций (банков), так и вполне обоснованные предположения об их содействии мошенникам в совершении названных преступлений. Такие суждения основываются на очевидных аналогичных фактах «мгновенного» оформления без залога и поручителей крупных кредитов пожилым людям (пенсионерам) или лицам, не имеющим реальной возможности погасить кредит ввиду своего финансового положения. При этом суммы денег по оформленным кредитам этими же банками моментально перечисляют на карты (счета) других лиц без волеизъявления клиента банка [2].

Обозначенная проблема крайне негативно влияет на морально-психологическое состояние не только большого количества граждан, непосредственно являющихся жертвами таких преступлений, но и членов их семей, которые по объективным причинам сопереживают и пытаются совершать действия по восстановлению нормальной жизнедеятельности всей семьи. Не стоит также исключать высокий потенциал наступления негативных последствий в виде суицидов, увеличения внутрисемейных конфликтов, совершения «от безысходности» преступлений общеуголовной направленности как самими жертвами мошенничеств, так и их родственниками в целях погашения мошеннического кредита.

Помимо известной сложности в раскрытии и расследовании таких преступлений, в деятельности следственных подразделений также возникают иные актуальные проблемы, в частности с правильным решением вопроса о признании в качестве потерпевших граждан или кредитных организаций по расследуемым уголовным делам о названных преступлениях.

Изучение уголовных дел, по которым предметом хищения являлись кредитные денежные средства, показало, что банки при обращении к ним клиентов для оформления потребительского кредита не уделяют должного внимания финансовому состоянию заявителя и принимают положительные решения о выдаче кредитных денежных средств лицам, заведомо не способным вносить ежемесячные платежи по заключенным договорам. В то же время наибольшую сложность вызывают ситуации

с фактами мошенничеств по результатам дистанционного оформления кредита с практически одновременным последующим переводом денежных средств на неизвестные счета и банковские карты. Это становится возможным в том числе по причине установления по инициативе банков на мобильные телефоны (гаджеты) граждан приложения для дистанционного управления их мобильными устройствами в рамках соглашения о дистанционном обслуживании¹.

В ряде случаев следователи принимают решения о признании в качестве потерпевших именно банки, выдавшие потребительский кредит, поскольку последние не приняли должных мер по обеспечению сохранности денежных средств граждан от действий мошенников, а также в связи с отсутствием должного подтверждения наличия волеизъявления гражданина на заключение кредитного договора.

Однако решения органа предварительного расследования о признании потерпевшими кредитно-финансовых организаций часто обжалуются их представителями руководителю следственного органа, прокурору и в суд. Жалобы кредитных организаций и требования прокуроров, внесенные в связи с принятием таких процессуальных решений, как правило, основаны на формальных доводах о необходимости признания потерпевшей стороной физических лиц вследствие получения ими денежных средств в силу сложившихся гражданско-правовых отношений, а также о нарушении клиентами банков требований гражданского законодательства.

Так, ПАО «Сбербанк» по уголовному делу, возбужденному в СУ УМВД России по Орловской области, подана жалоба на несогласие с постановлением о признании указанного банка потерпевшей стороной. В обоснование жалобы ПАО «Сбербанк» указало, что кредитный договор считается заключенным с момента передачи заемщику денежных средств, после поступления которых заемщик может распоряжаться ими по своему усмотрению².

Еще пример, когда прокуратурой Южного административного округа г. Москвы по уголовному делу, возбужденному по факту хищения денежных средств гражданина С., полученных им по кредитным договорам, внесено требование об устранении допущенных в ходе предварительного расследования нарушений федерального законодательства в части незаконного и необоснованного признания потерпевшими кредитных организаций.

---

¹ Сведения представлены СУ УМВД России по Белгородской области.

² Сведения представлены СУ УМВД России по Орловской области.

Прокурором указано, что потерпевшим должен являться гражданин С., поскольку в силу положений ст. 807 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) после подписания кредитного договора денежные средства принадлежат заемщику на праве собственности, и у него возникает обязанность перед банком.

Аналогичные требования вносились прокурорами Орловской, Новосибирской, Мурманской, Смоленской, Ярославской областей.

Вместе с тем складывающиеся отношения требуют комплексного подхода к исследованию норм гражданского и уголовного законодательства, а также критической оценки перечисленных доводов прокуратуры и кредитных организаций по нижеуказанным основаниям.

Во-первых, Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите и займе» [3] определены различия между договорами займа и потребительского кредита. Так, договор потребительского кредита считается заключенным, если между сторонами договора достигнуто согласие по всем индивидуальным условиям договора. В свою очередь, договор потребительского займа считается заключенным с момента передачи заемщику денежных средств.

ГК РФ установлено, что по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором. По договору займа одна сторона (займодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг.

Следовательно, при получении денежных средств в кредитной организации заключается договор потребительского кредита, а не договор займа, как ошибочно указано в требованиях прокуроров и жалобах кредитных организаций.

Во-вторых, в ст. 820 ГК РФ установлено, что договор потребительского кредита может быть заключен исключительно в письменной форме, независимо от того, что указано в договорах банковского обслуживания клиентов. В свою очередь договор займа может быть заключен в устной форме (если сумма займа не превышает десяти тысяч рублей).

В-третьих, в п. 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

Федерации» разъяснено, что сделка — это волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [4].

В связи с этим сделка может быть признана недействительной как в случае нарушения требований закона (ст. 168 ГК РФ), так и по специальным основаниям в случае порока воли при ее совершении, в частности при совершении сделки под влиянием существенного заблуждения или обмана (ст. 178, п. 2 ст. 179 ГК РФ).

В-четвертых, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2022 г. № 2669-О указано, что в большинстве случаев телефонного мошенничества сделки оспариваются как совершенные под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом. При рассмотрении таких споров особого внимания требует исследование добросовестности и осмотрительности банков. В частности, к числу обстоятельств, при которых кредитной организации в случае дистанционного оформления кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует отнести факты подачи заявки на получение клиентом кредита и незамедлительной выдачи банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц) [5].

Банки, ссылаясь на надлежащее исполнение гражданином обязанностей при заключении и исполнении договора кредита, в то же время не обеспечивают безопасность дистанционного предоставления услуг, при переводе денежных средств не идентифицируют их получателя, не устанавливают, что именно этому клиенту перечисляются денежные средства, а лишь ограничиваются формальным соответствием счета назначения платежа тому, кто был указан в договоре.

Так, Красноярский районный суд Астраханской области, рассматривая исковое заявление гражданки Е. о признании кредитного договора, заключенного посредством получения удаленного доступа к дистанционному банковскому обслуживанию, недействительным и незаключенным удовлетворил его [6]. Судом в решении указано, что банком не соблюдены требования ст. 434 ГК РФ и не приняты меры, позволяющие достоверно установить, что документ исходит от истицы, стороной договора является именно она. Кроме того, согласно положениям ч. 3 ст. 812 ГК РФ, если в процессе оспаривания договора по его безнадёжности будет установлено, что деньги в действительности не были получены заемщиком, договор считается незаключенным.

Необходимо обратить внимание на достаточно важное и знаковое как для обычных граждан нашей страны, а также для правоприменитель-

ной практики по рассматриваемому вопросу определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2023 г. № 9-КГ23-10-К1, вынесенное по результатам рассмотрения иска гражданки Х. к ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк» о признании кредитного договора недействительным и незаключенным [7].

Установлено, что банком посредством дистанционного обслуживания, путем направления электронных сообщений на мобильное устройство гражданки Х. был заключен кредитный договор с последней на сумму 985 370 рублей, которые практически сразу были переведены на счет неустановленного лица в другой банк. При этом гражданка Х. не совершала каких-либо действий по дистанционному общению с банком в целях заключения кредитного договора, а его оформление произошло путем использования возможностей специального приложения для удаленного управления мобильным устройством гражданки Х., посредством направления СМС-кодов банком и обратного их получения в качестве подтверждения действий по заключению кредитного договора. Установлено, что соответствующую СМС-переписку с мобильным устройством клиента осуществляло неустановленное лицо дистанционным способом.

По указанному факту хищения денежных средств банка следователем возбуждено уголовное дело, по которому потерпевшим признан этот же банк. В то же время финансово-кредитная организация обжаловала в порядке ст. 125 УПК РФ принятое решение, полагая, что потерпевшим должен быть признан гражданин. В удовлетворении жалобы банка было отказано.

Не согласившись с предыдущими решениями судов апелляционной и кассационной инстанций, которыми отказано в исковых требованиях гражданки Х. к банку по причине непризнания ответственности финансово-кредитной организации за наступившие последствия, Верховный Суд Российской Федерации усмотрел ряд нарушений в действиях ответчика — банка, которые очевидно свидетельствуют о недобросовестном осуществлении гражданских прав со стороны ответчика, а также отсутствия должной осмотрительности в обеспечении защиты прав граждан, в частности при оформлении кредитного договора дистанционным способом.

Названное определение Верховного Суда Российской Федерации отменило все ранее принятые решения в пользу банка, суд встал на сторону гражданки Х., в отношении которой совершено мошенничество. Одновременно высшая судебная инстанция страны указала банкам ошибки, которые, по сути, способствовали осуществлению мошеннических действий.

По нашему мнению, рассмотренные важные элементы исследуемого вопроса и данное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации непосредственно касаются деятельности следственных подразделений в вопросах правильного принятия решений о признании потерпевшими по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Исключение случаев неправильных решений следователей о признании потерпевшими физических лиц, а не банков по уголовным делам о рассматриваемых преступлениях повысит уровень защищенности граждан и одновременно понудит банки для принятия необходимых мер по предупреждению мошеннических действий при заключении кредитных договоров, в первую очередь с использованием дистанционных технологий.

Очевидным является также тот факт, что эффективная защита граждан от мошеннических действий при оформлении кредитных договоров посредством использования дистанционного банковского обслуживания возможна только при комплексном подходе к данной актуальной проблеме настоящего периода жизнедеятельности российского общества. Противодействие таким преступлениям требует изменений (дополнений) в соответствующее законодательство, эффективного взаимодействия заинтересованных правоохранительных органов с кредитно-финансовыми учреждениями (банками) в целях предупреждения и борьбы с указанной разновидностью преступлений, а также формирования единой правоприменительной, правоохранительной и судебной практики.

Список источников

1. *Официальный сайт МВД России.* URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 14.10.2023).
2. *Официальный сайт «Российская газета».* URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 14.10.2023).
3. *Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства Российской Федерации.* 2013. № 51, ст. 6673.
4. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».*
5. *Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки*

Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации».

6. *Постановление* Красноярского районного суда Астраханской области по иску гражданки Е. от 27 июля 2023 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.09.2023).

7. *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2023 г. № 9-КГ23-10-К.

А. Т. Анешева

Организационно-тактические особенности производства освидетельствования при проверке сообщений о преступлениях

Производство освидетельствования в ходе проверки сообщений о преступлениях отдельных видов позволяет своевременно зафиксировать особые приметы, следы преступления, находящиеся на теле человека, выявить состояние опьянения или иные свойства и признаки лиц, указанных в ст. 179 УПК РФ.

Анализ судебно-следственной практики, а также специальной литературы позволяет определить примерный перечень уголовно наказуемых деяний в ходе проверки сообщений, при которых целесообразно производство освидетельствования.

1. Преступления, связанные с причинением легкого вреда здоровью либо не связанные с таковым, например, предусмотренные ст. 115 (Причинение легкого вреда здоровью); ст. 116 (Побои); ст. 116¹ (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость); ст. 117 (Истязание); ст. 161 УК РФ (Грабеж) и др.

2. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

3. Преступления в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

При проверке сообщений об указанных преступлениях на теле как пострадавшего, так и задержанного имеется возможность обнаружения следов причинения телесных повреждений, имеющих тенденцию к быстрому исчезновению в силу специфики механизма следообразования и слабо выраженной интенсивности воздействия. К числу таковых относятся ссадины, ушибы, покраснения, отеки (прочие повреждения) в контактной области и иные следы, образую-

щиеся в результате незначительного физического воздействия, следы внутривенных инъекций.

При угрозе быстрого исчезновения таких следов, а также при невозможности незамедлительного направления лица для прохождения судебно-медицинской экспертизы по причине удаленности от экспертного учреждения необходимо учитывать индивидуальные особенности организма пострадавшего или задержанного. В случаях, позволяющих прогнозировать быстрое исчезновение видимых следов, целесообразно производство освидетельствования в рамках осуществления проверочных мероприятий по поступившему сообщению о преступлении.

При проверке сообщений о преступлениях в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта при выявлении у управляющих транспортным средством лиц признаков употребления алкоголя, наркотиков, психотропных веществ сотрудники ГИБДД нередко получают отказ от медицинского освидетельствования. В таких случаях возможно проведение освидетельствования.

Применительно ко всем категориям уголовно наказуемых деяний целесообразно проведение освидетельствования в случаях наличия у задержанных, пострадавших, очевидцев признаков психического расстройства, которые не позволяют осуществлять проверочные мероприятия и следственные действия с их участием. В качестве внешних проявлений психических расстройств, которые могут быть зафиксированы в ходе производства освидетельствования, могут быть зрительные и слуховые галлюцинации, двигательное возбуждение, помрачение сознания, тремор мышц лица, вытянутых рук и др. Фиксация в протоколе освидетельствования подобных состояний иллюстрирует невозможность проведения проверочных мероприятий и следственных действий с данным субъектом. Протокол может быть исследован в ходе производства судебной психиатрической экспертизы в случае принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В рамках подготовительного этапа следователю необходимо определиться с местом проведения освидетельствования. В случае если следственное действие будет проведено следователем, в качестве такового целесообразно выбрать служебный кабинет. При этом необходимо исключить присутствие посторонних лиц, например коллег.

В связи с тем что промедление с проведением освидетельствования может повлечь утрату видимых следов и признаков состояния, в котором находится потенциальный освидетельствуемый, данное следственное действие должно быть проведено безотлагательно.

Важным аспектом подготовительной деятельности является принятие решения о необходимости применения средств фотовидеофиксации и киносъемки. В случаях, когда освидетельствование производится в порядке ч. 5 ст. 179 УПК РФ, т. е. связано с обнажением освидетельствуемого, использование технических средств осуществляется с его разрешения. Данное обстоятельство должно найти отражение либо в протоколе следственного действия, либо в отдельном заявлении. При этом специалист, осуществляющий фотовидеофиксацию и киносъемку, должен быть одного пола с освидетельствуемым. При подготовке места проведения освидетельствования необходимо предусмотреть возможность размещения данных технических средств на штативе для обеспечения качественной фиксации. Кроме того, в случаях когда освидетельствуемый и следователь (любое лицо, которое уполномочено осуществлять проверку сообщения о преступлении в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ) являются лицами противоположного пола, целесообразно следственное действие проводить в помещении медицинского учреждения, оборудованном ширмой, позволяющей отделить следователя от освидетельствуемого лица и проводящего осмотр его тела врача, для фиксации результатов освидетельствования в протоколе следственного действия со слов последнего.

При проведении освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела целесообразно подготовить на отдельном бланке перечень прав и обязанностей, соответствующих потенциальному процессуальному статусу освидетельствуемого для ознакомления под подпись.

В случае производства освидетельствования в отношении лица, на которое распространяется перечень прав и обязанностей подозреваемого, необходимо обеспечить участие адвоката.

При проведении освидетельствования до возбуждения уголовного дела освидетельствуемые лица фактически не обладают процессуальным статусом, указанным в ч. 1 ст. 179 УПК РФ, а являются участниками уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, на которых распространяются процессуальные права и обязанности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. В связи с этим по окончании подготовительных действий, ознакомления с постановлением о производстве освидетельствования, разъяснения перечня прав и обязанностей в соответствии с процессуальным статусом проводится следственное действие. Целесообразно осмотреть видимые части тела освидетельствуемого, выслушав пояснения относительно локализации телесных повреждений, попросить предъявить данные части тела для осмотра. В случае если имеется необходимость в установлении факта

внутривенного употребления наркотических средств и психотропных веществ, необходимо обратить внимание на места, используемые чаще всего для внутривенных инъекций (локтевые сгибы, подколенная область и т. д.). Ход и результаты рабочего этапа в случае использования средств фотовидеофиксации и киносъемки должны быть запечатлены от начала до конца, а также отражены в протоколе, при этом описанию подлежат обнаруженные следы, их локализация, внешний вид, размер и прочие характеристики. При проведении освидетельствования врачом в целях обеспечения объективности и полноты фиксации он сообщает об обнаруженных следах находящемуся за ширмой следователю, который заносит сведения в протокол. По окончании следственного действия, в случае использования вышеуказанных технических средств, к протоколу приобщается фототаблица, а также видеозапись на энергонезависимом носителе (диске DVD-R). Протокол с приложениями предъявляется для ознакомления всем участвующим лицам.

Знание следователем организационно-тактических особенностей проведения освидетельствования при проверке сообщений о преступлениях позволит популяризировать его использование в правоприменительной деятельности.

Е. В. Батурина

Теневой денежный поток: методология исследования

Сохранение значительной доли теневой экономики и высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере по-прежнему остаются основными угрозами экономической безопасности России. В связи со сложившейся геополитической обстановкой в настоящий момент ведущими российскими и зарубежными аналитиками прогнозируется значительный рост экономических преступлений, совершаемых в сферах оборонно-промышленного комплекса, строительства и в иных отраслях экономики, прямо или косвенно участвующих в реализации национальных проектов при освоении бюджетных ассигнований. Указанные тенденции обуславливают необходимость дальнейшего развития методологии исследования теневой экономики в целях выработки эффективной государственной политики, направленной на ее нейтрализацию. В свою очередь теневой денежный поток, формируемый при совершении экономических преступлений, представляет особый научный интерес в силу того, что он обладает особенностями, качественно дополняющими

статистику показателей по криминализации экономики и теневой экономики в целом. Исследование теневого денежного потока, при условиях достоверности, допустимости и относимости исходных данных, имеет большое значение для формирования системы параметров теневизации экономики страны, ее структурных и временных изменений.

Проблемы минимизации и нейтрализации теневой экономики и обеспечения экономической безопасности исследуются с различных сторон и отражены в научных публикациях многих ученых-экономистов. Так, общетеоретическим аспектам экономической безопасности посвящены труды Л. И. Абалкина, И. Я. Богданова, С. Ю. Глазьева, В. К. Сенчагова, С. А. Афонцева, А. Б. Мельникова, А. А. Аузана и др. Параллельность теневой экономики официальной экономике исследуется в работах В. Гинзбура, Г. Гроссмана и др. Исторический аспект проблемы теневой экономики и ее трансформации изучен В. О. Исправниковым, А. А. Сергеевым, В. В. Колесниковым и др. Международный опыт исследования теневых экономических явлений раскрыт в международно-правовых документах, регламентирующих изучаемый вопрос: Венской конвенции, Страсбургской конвенции, Конвенции об уголовной, гражданско-правовой ответственности за коррупцию, Нью-Йоркской конвенции, Палермской конвенции, Меридской конвенции, Варшавской конвенции, а также Директиве Европейского парламента и Совета ЕС.

Анализ научной литературы показал, что вопросам методологии оценки масштабов теневой экономики также уделено немало внимания. Российские (К. В. Привалов, А. Н. Литвиненко, Г. В. Соболева и др.) и зарубежные (Фр. Шнайдера, М. Хассан, Л. Медина и др.) исследователи продолжают сравнивать уже существующие научные подходы к изучению теневой экономики в целях выработки единой методологии, учитывающей все достоинства и недостатки предшественников и позволяющей максимально достоверно и адекватно оценить рассматриваемое социально опасное явление.

В настоящий момент не существует однозначного толкования понятия рассматриваемого явления. Говорить о международном признании какого-либо определения термина «теневая экономика» вообще не приходится. Этот факт затрудняет проведение сопоставительных исследований различными странами, а также, возможно, затрудняет выработку действенного механизма борьбы с теневой экономикой. На основании вышеизложенного стоит изменить подход к определению теневой экономики. Не нужно ограничиваться в разработке тех или иных качественных отличий, а также стремиться обобщить уже предложенные варианты. Не-

обходимо установить, что будет включено в систему идентификационных признаков субъекта теневой экономики в целях дальнейшего изучения его деятельности. Следует отталкиваться от конкретных количественных и качественных параметров того, чьи действия квалифицируются тем или иным образом. В связи с этим при отнесении конкретного экономического субъекта к объекту изучения можно далее переходить к выбору методов его анализа. В свою очередь, методические аспекты экономико-математического анализа с последующим мониторингом выявленных тенденций, а также оценкой эффективности государственной политики с точки зрения нейтрализации теневой экономики как одной из угроз экономической безопасности России теоретически слабо разработаны, недостаточно раскрыты и не нашли систематического изложения в работах исследователей.

Научная гипотеза исследования состоит в научном предположении, что применение цифровых технологий позволяет качественнее оценить эффективность государственной политики по обеспечению экономической безопасности России за счет реализации предлагаемой методологии исследования, которая представляет собой синергию эконометрического, экономико-правового и институционального подходов к мониторингу теневого денежного потока и включает совокупность следующих положений, принципов, методов [1]:

— понятийный аппарат исследования теневого денежного потока (научная новизна: понятия теневого денежного потока, маркера и спектра теневого денежного потока раскрыты через понятие нелегальной экономической выгоды, определяемой в рамках проведения комплекса экономических экспертиз по фактам совершения преступлений в сфере экономики, в отличие от существующих подходов, где при структурном анализе денежного потока интересующие поступления рассматриваются без учета имеющихся денежных активов, а интересующие перечисления устанавливаются без применения экономико-математического обоснования выявленной взаимосвязи «интересуемое поступление — определенное расходование»);

— методики исследования теневого денежного потока (научная новизна: определены типовые схемы взаимодействия субъектов, участвующих в формировании, движении и обезличивании теневого денежного потока, отличающиеся показателями нелегальной экономической выгоды, рассчитанными как по фактам совершения конкретных экономических преступлений, так и по их совокупности, с установлением межпредметных связей комплекса экономических экспертиз; раскрыты методики

определения величины нелегальной экономической выгоды, отличающиеся конкретизацией процесса приравнивания искомой величины к параметрам теневого денежного потока; предложена методика исследования теневого денежного потока для оценки эффективности правоохранительной деятельности);

— модель теневого денежного потока (научная новизна: охарактеризованы параметры, приведены формулы расчета предлагаемых показателей и коэффициентов теневого денежного потока, уточнена взаимосвязь теневого денежного потока и показателя теневой экономики в целом, определенная по результатам применения корреляционно-регрессионного анализа фактов извлечения нелегальной экономической выгоды);

— экономико-математический инструментарий исследования теневого денежного потока (научная новизна: разработан алгоритм автоматизированного отслеживания теневого денежного потока в виде предложенной блок-схемы идентификации маркера и спектра теневого денежного потока, применение которого позволяет минимизировать погрешности в расчетах и снизить субъективность оценки, что, в отличие от существующих методов оценки теневой экономики, предполагает возможность перепроверки исходных и расчетных данных, их корректировку и параметризацию);

— институт информационно-аналитической системы исследования теневого денежного потока (научная новизна: систематизированы принципы создания и структура автоматизированной информационно-аналитической системы мониторинга теневого денежного потока, отличающиеся расширением возможностей риск-ориентированного подхода путем включения в данную систему разработанных алгоритма и методик исследования теневого денежного потока; разработаны методические рекомендации по внедрению и администрированию предлагаемой информационно-аналитической системы как элемента механизма обеспечения экономической безопасности страны).

Список источников

1. Батурина Е. В. Судебная экономическая экспертиза теневого денежного потока // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 1.

А. А. Бондаренко, Е. Е. Коробкова

Вовлеченный в совершение преступления несовершеннолетний подлежит признанию потерпевшим: уголовно-процессуальные особенности реализации правовой позиции Конституционного Суда РФ

В связи с возникшей на практике неопределенностью и поступившей жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой Конституционный Суд РФ в постановлении от 25 мая 2023 г. № 26-П [1] признал, что нормативные положения ч. 4 ст. 150 УК РФ и ч. 1 ст. 42 УПК РФ не противоречат Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления независимо от способа такого вовлечения.

При изолированном расследовании уголовного дела в отношении взрослого, вовлекшего в совершение преступления несовершеннолетнего, реализация правовой позиции высшего органа конституционного контроля не должна вызывать сложностей. Вместе с тем расследование преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в большинстве случаев сопровождается уголовным преследованием и за совершение «основного» преступного деяния, в совершение которого один вовлекал, а другой оказался вовлеченным. При такой фактической комбинации требуют внимания несколько уголовно-процессуальных нюансов.

1. *Возможность соединения в одно производство «основного» и «взаимосвязанного» с ним уголовных дел.*

С одной стороны, необходимость совместного расследования вовлечения несовершеннолетнего (ст. 150 УК РФ), а также последующих его совместных преступных действий со взрослым обусловлена их существенной фактической взаимосвязью: процесс вовлечения может одновременно выступать приготовлением, покушением или непосредственным выполнением объективной стороны «основного» преступления; действия взрослого лица при наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, могут квалифицироваться как соответствующая форма соучастия (в виде соисполнительства или подстрекательства) в совершении конкретного преступления [2]. Фактической ситуации соответствуют нормативные основания для соединения уголовных дел — несколько лиц совершили одно преступление в соучастии; одно лицо (взрослый) совершило несколько преступлений (п. 1, 2 ч. 1 ст. 153 УПК РФ).

С другой стороны, в едином уголовном деле несовершеннолетний будет иметь различное (противоположное) процессуальное положение: обвиняемый в рамках преследования за совершение «основного» преступления и потерпевший как вовлеченный в эти преступные действия. Является ли это обстоятельство препятствием для соединения уголовных дел в одно производство?

Прямого нормативного запрета уголовно-процессуальный закон не содержит. Более того, регламентирована схожая ситуация — объединение в одном производстве противоположных жалоб лиц по поводу преступлений, дела по которым возбуждаются в порядке частного обвинения (ч. 3 ст. 321 УПК РФ). Подобный случай в 2001 г. был предметом внимания Верховного Суда РФ, который, оценивая еще действовавшую тогда ст. 26 УПК РСФСР, констатировал отсутствие препятствий к объединению в одном производстве уголовных дел в тех случаях, когда одно и то же лицо по одному делу является обвиняемым, а по другому — потерпевшим [3]. Кардинального изменения законодательство в этой части не претерпело.

Доктрине уголовного процесса проблема совмещения одним лицом нескольких процессуальных статусов известна давно и имеет неоднозначные оценки: от полного отрицания [4, с. 102] или сдержанного, позитивного комментирования подобного слияния (так как это разрешено законом) [5, с. 36; 6, с. 42] до обоснования необходимости соединения уголовных дел (и не только частного обвинения), даже если это повлечет наличие у одного лица разных (противоположных) статусов [7, с. 74–75; 8, с. 45–46].

Осторожно соглашаясь с тем, что соединение производства по «основному» и «взаимосвязанному» с ним уголовным делам видится наиболее предпочтительным для целей полного, всестороннего и объективного установления всех обстоятельств дела, единое их расследование потребует внимательности в следующих аспектах.

1.1. Взаимосвязь исследуемых фактических обстоятельств существенно затрудняет определение предмета следственного действия, которое в одном случае может быть направлено на установление обстоятельств причиненного вреда несовершеннолетнему, а в другом случае имеет целью его изобличение в совершении преступления. Специфичность ситуации в большей степени может проявиться при производстве очной ставки, где самих участников следственного действия будет сложно разграничить по предмету конкретного уголовного преследования. Возможно ли при таком варианте использовать показания несовершеннолетнего для его же

изобличения в качестве соучастника и, наоборот, в обоснование защиты его прав и законных интересов как лица, потерпевшего от преступления? Значимость четкого определения предмета следственного действия проявляется при необходимости оглашения показаний, процедура которого отличается в зависимости от процессуального положения того лица, чьи показания необходимо предать огласке в судебном заседании.

1.2. Необходимость разъяснения несовершеннолетнему-потерпевшему положений об уголовной ответственности (при достижении им шестнадцатилетнего возраста) за отказ от дачи или дачу заведомо ложных показаний, уклонение от прохождения освидетельствования, отказ от предоставления образцов для сравнительного исследования, отказ от производства в отношении него экспертизы. Вместе с тем эти же нормы не доводятся несовершеннолетнему при его уголовном преследовании.

Процессуальное положение несовершеннолетнего-потерпевшего по своей двойственности схоже с положением участника, статус которого регламентирован в ст. 56¹ УПК РФ. Последнему также не разъясняются нормы уголовного закона об ответственности, например, за сообщение на допросе ложных сведений, однако в противовес разъясняется возможность наступления негативных юридических последствий в виде отмены приговора, постановленного в особом порядке.

Необходимость в подобном компенсационном механизме для несовершеннолетнего вряд ли имеется, поэтому с учетом неделимости предмета доказывания в теории предложено отказать от разъяснения несовершеннолетнему положений уголовного закона об указанном виде ответственности [9, с. 21], что в рассматриваемой ситуации будет проявлением баланса публичного и частного интересов.

1.3. По делам, где подозреваемым, обвиняемым является несовершеннолетний, участие защитника обязательно (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Обеспечивается ли это требование в ситуациях, когда следственные действия производятся в отношении несовершеннолетнего потерпевшего? Когда защитник участвует в уголовном деле по соглашению, то препятствий этому нет. При назначении защитника следователем вопрос также должен разрешаться положительно, однако порядок оплаты такого труда не регламентирован.

1.4. Совмещение у одного лица не только процессуальных статусов обвиняемого и потерпевшего, но и гражданских истца и ответчика.

1.5. Слияние противоположных процессуальных статусов, на наш взгляд, делает невозможным совместное рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

2. *Раздельное расследование «основного» и «связанного с ним» преступлений* не только не разрешает, а в некоторой мере даже усиливает степень конфликтности описанных уголовно-процессуальных нюансов. В частности, взаимосвязь исследуемых фактических обстоятельств ставит вопросы о «взаимообмене» доказательственными сведениями между уголовными делами; о возможности доступа участников в «основное» и «выделенное» уголовное дело соответственно; о порядке и статусе участия «не в своем» уголовном деле и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 150 УК РФ и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 УПК РФ».*

2. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (п. 42) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».*

3. *Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2001 года.* URL: <https://www.vsrp.ru/files/10558/> (дата обращения: 11.09.2023).

4. *Строгович М. С.* Курс уголовного процесса. М., 1958.

5. *Зеленина О. А.* Проблемы определения процессуального статуса потерпевшего и частного обвинителя в уголовном судопроизводстве : науч.-практ. пособие. Екатеринбург, 2005.

6. *Харченко И. Р.* Проблемы уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, в российском уголовном судопроизводстве. Краснодар, 2004.

7. *Василенко Л. А.* Производство по делам частного обвинения : учеб. пособие. Челябинск, 2004.

8. *Курченко В. Н.* Соединение уголовных дел при необходимой обороне или обоюдном нанесении вреда // Уголовный процесс. 2020. № 12.

9. *Головачук О. С.* Частное обвинение в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

Н. И. Борисова

Понятие, виды и формы взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений

В настоящее время эффективное взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных подразделений является залогом успеха раскрытия и расследования преступлений.

Решающее значение в выполнении задач уголовного судопроизводства имеет комплексное использование всех сил и средств для раскрытия и расследования преступлений, что требует указанного взаимодействия во время проведения следственных действий.

Относительно понятия «взаимодействие» в оперативно-розыскной науке сложились относительно единообразные подходы, позволим себе привести лишь некоторые из них.

Как отмечает В. В. Топчий, под взаимодействием следователя и оперативного подразделения во время расследования преступлений надлежит понимать основанную на законах и ведомственных нормативных актах их совместную согласованную деятельность (по целям, характеру, месту и времени), которая направлена на выполнение задач уголовного судопроизводства, при руководящей и организационной роли следователя и четком разграничении компетенций [1, с. 138–143].

В свою очередь А. А. Патыка полагает, что сущность взаимодействия следователя с оперативно-розыскными подразделениями представляет собой:

- 1) активную и целенаправленную деятельность следователя и сотрудников оперативно-розыскных подразделений;
- 2) проведение каждым субъектом этой деятельности специфических мероприятий (следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ)) в пределах полномочий, установленных законом;
- 3) согласованные по месту, времени и цели совместные действия двух или более субъектов, направленные на внедрение полученных в результате следственных действий и ОРМ сведений в уголовное судопроизводство;
- 4) совместное планирование (по реализации оперативно-розыскной информации, проведению предварительного расследования по конкретному уголовному делу и т. д.);
- 5) проведение отдельных следственных действий и ОРМ;
- 6) предоставление оперативно-розыскной информации в уголовное судопроизводство с помощью процессуальных средств [2, с. 233].

М. В. Комарова под взаимодействием следователя и сотрудника оперативного подразделения в уголовном судопроизводстве предлагает по-

нимать основанную на уголовно-процессуальном законе и ведомственных нормативных правовых актах, а также общности задач деятельности уполномоченных в конкретном уголовном производстве субъектов, что предполагает эффективное использование мер, сил, форм, методов и средств для достижения цели [3, с. 256].

Весьма ценной представляется точка зрения А. Яковлева о том, что взаимодействие следователя и оперуполномоченного уголовного розыска при проведении следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий — взаимное, совместное и согласованное сотрудничество во время предварительного расследования преступлений с распределением компетенций, функций, полномочий, взаимных обязанностей, которое направлено на решение задач уголовного судопроизводства [4, с. 217–224].

Все изложенные подходы, безусловно, отражают сущность исследуемого понятия, однако А. А. Патыка предложил наиболее близкую нам позицию.

Под формой взаимодействия следователя и оперуполномоченного принято понимать способы сотрудничества, обеспечивающие согласованный характер деятельности, конкретные способы связи между субъектами взаимодействия, комплекс способов и приемов, систему связей и правоотношений субъектов, систему отраслевых предметных способов и приемов выполнения профессиональных функций в процессе осуществления своих полномочий на стадии предварительного расследования.

В теории оперативно-розыскной деятельности выделяют четыре основные формы, а именно:

1) процессуальную — взаимодействие следователя с сотрудником оперативно-розыскных подразделений в процессе расследования уголовного дела, предусмотренное в уголовно-процессуальном законодательстве;

2) внутреннюю (необходимую) — проведение совместной и согласованной деятельности различных органов полиции при решении как общих, так и частных задач раскрытия преступлений;

3) факультативную — привлечение к раскрытию преступлений общественности, государственных учреждений или должностных лиц;

4) непроцессуальную — форма взаимодействия, которая касается вопросов согласования при планировании совместных следственных действий и ОРМ, координации их проведения, консультаций, совместного анализа причин и условий, способствующих совершению преступления, совместной согласованной деятельности в составе следственно-оперативной группы, совместного использования техники, средств

связи и транспорта, обсуждения материалов уголовного производства и оперативно-розыскных дел, а также проведения тактических операций.

В. В. Топчий и А. Я. Дубинский определяют две формы взаимодействия — процессуальную и непроцессуальную (организационную) [1, с. 139; 5, с. 393]. Процессуальная (нормативно-правовая) форма направлена на реализацию процессуальных правоотношений, возникающих, развивающихся и прекращающихся между следователями и работниками оперативного подразделения по реализации ими своих полномочий. Вторая форма взаимодействия — непроцессуальная, имеющая разнообразные виды, которые, как правило, предусмотрены и определяются внутриведомственными нормативно-правовыми актами, являются частично формами административного управления и не регламентируются УПК РФ.

На основе анализа специальных источников, а также правоприменительной деятельности считаем целесообразным выделить следующие виды:

- организационный (на начальном этапе совершенного преступления, отличительная черта — слаженность действий во время следственных действий и ОРМ);
- процессуальный (строится на соблюдении действующего законодательства при выполнении поручений оперативными работниками);
- комплексный (достижение максимального результата при проведении всех следственных действий и ОРМ).

Таким образом, взаимодействие между следователем и сотрудником уголовного розыска в уголовном производстве — это основанная на законах и подзаконных нормативных правовых актах, а также общности задач деятельность, которая предусматривает эффективное использование правовых мер, сил, форм, методов и средств, направленных на эффективное расследование и предотвращение преступлений.

Эффективное взаимодействие оперативных и следственных подразделений при расследовании уголовных дел является залогом успеха в соблюдении принципа общности интересов (выявление, пресечение и расследование преступлений, привлечение к установленной законодательством ответственности лиц, которые их совершили, возмещение причиненного преступлениями вреда, восстановление нарушенных прав и интересов граждан и юридических лиц).

Список источников

1. Топчий В. В. Взаимодействие органов досудебного расследования и оперативных подразделений в составе следственно-оперативных

групп // Юридический вестник. Серия «Воздушное и космическое право». 2014. № 4.

2. *Патыка А. А.* Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений при раскрытии и расследовании имущественных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

3. *Комарова М. В.* Правовые и организационные основы обыска в уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

4. *Яковлев А.* Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями во время проведения следственных действий // Научный журнал. 2017. № 1.

5. *Дубинский А. Я.* Правовые и организационные проблемы исполнения процессуальных решений следователя : дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1984.

Н. И. Борисова, А. А. Кузнецов

Действия оперативного сотрудника по факту поступления заявления о безвестном исчезновении граждан

Каждый год в России по разным причинам пропадает большое количество людей. Такая ситуация практически всегда вызывает страдания родственников и близких. В 2023 г. количество пропавших без вести значительно увеличилось, и это с учетом того, что в текущем году, как никогда, удалось найти наибольшее количество людей, о которых родственники сообщили как о пропавших без вести. В возрастном отношении наибольшее количество людей пропадает в возрасте от 18 до 30 лет (до 35%). Такая категория людей наиболее активна, и их образ жизни часто связан с проведением времени в экстремальных условиях. Их отсутствие, как правило, заканчивается благополучно. В других условиях пропадают малолетние и лица пожилого возраста. Их внезапное исчезновение часто связано с криминальными действиями, и данные возрастные категории находятся в группе риска.

Осуществление розыска без вести пропавших лиц является одной из основных задач оперативно-розыскной деятельности, закрепленных в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Выполнение этой задачи возлагается на соответствующие подразделения органов внутренних дел. Необходимость организации межведомственного взаимодействия по розыску без вести пропавших лиц вызвала потребность принятия 16 января 2015 г. межведомственной Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, со-

общений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц (далее — Инструкция) [1]. Данная Инструкция регламентирует деятельность органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации на стадии получения и проверки сообщения о безвестном исчезновении лиц, оговаривает особенности ведомственного контроля и прокурорского надзора за этой деятельностью [2, с. 19–22]. Принятие на межведомственном уровне указанного документа позволило во многом устранить неполноту регламентации действий правоохранительных органов в ситуациях обращения граждан с сообщением о безвестном исчезновении лица [3, с. 125]. Так, определен порядок рассмотрения сообщений о безвестном исчезновении лиц, установлен предмет опроса заявителя и др.

Обратим внимание на отдельные моменты, влияющие на эффективность деятельности, особенно оперативного сотрудника по факту поступления заявления о безвестном исчезновении граждан.

Одним из основных факторов успешного розыска пропавших без вести служит своевременное обращение родственников и близких с информацией о пропаже в правоохранительные органы. Заявления о пропаже падают не только близкие родственники, но и друзья, сослуживцы исчезнувшего. Важно помнить, что при всех трудностях определения обстоятельств пропажи без вести существенную роль играет временной фактор. При этом в криминалистике данный фактор не устанавливается, а учитывается при выяснении сущности событий, выделении особенностей методик расследования различных групп преступлений (например, по горячим следам или преступлений прошлых лет).

В уголовном судопроизводстве временной фактор предусмотрен требованиями УПК РФ к срокам, в течение которых должен разрешиться тот или иной вопрос, связанный с процессуальной формой представленных материалов.

А. В. Мешков высказывался о необходимости обучения следователей криминалистической теории временных связей и отношений, а также основ использования хронологии в расследовании преступлений [4, с. 7–11]. Безусловно, чем раньше будут известны обстоятельства события, тем эффективнее будет работа по их установлению и доказыванию [5, с. 33–35]. Применительно к теме нашего исследования заметим, что заявители о безвестном исчезновении человека сначала пытаются самостоятельно установить его местонахождение. И только убедившись в небезосновательности своих опасений о пропаже лица, обращаются в правоохранительные органы. В тех случаях, когда заявители заинтере-

сованы в сохранении в тайне информации о факте исчезновения лица, следует внимательно изучать мотивы их поведения, а также время и место обращения с заявлением. Данное обстоятельство считается наиболее важным в деятельности оперативного сотрудника не только при получении сообщения о без вести пропавшем лице, но и в целом при проверке подобного сообщения и дальнейшей работе в рамках как розыскного, так и оперативно-поискового дела.

Порядок рассмотрения сообщений о безвестном исчезновении лиц определен названной выше Инструкцией, а также Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [6]. На основании данных документов разработаны многочисленные методические рекомендации. Существуют и рекомендации, определяющие общий порядок взаимодействия государственных органов, волонтерских организаций и добровольцев при организации и осуществлении розыска пропавших лиц, в том числе несовершеннолетних. При анализе данных документов можно сделать вывод, что решение о проверке сообщения принимает оперативный дежурный дежурной части территориального органа МВД России, который в ходе приема заявления выясняет обстоятельства, указанные в п. 10 Инструкции, именно о признаках совершения преступления в отношении без вести пропавшего лица. В дальнейшем работа оперативного сотрудника в составе следственно-оперативной группы также связана с выяснением данных обстоятельств. Не оспаривая алгоритм действий, следует отметить, что названные обстоятельства весьма расплывчаты и неконкретны, и поэтому при проведении проверки могут расцениваться субъективно. Если в регионах создаются рекомендации, определяющие алгоритм действий сотрудников правоохранительных органов по проверке заявлений о пропавших лицах, то с учетом сложившейся практики следует их детализировать.

Далее рассмотрим существующий порядок выдвижения версий при получении сообщения и последующей проверке. Традиционно выдвигаются версии, предполагающие, что пропавший жив, но по каким-то причинам не дает знать о своем месте пребывания. Такое положение связано в большинстве случаев с тем, что признаки, указывающие на совершение преступления, из заявлений родственников не вытекают. Информация в сообщениях носит эмоциональный характер, и выяснение, например, сведений о конфликтных ситуациях в доме, на работе вызывает у заявителей негатив. Психологически срывает и тот факт, что более чем в 80%

случаев безвестное исчезновение не связано с криминальными действиями в отношении исчезнувшего гражданина [7, с. 25]. Для оперативного работника рассмотрение всех возможных версий о происшедшем событии должно быть нормой и в приоритете предположение о совершении преступления в отношении исчезнувшего.

Таким образом, методические рекомендации, определяющие алгоритм действий сотрудника оперативного подразделения по проверке сообщения о безвестии пропавшем лице, не должны противоречить основным положениям межведомственной Инструкции от 16 января 2015 г. На наш взгляд, из пп. 10.7, 10.10, 10.11, 10.14, 10.15 названной Инструкции следует исключить оценочные формулировки. Версии о предполагаемом исчезновении лица должны выстраиваться на основе фактических данных, прежде всего тех из них, которые могут свидетельствовать о совершении преступления в отношении исчезнувшего.

Список источников

1. *Приказ* МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16 января 2015 г. «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц».

2. *Гончар В. В., Нестеров А. А.* Некоторые аспекты рассмотрения заявлений, сообщений о безвестном исчезновении лиц // *Юридические науки*. 2016. № 1.

3. *Попова Т. В., Сергеев А. Б.* Вопросы правового регулирования действий правоохранительных органов при получении сообщения о безвестном исчезновении гражданина // *Юридическая наука и правоприменительная практика*. 2018. № 4(46).

4. *Мешков А. В.* «Потерянное» время — главный враг следователя // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского филиала МВД России*. 2018. № 4(54).

5. *Шутемова Т. В.* О факторе времени в криминалистике // *Глаголь правосудия*. 2019. № 4(22).

6. *Приказ* МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

7. *Цыбизова Н. А.* Безвестное отсутствие граждан по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Н. И. Герасименко

Спорные аспекты предъявления для опознания

Предъявление для опознания — следственное действие, закрепленное в ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, несмотря на общую регламентацию его проведения, существуют спорные моменты. Во-первых, законодательно установлена (ч. 5 ст. 193 УПК РФ) возможность предъявления для опознания по фотографиям в количестве не менее трех, лица на которых должны быть внешне схожи. Однако при наличии требований о количестве и сходстве на практике встречаются нарушения: 1) несоответствие размеров фотографий; 2) смешение цветных и черно-белых фотографий; 3) фотографии, отражающие съемку с разных ракурсов. На наш взгляд, обозначив конкретные требования законодательно, возможно избежать подобных ошибок.

Во-вторых, не совсем понятна позиция законодателя по поводу невозможности опознания с использованием видеоизображения, а также аудиозаписи и фонограммы. Ведь видеозапись по сравнению с фотографией способна передать намного больше информации об объекте, который находится в динамике, показать его с разных ракурсов. Еще в 1983 г. Ю. А. Горинов, А. А. Леви указали на преимущество использования видеозаписи перед фотографией и предложили включить ее вместе с фотографией в перечень объектов, которые могут быть предъявлены для опознания [1, с. 21]. Аналогичного «включения» заслуживает и аудиозапись. Однако в научной литературе есть мнения о том, что «аудиоматериалы, кино- и фотоизображения не могут являться объектами опознания, они только носители признаков, характеризующих личность или предмет» [2, с. 49].

В-третьих, производство предъявления для опознания возможно не только в ходе предварительного расследования, но и в процессе судебного следствия, что устанавливает ст. 289 УПК РФ: «В случае необходимости предъявления в суде для опознания лица или предмета опознание производится в соответствии с требованиями статьи 193 настоящего Кодекса». Однако при этом не учитываются особенности судебного следствия, например гласность судебного разбирательства, условия проведения и место, создающие трудности для проведения этого следственного действия.

В. М. Борзов вообще считает, что обеспечить гарантии правильности осуществления этого следственного действия в суде практически невозможно, а иногда и нецелесообразно [3, с. 24]. Однако для установления истины по уголовному делу суд должен использовать все средства, не учитывая различные препятствия.

К сложностям производства можно отнести, в частности, тактику предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, когда требуется принять определенные меры по обеспечению безопасности лица. Можно отметить такую закономерность, что вопрос о предъявлении для опознания в суде обсуждается только в теории, практически же данное судебное действие хоть и предусмотрено, но применяется крайне редко и относительно только живых лиц.

Статья 289 УПК РФ не называет оснований предъявления для опознания так же, как и в ходе предварительного следствия, указывая лишь «в случае необходимости». Целями опознания могут служить проверка показаний потерпевшего, свидетеля, подсудимого, получение новых доказательств и т. п.

Например, подсудимый в ходе судебного заседания заявил, что во время содержания его в следственном изоляторе узнал, кто совершил преступление, в котором он обвиняется. Он сообщил, что этот человек признался ему в совершении изнасилования. Была получена информация из следственного изолятора, что данные лица вместе не содержались, но в целях проверки показаний подсудимый был допрошен о приметах указанного им человека. Затем в помещении изолятора с участием суда было проведено опознание, в ходе которого подсудимый не смог опознать лицо. Тем самым подтвердилась версия о том, что подсудимый хочет избежать уголовной ответственности за совершенное им преступление.

В статье 240 УПК РФ закреплено, что в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, которые были добыты в ходе предварительного расследования. В таком случае производство предъявления для опознания необходимо для исследования доказательств в целях проверки правильности опознания личности или предметов, но производить данное следственное действие нельзя, поскольку оно будет являться повторным и запрещено законом. Это можно сделать в процессе иных действий, например в ходе допроса опознававшего в суде; допроса понятых или статистов. «Результаты таких проведенных на предварительном следствии действий, как осмотр места происшествия, следственный эксперимент и опознание, имеют важное значение для установления истины, поэтому проведение их вновь нецелесообразно» [4, с. 74].

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволит выделить следующие особенности производства опознания в суде:

— предшествующий следственному действию допрос происходит с выяснением всех обстоятельств так же, как на предварительном следствии, но со ссылкой на ст. ст. 275–276 УПК РФ;

— результаты предъявления для опознания фиксируются в протоколе судебного заседания без составления отдельного протокола предъявления для опознания;

— участие понятых при производстве опознания в суде необязательно, поскольку происходит непосредственное судебное заседание с соблюдением принципа публичности, в присутствии всех участников процесса.

Поэтому необходимо также учитывать:

— состояние и соответствующие условия опознающего при первом восприятии опознаваемого им объекта;

— особенности личности опознающего и его состояние на момент опознания;

— показания, которые опознающий давал до начала производства предъявления для опознания, и соответствие их полученным на момент производства следственного действия.

Из вышесказанного следует вывод, что внесение в закон изменений, касающихся пополнения объектов опознания, поможет реализовать не используемый в настоящее время потенциал данного следственного действия для установления истины по уголовному делу.

Список источников

1. *Леви А. А., Горинов Ю. А.* Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. М., 1983.

2. *Вольская Т. А.* Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.

3. *Борзов В. М.* Опознание в суде // Советская юстиция. 1993. № 14.

4. *Чеджемов Т. Б.* Судебное следствие. М., 1979.

А. С. Горденко

Проблемные вопросы организационной деятельности следователя при назначении судебной компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, связанных с созданием, распространением и использованием вредоносного программного обеспечения

В современном мире преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обретают все более широкое распространение. Данное суждение подтверждает официальная статистика МВД. За период с января по сентябрь 2023 г. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано на 29,2% больше, чем в январе–сентябре 2022 г. [1].

При расследовании преступлений, связанных с созданием, распространением и использованием вредоносного программного обеспечения, следователю, помимо всего прочего, необходимо определить параметр вредоносности программного обеспечения, являющегося предметом конкретного преступления. Данный параметр включает в себя как юридическую сторону, установление которой входит в компетенцию следователя, так и информационно-техническую, для исследования которой необходимы специальные знания.

В качестве юридического аспекта вредоносности программного обеспечения следователю необходимо установить, что искомое программное обеспечение связано с причинением вреда принадлежащей потерпевшему компьютерной информации путем ее блокирования, удаления, модификации или копирования.

Перед исследованием информационно-технической стороны вредоносности стоит задача изучить, каким образом программное обеспечение оказывает влияние на компьютерную информацию. Решение данной задачи входит в компетенцию судебной компьютерной экспертизы, при назначении которой перед экспертом полезно поставить следующие вопросы:

1. Каков функционал исследуемого программного обеспечения?
2. Имеются ли в исходном коде программного обеспечения элементы, указывающие на его создателя?
3. Влечет ли использование исследуемого программного обеспечения блокирование, удаление, модификацию, копирование компьютерной информации?

4. Какие последствия для компьютерной информации влечет за собой использование указанного программного обеспечения? Какое влияние оно оказывает на компьютерную информацию?

5. Имеются ли в исходном коде исследуемого программного обеспечения элементы, указывающие на отправку информации на сторонний носитель?

Одной из основных проблем при назначении данной экспертизы является тот факт, что разрешение перечисленных вопросов требует от эксперта обладания специальными знаниями в области разработки программного обеспечения. В подразделениях экспертно-криминалистических центров МВД России, а также лабораторий судебной экспертизы Минюста России часто отсутствуют специалисты с такими знаниями, так как в настоящее время они являются наиболее востребованными в современном обществе и их труд высоко оплачивается. Такое положение дел возлагает на следователя обязанность по поиску организаций, занимающихся проведением подобного рода экспертиз на коммерческой основе. При этом следователь должен удостовериться в компетентности эксперта, которому будет поручено осуществление вышеуказанной экспертизы [2].

Следующая проблема при назначении судебной компьютерной экспертизы заключается в ее высокой стоимости. В связи с этим следователю как лицу, ответственному за осуществление расследования, необходимо стремиться к наименьшим финансовым затратам при выборе организации, которой будет поручено проведение указанного исследования. Поэтому при выборе экспертного учреждения лицу, осуществляющему расследование, необходимо направить запрос об оказании правовой помощи нескольким организациям, указывая при этом перечень вопросов, которые будут поставлены для разрешения. После получения ответов данное лицо должно изучить их и выбрать наиболее подходящую организацию, ориентируясь на следующие факторы: стоимость исследования, предполагаемые сроки, удаленность от места проведения расследования (организации могут располагаться в регионах, отличных от региона, в котором осуществляется расследование, что может повлечь за собой увеличение расходов и времени, отпущенного на установление истины по делу).

В качестве организаций, в чьей компетентности и достоверности выводов по исследованиям не приходится сомневаться, предлагается рассмотреть в первую очередь образовательные организации, профилем которых является подготовка специалистов в области информационно-

телекоммуникационных технологий. Прежде всего потому, что подобные организации нередко аккредитованы на проведение экспертных исследований, а также располагаются во многих региональных центрах страны, что может сократить как финансовые, так и временные затраты.

Сроки исследования также являются одной из проблем при решении вопроса о назначении рассматриваемого вида судебной экспертизы. В силу сложившихся обстоятельств очереди на проведение этого трудоемкого вида экспертиз создают серьезные препятствия на пути привлечения злоумышленника к уголовной ответственности. К сожалению, решением данной проблемы могло бы послужить увеличение числа экспертов в этой отрасли, что станет возможным лишь в долгосрочной перспективе. В качестве способов решения указанной проблемы можно предложить создание в учебных заведениях профильного высшего образования МВД России и Минюста России отдельных направлений подготовки сотрудников именно по специальности разработки и анализа программного обеспечения одновременно с улучшением материального стимула для таких сотрудников.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Проведение судебных программно-компьютерных экспертиз необходимо при расследовании преступлений, связанных с созданием, распространением и использованием вредоносного программного обеспечения, для определения его функционала и анализа отдельных свойств.

2. Основные проблемы при назначении указанного вида экспертиз: сложность при выборе экспертного учреждения, обусловленная поиском эксперта, обладающего должной компетенцией, значительные сроки самого исследования, длительный период времени между назначением экспертизы и началом ее производства.

3. Решением перечисленных проблем может послужить существенное увеличение количества экспертов в области информационных технологий, специализирующихся на анализе программного обеспечения, в том числе и за счет подготовки кадров в профильных образовательных учреждениях правоохранительных органов, а также экспертно-криминалистических центрах, уполномоченных предоставлять допуск к проведению требуемого вида экспертиз.

Список источников

1. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2023 г.* URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 17.10.2023).

2. Соколов А. Б., Сысенко А. Р. Назначение и производство компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети интернет: проблемы теории и практики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1.

О. И. Гутникова

Порядок назначения судебных экспертиз следов биологического происхождения

В ходе раскрытия и расследования преступления важным следственным действием является назначение судебной экспертизы. Изъятые в ходе различных следственных действий следы биологического происхождения требуют дальнейшего их использования в целях получения доказательственной информации и сведений о субъекте, оставившем след.

Назначение судебной экспертизы при исследовании следов биологического происхождения можно представить в виде стадий, на каждой из которых последовательно разрешаются определенные задачи. При назначении судебной экспертизы целесообразно выделить следующие стадии:

1. Установление наличия оснований для назначения.
2. Выбор экспертного учреждения.
3. Определение и подготовка объектов, подлежащих направлению на экспертное исследование.
4. Формулирование вопросов, требующих разрешения.
5. Составление постановления о назначении судебной экспертизы [1, с. 7].

Процессуальным основанием для назначения судебной экспертизы является соответствующее постановление, фактическим основанием — необходимость установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в медицинских организациях экспертами в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной судебно-экспертной деятельности [2].

Следы биологического происхождения, изъятые на месте происшествия или полученные при опросе свидетелей, проходящих по уголовному делу лиц, могут являться объектом судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения, а также объектом экспертизы тканей и выделений человека, животных в соответствии с приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511.

Судебная экспертиза независимо от вида производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. Но при выборе экспертного учреждения необходимо помнить, что только в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности, либо надлежащей материально-технической базы, либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ее производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, образовательной или иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование [3]. При этом согласно Федеральному закону от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» судебно-медицинская экспертная деятельность подлежит лицензированию, поскольку она относится к медицинской деятельности.

Ввиду вышесказанного следователь при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, должен запросить сведения, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, а также лицензию на проведение соответствующего вида экспертиз.

В большинстве случаев судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств производится в судебно-биологических отделениях судебно-медицинских лабораторий (Бюро судебно-медицинской экспертизы), экспертиза тканей, выделений человека и животного — в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел субъектов РФ. Данный вид экспертизы может выполняться и в соответствующих лабораториях Министерства здравоохранения региона, судебно-экспертных учреждениях Минюста России. В этом случае она будет называться молекулярно-генетической экспертизой объектов биологического происхождения [4].

С объектами или материалами, представляемыми на экспертизу, направляют ряд документов.

1. Постановление следователя или определение суда о назначении экспертизы. В этом документе кратко изложены обстоятельства дела и мотивы, побудившие назначить экспертизу. В постановлении ставят вопросы,

подлежащие разрешению эксперта, перечисляются все направляемые объекты. Особо отмечают показания свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, объясняющие происхождение тех или иных обнаруженных следов. В постановлении также следует отражать, какие материалы направляются в виде образцов, от кого они изъяты, персонально указывают эксперта или экспертное учреждение, которым поручается проведение экспертизы.

2. Протокол следственного действия, в результате которого был изъят объект со следами биологического происхождения.

3. Заключение судебно-медицинского эксперта (если по делу было произведено судебно-медицинское исследование трупа либо освидетельствование живого лица).

При вынесении постановления важно правильно обозначить круг вопросов, решаемых в ходе экспертизы.

При проведении судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы.

При предоставлении следов крови на исследование:

1. Имеется ли кровь в исследуемом объекте?
2. Принадлежит кровь в пятне человеку или животному?
3. Какому виду животных принадлежит кровь в пятне (при необходимости)?
4. Может ли кровь принадлежать определенному человеку или принадлежность крови конкретному человеку исключается?
5. Принадлежит кровь мужчине или женщине (определить можно, если после возникновения следов крови и их доставления в лабораторию прошло не больше суток)?
6. Принадлежит кровь взрослому человеку или плоду?
7. Какова давность образования пятна?
8. Из какой области тела выделялась кровь, образующая пятно?
9. Каково количество излившейся крови, образовавшей пятно?
10. Не принадлежит ли кровь беременной женщине (определить можно в том случае, если пятна крови находятся на исследуемых предметах не более 2–3 месяцев с момента образования)?
11. Каков механизм образования следов крови?

При предоставлении волос на исследование:

1. Является ли объект волосом?
2. Какова видовая принадлежность?
3. Определение индивидуальной принадлежности.
4. Какова половая принадлежность?

5. Каково региональное происхождение волоса?
6. Каков вид повреждений волоса?
7. Какова давность стрижки?
8. Каков механизм отделения волоса?
9. Имеются ли яды в волосах?

При предоставлении следов спермы на исследование:

1. Имеется ли сперма на представленных объектах?
2. Какова групповая принадлежность спермы?
3. Совпадает ли сперма в следах по групповой принадлежности с образцом крови конкретного лица?

При предоставлении объектов со следами слюны на исследование:

1. Имеется ли на представленном предмете слюна?
2. Какова групповая принадлежность слюны?
3. Совпадает ли слюна в следах по групповой принадлежности с образцами крови и слюны конкретных лиц?

При предоставлении потожировых следов на исследование:

1. Имеются ли на представленном предмете следы пота?
2. Какова групповая принадлежность пота?
3. Совпадает ли пот в следах по групповой принадлежности с образцами крови конкретных лиц [5, с. 138–144]?

При назначении экспертизы тканей, выделений человека и животного перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Имеются ли на представленном на исследование объекте (название объекта) следы (указать конкретно: крови, слюны, спермы, пота...)?
2. Если да, то каков генотип (генетический профиль) данных следов?
3. Происходят ли данные следы от лица, образец которого представлен на исследование?
4. Является ли данное лицо биологической матерью ребенка (по делам о детоубийстве; обнаружении трупа неизвестного лица)?

Таким образом, при назначении судебной экспертизы по следам биологического происхождения следователю важно понимать предмет экспертизы, возможности и оснащенность экспертного подразделения, а также правильно формулировать вопросы в постановлении. Это понимание может быть достигнуто только при тесном взаимодействии следственных органов с экспертным подразделением.

Список источников

1. Соколов А. Б., Едомский Е. А. Организация назначения и производства судебно-медицинской экспертизы живого лица по определению

тяжести причиненного вреда здоровью // Законодательство и практика. 2018. № 2(41).

2. *Федеральный закон* от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 62).

3. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (п. 5).

4. *Приказ* Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

5. *Остробородов В. В., Рыкунова А. Я.* Судебная медицина : курс лекций. Барнаул, 2020.

Е. А. Едомский

Способы обнаружения следов крови, уничтожаемых в целях сокрытия совершенного преступления

При совершении преступления на месте происшествия практически всегда остаются вещественные доказательства биологического происхождения. В одних случаях это явные следы, отражающие события преступления (лужи крови, следы спермы и т. п.), в других — микроскопические объекты, например, клетки кожного эпителия, содержащие ДНК, для обнаружения которых требуется специальная техника. Иногда преступник пытается уничтожить следы, для того чтобы затруднить правоохранительным органам установление факта и события совершенного преступления. Чаще всего уничтожению подвергаются следы крови, которые преступник пытается смыть, застирать, механически удалить с поверхности. Однако современные криминалистические технологии способны противодействовать данным обстоятельствам.

Для обнаружения скрытых следов крови на практике чаще всего используют следующие методы.

1. Визуально-оптический метод. Применяются лупа с подсветкой и переносные источники ультрафиолетового излучения. Помещение, где проводится осмотр, затемняется, и на предполагаемые пятна крови направляются ультрафиолетовые лучи. Кровь, поглощая эти лучи, проявляется в виде темных пятен. Однако криминалистические тех-

нологии не стоят на месте, и сейчас в качестве способа обнаружения скрытых следов биологического происхождения все чаще используются современные источники экспертного света (ИЭС). Представителем такой технологии является, например, источник экспертного света Mini-CrimeScore 400. Среди преимуществ использования источников экспертного света можно отметить следующие: мобильность в сочетании с высокой функциональностью, так как применяются различные световые диапазоны (ультрафиолетовый, фиолетовый, синий, сине-зеленый, зеленый, инфракрасный) и разные барьерные фильтры (как широкополосные, так и узкополосные); возможность не только поиска, но и отбора биологического материала непосредственно под визуальным контролем; удобство осмотра предметов большого размера [1, с. 23]. Следует также отметить, что при использовании источников экспертного света можно столкнуться с определенными трудностями: на материалах с высокой абсорбционной способностью (например, большинство мебельных тканей) биологические следы данным способом могут быть не выявлены; вероятность получения ложноположительных результатов достаточно велика, так как пятна, образованные продуктами (молоко, кофе, коньяк, вино и т. п.), моющими средствами и др., как и следы выделений, абсорбируют световые лучи и обладают люминесценцией [1, с. 24].

2. Химические методы: проба с перекисью водорода; проба с бензидином; проба с люминолом; проба с реактивом Воскобойникова; применение диагностических тест-полосок NemoFan, «Уригем», а также SeratecHemDirect [2, с. 70]. Из представленных методов обнаружения крови следует особо выделить пробу с люминолом и применение диагностических тест-полосок SeratecHemDirect.

Работа диагностических полосок SeratecHemDirect основывается на подтверждении наличия гемоглобина человека путем иммунохимической реакции. Проба является сугубо специфичной и позволяет определить гемоглобин именно крови человека. Кроме того, прилагаемый буферный раствор не вызывает разрушения ДНК и тем самым совершенно не влияет на качество дальнейшего исследования ДНК [3, с. 141].

Люминол позволяет находить пятна крови в небольшом количестве, а также замывые и очень старые следы, однако у него есть ряд недостатков, о которых стоит знать, чтобы максимально раскрыть потенциал этого реагента. Использование люминола при расследовании на месте преступления может быть несколько затруднено из-за того, что он реагирует на растительную пероксидазу (например, свежий сок или мякоть картофеля), металлы (медь, сталь, черные металлы), хлорсодержащие отбели-

вающие средства, почву, необработанный край гипсокартона. Однако при реакции с металлами люминол «мерцает», вспыхивает рябью вместо интенсивного, яркого и протяженного во времени свечения, которое бывает при контакте с кровью. Тем не менее интенсивное и яркое свечение можно получить и при обработке люминолом керамических раковин или ванн, которые неоднократно обрабатывали чистящими средствами. Реакция люминола с настоящими следами крови дает яркое, долгосрочное, равномерное свечение, чаще всего характеризующееся своеобразной формой (брызги, потеки, мазки, следы волочения, отпечатки обуви). Стоит особо отметить, что люминол практически никак не влияет на дальнейшие биологические и генетические исследования. Если после высыхания люминола взять смыв с подозрительного участка, биологи смогут определить группу крови, а генетики выделить ДНК. Практически с самого начала применения люминола ученые и криминалисты по-разному решали задачу сохранения и доставки готовых растворов на место происшествия. Но в конце концов пришли к выводу, что лучше готовить реагент непосредственно перед использованием, так как храниться он должен в темном месте не более шести часов. Поэтому получили распространение наборы, где отдельно содержатся щелочь, окислитель и собственно люминол. При необходимости эти компоненты разводят в дистиллированной воде в требуемой пропорции. Так, например, работает экспресс-тест для поиска невидимых следов крови «Люмикрим».

Таким образом, способы обнаружения скрытых следов крови постоянно совершенствуются. На смену перекиси водорода, которая впервые была использована в качестве предварительного химического метода, пришли современные диагностические тест-системы, не только эффективно выявляющие следы крови, но и не разрушающие ДНК. Экспресс-тест для поиска невидимых следов крови «Люмикрим» позволяет находить минимальные следы крови, даже большой давности. Практический опыт использования современных источников экспертного света при осмотре места происшествия показал их высокую эффективность, что вывело поиск следов крови на качественно иной, более совершенный уровень. Все это способствует противодействию сокрытия преступления и обеспечивает неотвратимость наказания преступника.

Список источников

1. *Опыт использования источников экспертного света для поиска следов биологического происхождения // Судебно-медицинская экспертиза. 2020. Т. 63, № 6.*

2. Гутникова О. И. Современные методы выявления ДНК-содержащих объектов // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты противодействия современной преступности : сб. науч. ст. Ставрополь, 2020.

3. Гутникова О. И. Современные способы обнаружения следов крови // Закон и право. 2021. № 2.

К. О. Емельянцева

Освидетельствование по делам о хулиганстве

Освидетельствование как процессуальное действие проводится следователем (дознавателем) чаще всего на первоначальном этапе расследования и считается самостоятельным следственным действием. Однако его можно понимать и как разновидность осмотра. Фактически при его проведении следователь лично должен убедиться в наличии на теле человека каких-либо материальных фрагментов, их признаках, характере и расположении [1, с. 255].

Данное следственное действие может быть произведено как в ходе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), так и в ходе предварительного расследования (ст. 179 УПК РФ). Принятие решения о производстве освидетельствования основывается на определенном объеме сведений, которые могут быть получены из материалов проверки сообщения о преступлении (объяснение, рапорт, протокол осмотра места происшествия и др.) или уголовного дела (протоколы допросов, обыска, предъявления для опознания, следственного эксперимента и др.) и позволяют предположить, что на теле человека могут быть следы преступления, телесные повреждения. В основе фактического решения о проведении освидетельствования лежит временной фактор: если следователь промедлит с осмотром тела человека, то такие следы будут потеряны.

Анализ судебно-следственной практики рассказал, что освидетельствование как в ходе проверки сообщений о преступлениях, так и в ходе расследования преступлений по делам о хулиганстве встречается редко*. Причин такому положению несколько, одна из них заключается в том, что следователь (дознаватель) при расследовании названной категории

---

* По специально разработанной программе было изучено 70 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 213 УК РФ, расследованных на территории Кемеровской, Московской, Новосибирской, Омской, Томской областей за период 2019–2023 гг.

преступлений обращает внимание на наличие или отсутствие у пострадавших только телесных повреждений. Предполагая обязательное производство судебно-медицинской экспертизы для определения характера и степени вреда здоровью, назначают подобные исследования уже на этапе предварительной проверки. Действительно, предпочтение имеет назначение судебной экспертизы, а не проведение освидетельствования. Однако когда отсутствует нужный специалист или требуется время для проверки поступившего заявления о преступлении, освидетельствование должно быть обязательным для фиксации телесных повреждений. Проблемы возникают с описанием телесных повреждений на теле человека, прежде всего они связаны с нарушением общепризнанных в судебной медицине алгоритмов описания морфологических свойств (форма, цвет, интенсивность подкрашивания и т. п.) или каких-либо морфологических проявлений (кровоподтек, ссадина, отек мягких тканей и т. п.) [2]. Именно поэтому протоколы освидетельствования не позволяют эксперту, которому поручено производство судебной медицинской экспертизы, высказаться о характере повреждений, их образовании. На наш взгляд, на этапе предварительной проверки сообщения о хулиганстве целесообразно провести судебно-медицинское освидетельствование и в последующем производство судебной экспертизы.

Другая причина редкого применения освидетельствования при расследовании дел о хулиганстве заключается в том, что тактическое значение задач данного следственного действия, указанных в ст. 179 УПК РФ, не всегда осознается лицом, проводящим расследование. Помимо обнаружения телесных повреждений при осмотре тела человека важно также обратить внимание на наличие особых примет, броских признаков внешности. Фиксация данных признаков позволит в последующем не только принять решение о проведении предъявления для опознания, но и разграничить поведение отдельных лиц во время совершения преступления. Особенно это важно, когда в показаниях свидетелей имеются существенные противоречия и перед их устранением следователь должен смоделировать обстановку, представить ход события и последовательность действий каждого участника.

Что касается установления при освидетельствовании функциональных признаков человека, то их наличие может быть задачей данного следственного действия, а их проявление — задача предъявления для опознания.

Следующая задача — обнаружение следов преступления. По делам интересующей нас категории важно соотнести результаты осмотра тела человека со следами, обнаруженными при осмотре места происшествия,

либо явлениями, действиями, установленными при опросе очевидцев (допросе свидетелей). Речь идет о следах крови, волос, иных выделений организма человека при взаимном контакте или следах от воздействия орудий преступления, грязи, пыли, пороховых газов, взрывчатых веществ, употребления веществ, вызвавших опьянение, и т. п. Такие следы необходимо выявлять, фиксировать, получать в качестве образцов для сравнительного исследования.

Выявление состояния опьянения также относится к задачам освидетельствования. Из анализа материалов уголовных дел выяснилось, что подобное состояние устанавливалось в основном из показаний участников уголовного процесса. Однако определить вид опьянения и его степень может лишь специалист с учетом медицинских исследований. Поэтому в протоколе освидетельствования необходимо фиксировать такие факторы, которые могут быть установлены на зрительном и органолептическом уровнях [3, с. 288]. Нахождение хулигана в состоянии опьянения, как правило, объясняет мотивацию его поведения, служит основанием признания его действий подпадающими под признаки уголовного преступления. Степень опьянения устанавливается путем проведения судебной экспертизы. Напомним, что процессуальное освидетельствование проводится, если не требуется производство судебной экспертизы. Поэтому выявленные при осмотре тела человека признаки опьянения служат основанием для назначения судебной экспертизы.

Еще одна задача освидетельствования по делам о хулиганстве состоит в установлении иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. В данном случае подразумеваются признаки и свойства человека, которые приобретены в связи с выполнением определенной работы [4, с. 113]. Так, при совершении хулиганства с применением оружия или взрывчатых веществ могут остаться на теле человека не только следы преступления, но и мозоли, синяки, свидетельствующие о проведении определенных операций при выполнении работ.

Дальнейший анализ практики расследования дел о хулиганстве позволит сформулировать ряд рекомендаций, направленных на сбор доказательств участия виновных лиц в совершении преступления, в том числе на эффективное использование результатов процессуального освидетельствования.

Список источников

1. *Криминалистика* (общие положения, техника, тактика) : учебник для вузов ; под ред. А. А. Кузнецова, Я. М. Мазунина. М., 2022.

2. *Зиненко Ю. В.* Некоторые проблемы производства освидетельствования // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2022. № 8. <http://www.dnevniknauki.ru/> (дата обращения: 12.11.2023).

3. *Архипова Н. А.* Организационно-тактические аспекты производства освидетельствования // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11(203).

4. *Харзинова В. М., Небрятенко Г. Г.* Проблемы производства освидетельствования // Юристь-Правоведь. 2015. № 5(72).

М. Г. Ермаков, А. А. Кузнецов

Факторы, влияющие на выбор преступником способа совершения поджога

Поджоги и преступные нарушения правил пожарной безопасности — это наиболее опасные преступления, их правильная квалификация является условием их успешного раскрытия и расследования. К основным причинам пожаров в городской местности относятся: 1) неосторожное обращение с огнем — 15 682 пожара (АППГ — 19 399; -19,2%), в том числе: неосторожное обращение с огнем при курении — 5578 (АППГ — 991; -6,9%); детская шалость — 86 (АППГ — 191; -55,0%); 2) аварийный режим работы электрических сетей и оборудования — 7674 (АППГ — 8141; -5,7%); 3) нарушение правил устройства и эксплуатации печного оборудования — 2860 (АППГ — 3207; -10,8%); 4) поджог — 1646 (АППГ — 1639; 0,4%); 5) нарушение правил устройства и эксплуатации транспортных средств — 1581 (АППГ — 1421; 11,3%); 6) иные причины — 1757 (АППГ — 1037; 69,4%) [1].

При пожаре часто уничтожаются следы преступления, а сохранившиеся минимальные источники информации требуют от следователя (дознавателя) особой подготовки при оценке закономерностей возникновения и развития процессов горения. Введение в последнее время упрощенных процедур приемки и эксплуатации систем противопожарной защиты, согласования проектно-сметной документации, сокращение сроков проверки органами Государственного пожарного надзора норм и требований пожарной безопасности приводят к повышению рисков появления пожаров и усложняют работу следователя по исследованию всех возможных обстоятельств развития и длительности преступного события. Как мы видим, не последнее место среди основных причин пожара занимают поджоги. Возникший при этом неконтролируемый пожар при-

водит к уничтожению или повреждению имущества, к травмированию или гибели людей, причиняет существенный вред различным интересам личности, общества, государства.

Криминалистическая характеристика поджогов состоит из множества элементов, каждый из которых имеет значение. Наиболее типичным является способ преступления, который рассматривается как комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию поджога [2, с. 35–57]. В зависимости от того, какую цель преступник преследует, названные составляющие могут представлять полноструктурный способ преступления, а в отдельных случаях — усеченный. Например, могут быть действия по подготовке и совершению поджога, а действия, связанные с сокрытием преступления, осуществляют иные лица.

В практике расследования пожаров встречаются случаи инсценировки поджогов под нарушение правил пожарной безопасности, но они достаточно редки, и, как правило, подобный факт устанавливается при проведении серии следственных экспериментов, а также ряда судебных экспертиз. Возможно рассмотрение способов поджога в зависимости от мотивов (месть, получение страховой суммы, хулиганские, экстремистские и т. п.). В таких случаях мотив выступает побудительной причиной совершения преступления, и не всегда, руководствуясь только им, следователь (дознатель) может обнаружить материальные следы при осмотре места происшествия. Особенность совершения подобных преступлений состоит именно в том, что преступник взаимодействует с обстановкой на месте предполагаемого поджога с заранее или внезапно возникшим умыслом, поэтому все его поступки так или иначе должны отражаться как в материальной обстановке, так и в сознании людей (возможных очевидцев его подготовки).

Место и время пожара, как правило, взаимосвязаны с причиной возгорания, и основная трудность заключается в определении того, что было на самом деле: поджог или нарушение требований пожарной безопасности. Поэтому, прежде чем делать вывод о способе совершения поджога, при проведении проверки сообщения о пожаре либо в ходе первоначальных следственных действий надлежит обратить внимание на признаки, свидетельствующие об этом. К ним относятся в первую очередь заявления и сообщения различных лиц (пострадавших, свидетелей) о том, что пожар возник в результате поджога, о поступающих угрозах о поджоге или намерениях его совершить, о подозрительном поведении отдельных лиц перед пожаром или во время его тушения, об искусственно созданных условиях, препятствующих тушению пожара или, наоборот, способствующих

его развитию. О поджоге позволяют вести речь результаты осмотра места происшествия с использованием специальных знаний специалистов, при этом присутствующих; обнаружение предметов, веществ, которые могут быть применены для развития горения. Наконец, сама обстановка может свидетельствовать о том, что перед пожаром было совершено иное преступление. Обнаружению подобных признаков поджога способствует знание факторов, влияющих на поведение преступника.

Рассмотрим наиболее типичные из них. На выбор способа совершения поджога влияют факторы как объективного, так и субъективного характера. К первым относятся:

- погодные условия: сильный ветер, длительная засуха, недостаток воды, температурный режим во время предполагаемого тушения пожара (даже при низких температурах окружающей среды существует специфика тушения огня: повышенное внимание к напору, диаметру пожарных рукавов, использование специальных составов, иная последовательность действий пожарного караула и т. п.), плохая видимость на месте горения либо ночное время суток;

- степень защищенности и охраны объекта (в том числе неисправная или отключенная сигнализация), режим работы организации, предприятия, наличие рядом жилых и служебных зданий [3, с. 77–80]. Закрытые окна и ставни, которые могут препятствовать своевременному обнаружению пожара;

- конструктивные особенности объекта поджога (расположение проходов и вентиляции, могущих облегчить или ускорить развитие горения), в том числе наличие рядом с очагом мест хранения взрывчатых, сильнодействующих или ядовитых веществ.

К факторам субъективного характера относятся:

- наличие у преступника профессиональных знаний и опыта совершения подобных преступлений;

- физическое состояние и психологические особенности личности преступника (поджоги, как правило, связаны с личными корыстными мотивами (приобретение права на имущество, уничтожение предприятия конкурента и т. п.)) либо связанные с противодействием расследованию ранее совершенных преступлений (в том числе уничтожение мест хранения уголовных дел и т. п.). Для несовершеннолетних характерны игровые и хулиганские мотивы либо злость, месть. Не следует исключать и психические аномалии (пиромания) [4, с. 194–199];

- отношение преступника к объекту поджога (знает ли поджигатель схему помещения, предполагает ли он в будущем им воспользоваться);

— знание им правил пожарной безопасности (в том числе вид вещества, которое злоумышленник предполагает применить при поджоге (легковоспламеняющиеся и горючие жидкости либо специальные смеси, например, перманганат калия и глицерин)).

Чаще всего лица, виновные в поджоге, не выбирают сложные способы совершения преступления. Их действия нередко однотипны и позволяют следователю (дознавателю) уже при осмотре места происшествия выдвинуть версию о лицах, причастных к поджогу. Другое дело, когда преступники используют свои профессиональные знания. В таких случаях можно наблюдать более эффективный способ поджога, учитывающий технологические особенности и просчеты в конструкции объекта. Основная цель преступника заключается в том, чтобы созданная обстановка позволила либо как можно более длительное время не обнаружить поджог, либо как можно быстрее покинуть ему место происшествия, оставаясь незамеченным. Профессиональные навыки могут быть связаны не только с работой на объекте, но и с умениями обращения с горюче-смазочными материалами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами.

Таким образом, факторы, влияющие на выбор преступником способа совершения поджога, вполне могут быть выявлены следователем (дознавателем) при проведении первоначальных следственных действий с использованием знаний специалистов и положены в основу выдвижения основных версий о совершении поджога и выбора направлений дальнейшего расследования.

Список источников

1. *Анализ обстановки с пожарами и их последствиями на территории Российской Федерации за 3 месяца 2023 г.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-obstanovki-s-pozharami-v-gorodah-i-selskoj-mestnosti-subektov-rossiyskoj-federatsii?ysclid=lov86quan8555296003> (дата обращения: 20.08.2023).

2. *Маханек А. Б., Мешков В. М.* Расследование пожаров: факторы времени, проблемы квалификации, следственные действия : монография. М., 2013.

3. *Файзуллина А. А.* Особенности расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.

4. *Бакин А. А., Кутина В. П.* Личность поджигателя: криминологические и патопсихологические особенности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1(16).

А. М. Журбенко

Особенности расследования ятрогенных преступлений на современном этапе

На сегодняшний день расследованиями ятрогенных преступлений занимаются специальные отделы Следственного комитета. Прежде всего, необходимо понять, что представляют собой сами преступления этого типа.

Преступления, совершаемые медицинскими работниками, которые при оказании медицинской помощи нанесли нежелательный или неблагоприятный вред жизни и здоровью пациента, с учетом специфики субъекта и сферы посягательства называются ятрогенными. Анализ Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан РФ» позволяет выделить принципы, относящиеся к оценке качества оказания медицинской помощи: своевременности, профессиональности, обоснованности и оптимальности. Итогом медицинской помощи должно быть улучшение состояния пациента.

Перечислим наиболее распространенные преступления, совершаемые в сфере оказания медицинских услуг:

— причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ);

— неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказать в соответствии с законом или специальным правилом, если оно повлекло по неосторожности смерть больного или причинение вреда его здоровью (ч. 2 ст. 124 УК РФ);

— преступления, предусмотренные п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ;

— халатность, повлекшая по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (чч. 2 и 3 ст. 293).

В большинстве случаев поводом для проведения проверки или даже возбуждения уголовных дел служат жалобы самих граждан, здоровью которых при оказании медицинской помощи был нанесен ущерб, или родственников умерших, утверждающих, что такой исход произошел из-за несоответствующего лечения. В настоящее время родственники погибших очень часто не обращаются в правоохранительные органы, считая деятельность по привлечению медиков к ответственности бесполезной, долгой и сложной. Работа по таким делам действительно длительная, но бесполезной она не является.

Первое, что необходимо сделать, это написать два заявления: в страховую медицинскую компанию и в Следственный комитет. В них нужно

изложить данные погибшего человека (дату рождения, дату смерти, причину смерти, если она известна); указать, в каких медицинских учреждениях он содержался, фамилии лечащих врачей (если они известны); с какими жалобами поступил, от чего скончался, каким образом осуществлялось лечение, что пациенту назначалось. Следует в максимальном объеме описать происшедшую ситуацию. В заявление в страховую компанию нужно включить требование о проведении экспертизы контроля качества оказания медицинской помощи. В заявлении в Следственный комитет необходимо указать, что вы знаете о привлечении к ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), а также изложить требование провести проверку в соответствии со ст. ст. 144–145 УПК РФ. Данные заявления можно подать в интернет-приемные.

Страховая компания проводит экспертизу контроля качества оказания медицинской помощи по медицинской документации, имеющейся в распоряжении медицинского учреждения. Как правило, они обнаруживают те или иные дефекты, после чего больницу привлекают к финансовой ответственности. Экспертиза обычно занимает от одного до трех месяцев в зависимости от сложности дела.

После подачи заявления в Следственный комитет заявителя вызывают на опрос к следователю. Полезно заранее подготовить все документы, которые имеются по данному делу (медицинские справки, выписки, больничные карты). Важным элементом в расследовании уголовных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинскими работниками помощи пациентам, является незамедлительное производство выемки и обыска необходимой документации. Это объясняется тем, что в случае промедления заинтересованные лица могут фальсифицировать или уничтожить важную для дальнейшего расследования информацию. В первую очередь, в ходе следственных действий важно произвести осмотр компьютерной техники и электронных носителей информации, чтобы сравнить содержащиеся в них данные с указанными в печатных документах [1]. После сбора информации она будет направлена для проведения судебно-медицинской экспертизы, которая может занимать от 6 до 18 месяцев. Далее с результатами экспертизы могут ознакомиться родственники и понять, что произошло с их близким человеком, от чего он скончался [2].

После получения результатов экспертизы решается вопрос о привлечении врача к уголовной ответственности при наличии к тому оснований. Однако срок давности привлечения к уголовной ответственности по данной категории дел, как правило, составляет 2 года (ч. 2 ст. 109

УК РФ). К сожалению, не многие родственники обращаются в Следственный комитет с требованием проведения экспертизы, а предварительное расследование и суд занимают большое количество времени. Даже если в действиях врача усматривается состав преступления, в лечении имелись дефекты, которые состояли в прямой причинно-следственной связи со смертью, часто медицинский работник может избежать наказания в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Подводя итоги, отметим, что привлечение к ответственности медицинских сотрудников, по вине которых наступили тяжкие последствия, будет способствовать предупреждению подобных фактов и повышению уровня медицинской помощи населению.

Список источников

1. *Васильченко А. В.* Особенности назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2(84).
2. *Архипова А. А.* Ятрогенные преступления в уголовном праве РФ // Молодой ученый. 2022. № 19(414).

Ю. Е. Кайгародова, С. Е. Тимошенко

Особенности нейтрализации противодействия расследованию преступлений в зоне проведения специальной военной операции

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 на время проведения специальной военной операции (далее — СВО) на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей введено военное положение. В октябре 2022 г. глава Следственного комитета Александр Бастрыкин подписал указ о создании следственных органов на территориях новых субъектов Российской Федерации. Данный организационно-распорядительный документ издан в целях осуществления полномочий в сфере уголовного судопроизводства в соответствии с российским законодательством.

Следует констатировать, что расследование преступлений, совершенных украинскими нацистами в зоне проведения СВО, имеет определенные особенности, в том числе обусловленные спецификой как пря-

мого, так и косвенного противодействия расследованию уголовных дел, возбужденных в связи с совершением ими преступлений в отношении мирных граждан Донбасса.

Метод включенного наблюдения позволил выявить следующие способы противодействия.

1. Совершение преступления на линии боевого соприкосновения (далее — ЛБС).

Например, в случае сброса с квадрокоптера выстрела осколочного гранатометного украинскими военными на мирного жителя, который от полученных ранений скончался на месте, производство осмотра места происшествия и фиксация следов преступления невозможны ввиду прямого запрета в соответствии с ч. 4 ст. 164 УПК РФ («при производстве следственных действий недопустимо... создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц»). Таким образом, во многих случаях на протяжении значительного времени нельзя не только осмотреть труп, но и вывезти его в связи с постоянными обстрелами вооруженных формирований Украины (далее — ВФУ). Стоит отметить, что использование технических средств (например, квадрокоптера) для осмотра места происшествия также невозможно в связи со сложностью согласования данного вопроса с Минобороны России, а также использованием сторонами противодроновых ружей и устройств при обнаружении такового.

2. Масштаб (значительная площадь) проведения следственных действий, например осмотр места происшествия (Завод «Азовсталь» в г. Мариуполе). Во-первых, малочисленность состава следственных подразделений СУ СК России по ДНР нивелирует возможность производства одномоментного следственного осмотра и фиксации следов на местах преступлений. Во-вторых, существует опасность детонации заминированных объектов, которые до настоящего времени не переведены Минобороны России в режим доступных для проведения следственных действий.

3. Значительное количество мест происшествия одновременно. Известно, что обстрел населенных пунктов осуществляется, как правило, не единожды. Так, 1 ноября 2023 г. в Буденовском районе Донецка ВФУ был произведен обстрел мирной инфраструктуры города. После незамедлительного прибытия сотрудников МЧС для устранения последствий происшествия ВФУ был предпринят обстрел боеприпасами кассетного типа. К пострадавшим сотрудникам МЧС выехали бригады скорой медицинской помощи, которые также подверглись обстрелу. Причем корректировка места ведения огня велась жителями, которые впоследствии

были задержаны. Изложенное подтверждает правильность рекомендаций о необходимости уклонения гражданами и сотрудниками правоохранительных органов от посещения мест, где был зафиксирован обстрел, на время не менее одного часа после него, чтобы не стать жертвой преступления или его свидетелем.

4. Ведение прицельного огневого поражения мест дислокации правоохранительных органов и суда. В ноябре 2023 г. после прибытия и размещения судьи в ДК им. Г. Жоги в г. Волноваха ДНР со стороны ВФУ был осуществлен обстрел указанного учреждения. Пострадали гражданские лица и представители правоохранительных органов.

Проведение следственных действий затруднено и ввиду недостаточного количества членов адвокатского сообщества в ДНР и экспертных учреждений на местах, а также удаленности последних от правоохранительных органов, осуществляющих расследование уголовных дел, отсутствия материально-технической базы. Например, морг в г. Волноваха отстроен, но еще в сентябре 2023 г. для проведения судебно-медицинской экспертизы не функционировал. Исследование трупов осуществлялось в полуразрушенном здании, не оборудованном холодильными установками, что вело к уничтожению доказательств. Кроме того, сам город систематически подвергается обстрелам со стороны ВФУ.

Проведение таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, характеризуется сложностью из-за отсутствия центров обслуживания клиентов российскими мобильными операторами (работает только сотовая связь Украины — «Феникс»), почтовые отделения и контролирующие органы в новых регионах только формируются.

Таким образом, обобщение судебно-следственной практики показывает, что к числу основных мер по нейтрализации противодействия расследованию преступлений со стороны ВФУ относятся:

- применение мер, направленных на неразглашение данных предварительного расследования при проверке сообщений о преступлениях, о планах производства следственных действий, хода их проведения и содержания;

- обеспечение мер безопасности участникам уголовного процесса;

- нейтрализация противодействия со стороны руководителей учреждений и предприятий, СМИ, заинтересованных в сокрытии преступлений и действующих в интересах украинских нацистов или в своих личных целях (например, СМИ в целях быстрее опубликования новостей).

Наряду с этим, в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов необходимо принять следующие организационно-правовые меры:

- установить системы радиоэлектронной борьбы и защитные сетки в местах дислокации правоохранительных органов;
- обеспечить средствами индивидуальной защиты и броневыми автомобилями представителей следственных подразделений;
- обязать должностных лиц проводить тщательный осмотр имущества и автомобилей перед их эксплуатацией;
- активизировать оперативно-розыскную работу, направленную на выявление лиц, действующих в интересах ВФУ;
- упростить процедуру привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом (глава 52 УПК РФ);
- предусмотреть правовое регулирование порядка дисквалификации и отстранения от должности лиц в связи с утратой доверия.

И. В. Качулина

Некоторые аспекты участия специалиста при производстве освидетельствования

Освидетельствование является одним из видов осмотра и состоит в осмотре тела живого человека с целью обнаружить на нем особые приметы, следы преступления, телесные повреждения, выявить состояние опьянения или иные свойства и признаки, имеющие значение для уголовного дела (ст. 179 УПК РФ). Понятие и сущность освидетельствования в достаточной степени исследованы в специальной литературе [1–5].

Наиболее полным с позиции отражения роли специалиста при производстве следственного действия нам представляется понятие освидетельствования, предложенное Т. Ю. Вилковой, С. Б. Россинским. По их мнению, освидетельствование — это следственное либо судебное действие, которое заключается в наружном осмотре следователем или судом (врачом или иным специалистом по поручению следователя или суда) тела человека в целях установления на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения и иных свойств и признаков, позволяющих судить о связи данного человека с уголовным делом, если для этого не требуется производство судебной экспертизы [6, с. 22–26].

Полученные в результате освидетельствования фактические данные, зафиксированные в протоколе следственного действия, являясь самостоятельным доказательством, не освобождают следователя от необходимости назначения судебных экспертиз в порядке ст. 196 УПК РФ. Производство освидетельствования возможно как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования. Круг лиц, подлежащих освидетельствованию, определен в ч. 1 ст. 179 УПК РФ. Указанное следственное действие целесообразно проводить в случаях, когда необходимо обнаружить и зафиксировать повреждения (покраснения, ссадины, кровоподтеки, ушибы мягких тканей, поверхностные раны и др.) на теле человека, имеющие тенденцию к быстрому исчезновению при удаленности судебно-экспертного учреждения от места производства проверки сообщения о преступлении либо расследования. Протокол освидетельствования, а также прилагающаяся к нему фототаблица в случаях использования фотосъемки в целях фиксации обнаруженных следов в числе иных материалов должны быть представлены в распоряжение судебно-медицинского эксперта для определения степени тяжести причиненного здоровью вреда.

На основе анализа законодательства, специальной литературы и правоприменительной практики уточним перечень следов, которые возможно обнаружить, зафиксировать и изъять в ходе освидетельствования, проводимого для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, а именно: те, которые находятся на теле человека (кровь, сперма, слюна, волосы и т. д.), результаты воздействия высоких и низких температур (переохлаждение, нагревание, повреждение огнем и т. д.), особые приметы (тату, шрамы, рубцы и т. д.).

В необходимых случаях следователь может привлекать к производству освидетельствования врача или иного специалиста (ч. 3 ст. 179 УПК РФ). Например, в целях обеспечения качественного описания в протоколе обнаруженных телесных повреждений, следов биологического происхождения, особых примет может быть использована помощь врача, а для осуществления фото- и видеофиксации таких следов в порядке ч. 5 ст. 179 УПК РФ — содействие специалиста-криминалиста. Законодатель в ч. 4 ст. 179 УПК РФ предусмотрел также обязательные случаи привлечения врача в качестве специалиста (необходимость освидетельствования следователем лица противоположного пола).

По поводу производства освидетельствования выносится постановление, в описательно-мотивировочной части которого должно содержаться основание для его проведения в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исклю-

чением случаев, обусловленных необходимостью оценки достоверности показаний. Кроме того, при необходимости проведения освидетельствования до возбуждения уголовного дела излагаются причины принятия решения о безотлагательности его производства.

Полагаем, что в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 179 УПК РФ, в постановлении о производстве освидетельствования, помимо названных, сведений, целесообразно указание на необходимость привлечения специалиста — врача для производства освидетельствования.

В порядке ч. 4 ст. 179 УПК РФ следственное действие проводится врачом, при этом следователь должен расположиться в условиях, исключающих возможность визуального наблюдения (в смежном кабинете, за ширмой и т. д.). Протокол следственного действия следователь составляет со слов специалиста-врача, отражая все обстоятельства проведения освидетельствования. По окончании следственного действия врач, участвующий в качестве специалиста, подписывает протокол следственного действия.

Фото- и видеофиксация хода и результатов освидетельствования может быть осуществлена как самим лицом, производящим следственное действие, так и специалистом-криминалистом. Целесообразным представляется распространить требования ч. 4 ст. 179 УПК РФ на решение вопроса о привлечении специалиста-криминалиста.

Фототаблица, а также видеозапись хода и результатов освидетельствования подлежат приобщению к протоколу следственного действия и могут быть представлены в распоряжение судебно-медицинского эксперта.

Исследованные аспекты привлечения специалиста для участия в производстве освидетельствования не являются исчерпывающими и требуют дальнейшей научной разработки.

Список источников

1. *Белкин А. Р.* Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2.

2. *Россинский С. Б.* Освидетельствование как невербальное следственное действие // Российская юстиция. 2014. № 12.

3. *Макарьин А. А., Ялышев С. А.* Проблемы производства освидетельствования при расследовании преступлений // Российский следователь. 2013. № 3.

4. *Соколова О. А.* Использование диагностической информации при освидетельствовании и предъявлении для опознания живых людей и трупов // Lex russica. 2015. № 5.

5. *Анешева А. Т., Аксенова Л. Ю.* Освидетельствование: сущность и задачи // Уголовная юстиция. 2021. № 17.

6. *Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б.* Реализация права на уважение чести и достоинства личности при производстве освидетельствования в судебном следствии // Российский судья. 2015. № 3.

А. А. Крылов

Обеспечение осужденному права на квалифицированную юридическую помощь в производстве по делам о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания

Производство по делам о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания осуществляется по правилам главы 47 УПК РФ. Учитывая, что оно составляет часть предмета регулирования уголовно-процессуального права, на него должны распространяться принципы уголовного судопроизводства. Кроме того, официальное признание судебной деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, правосудием (соответствующее разъяснение содержится в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора») предполагает, что данные процедуры (в первую очередь, предусмотренная ст. 399 УПК РФ) должны соответствовать принципам организации правосудия, закрепленным в Конституции РФ, федеральных конституционных законах о деятельности органов судебной власти, а также общим условиям судебного разбирательства, актуализированным законодателем в главе 35 УПК РФ. Безусловно, и принципы организации правосудия, и принципы уголовного процесса, и общие условия судебного разбирательства в том виде, в котором они сегодня нормативно закреплены, могут применяться только по аналогии и должны быть адаптированы к специфике рассматриваемых и разрешаемых судом споров при исполнении приговора.

Вопрос о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (пп. 2, 2¹ ст. 397 УПК РФ) рассматривается и разрешается судом по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание. Кроме того, до судебного разбирательства (заседания) осужденный может быть задержан и заключен под стражу в соответствии с пп. 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ. Указанное с очевидностью демонстрирует, что осу-

ществование в отношении осужденного производства по обозначенным вопросам подразумевает существенное ограничение его прав и интересов. С этой точки зрения исследуемая деятельность вполне сопоставима с осуществлением уголовного преследования. В случае удовлетворения представления уголовно-исполнительной инспекции правовое положение осужденного изменяется принципиально, так же как при вынесении обвинительного приговора с назначением наказания в виде лишения свободы в отношении подсудимого.

Несмотря на это, правовое регулирование и соответствующие механизмы оказания квалифицированной юридической помощи осужденному, в отношении которого в суд направлено представление о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, трудно назвать надлежащими.

Отметим, что сложность законодательного разрешения обозначенной выше проблемы состоит, с одной стороны, в межотраслевом характере правового регулирования производства по рассмотрению и разрешению вопросов, с другой — в том, что законоположения об участии защитника предусмотрены для производства по уголовному делу, не ориентированы на уголовно-процессуальные отношения, возникающие при исполнении приговора. Применять нормы, содержащиеся в ст. ст. 49–53 УПК РФ, по аналогии не всегда представляется возможным в силу существенных различий уголовных дел и дел, рассматриваемых в порядке исполнения приговора. Кроме того, распространить на уголовно-исполнительное судопроизводство законоположения об участии защитника нельзя по объективным причинам, поскольку этап, на котором уголовно-исполнительная инспекция или судебный пристав-исполнитель инициируют производство о замене наказания в случае злостного уклонения, регламентируется уголовно-исполнительным законодательством.

Подчеркнем, что отдельные нормы УИК РФ, касающиеся порядка реализации права на квалифицированную юридическую помощь, относятся к осужденным к лишению свободы, в то время как вопрос о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания возникает в отношении лиц, осужденных к мерам уголовно-правового воздействия, не связанным с изоляцией от общества.

При совершенствовании действующего законодательства в части правового регулирования оказания квалифицированной юридической помощи осужденным при исполнении приговора внимание должно быть уделено согласованию между собой норм двух кодифицированных актов — УИК РФ и УПК РФ. Однако на уровне ведомственных актов (например, приказа

Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества») следует обязать учреждения и органы, исполняющие наказания, не только уведомлять осужденного о направлении в суд представления о замене наказания, но и разъяснять право на квалифицированную юридическую помощь, включая возможность ознакомления с направляемыми в суд материалами с участием адвоката, представляющего его интересы. Реализовать подобные предписания возможно только в ситуациях, когда осужденный не скрывается от контроля соответствующих органов и учреждений. В противном случае (если он задерживается в порядке, предусмотренном УИК РФ) право на квалифицированную помощь должно быть разъяснено в момент фактического задержания, т. е. фактического ограничения осужденного свободы передвижения.

Полагаем, что рассмотрение и разрешение вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, равно как и заключения осужденного под стражу, должны относиться к случаям обязательного участия защитника в уголовно-исполнительном судопроизводстве, поскольку, как нами было отмечено ранее, удовлетворение соответствующих представлений способно существенным образом ухудшить правовое положение осужденного.

В производстве по вопросам, предусмотренным пп. 2, 2¹, 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ, деятельность адвоката осужденного, осуществляемая в интересах доверителя, должна быть направлена на опровержение доводов учреждений и органов, исполняющих наказания, о наличии признаков злостного уклонения от его отбывания. Если осужденный объявлялся в розыск, задерживался, в отношении него ставился вопрос о заключении его под стражу для обеспечения рассмотрения и разрешения основного вопроса (о замене наказания), то адвокат должен обосновать нецелесообразность помещения осужденного в место содержания под стражей. Особое внимание адвокату следует обращать на наличие уважительных причин невыполнения (ненадлежащего выполнения) возложенных на осужденного обязанностей (болезнь, иные обстоятельства).

В заключение отметим, что право на квалифицированную юридическую помощь закрепляется в нормах, обладающих высшей юридической силой и прямым действием. Это означает, что обязанность по созданию условий для его реализации не зависит от наличия или отсутствия в отраслевом законодательстве соответствующих механизмов. В то же время их наличие способствует повышению гарантий обеспечения указанного права, осуществлению эффективного правосудия.

А. А. Крынин

Некоторые особенности производства осмотра места происшествия и проверки показаний на месте при расследовании незаконного сбыта наркотических средств

Количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств (далее — НОНС) непреклонно растет из года в год как по всей России, так и в Алтайском крае. На общем фоне раскрытия преступлений в сфере НОНС людей, болеющих наркоманией, меньше не становится. Тенденция к ежегодному валу преступлений данной категории и не снижающийся показатель количества больных наркоманией как последствия рассматриваемых преступлений и обуславливают актуальность данной темы.

В ходе расследования незаконного сбыта наркотических средств следователь проводит различные следственные действия, среди которых осмотр места происшествия имеет особое значение, так как его производство направлено на изъятие как следов совершения преступления, так и самого наркотика, который является неотъемлемой частью состава преступления.

При расследовании незаконного сбыта наркотических средств изъятие «тайников-закладок» с наркотиком в большинстве случаев происходит при производстве осмотра места происшествия на участке их раскладки «сбытчиком-закладчиком». Раскладка «тайников-закладок» осуществляется на открытой местности, доступной для всего населения, поскольку лица, приобретающие наркотические средства, могут не иметь доступа к какой-либо охраняемой территории и тем самым возможности приобретения оплаченного «товара».

При задержании «сбытчика» для последующего обнаружения всех разложенных им «тайников-закладок» подлежит изъятию и осмотру его сотовый телефон, в котором содержится необходимая информация, так как именно посредством использования данного технического средства преступник обменивается сведениями с соучастниками о местах раскладки им наркотических средств.

После установления точных мест «тайников-закладок» они подлежат изъятию путем проведения осмотра места происшествия, к участию в котором следует привлечь «сбытчика». Присутствие понятых в таком случае носит рекомендательный характер. В ходе производства осмотра места происшествия следователю рекомендуется задавать вопросы по факту

обнаружения «тайников-закладок» их непосредственному «закладчику» с комментариями последнего. Такой порядок проведения осмотра места происшествия может напомнить порядок проведения проверки показаний на месте.

Р. Ф. Белкин определяет осмотр места происшествия как неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события [1].

Таким образом, показания, данные преступником в ходе осмотра места происшествия, не подлежат фиксации в протоколе и не будут являться доказательством по уголовному делу, как при проверке показаний на месте, но, в свою очередь, они могут преобразоваться в доказательства путем производства допроса понятых на предмет порядка, хода и результатов следственного действия, а также других участников следственного действия в целях подтверждения активного участия преступника в обнаружении наркотических средств и дачи им по этому поводу пояснений.

Ввиду того что место обнаружения и изъятия «тайников-закладок» с наркотическим средством в ходе расследования установлено осмотром места происшествия, требуется установить место приобретения преступником оптовой партии наркотика, которое неустановленное лицо, являющееся соучастником задержанного преступника, оставило для «рядового сбытчика».

Поскольку в данном месте уже нет наркотического средства и его установление не связано с производством обнаружения и изъятия наркотиков, то для выполнения поставленной задачи необходимо производство проверки показаний на месте. Кроме того, информация о месте оптовой закладки может быть уничтожена преступником к моменту его задержания, что указывает на невозможность проведения на этом месте осмотра, и единственным источником знания об этом месте является «закладчик».

Сущность проверки показаний на месте, как отмечает Р. С. Белкин, заключается в демонстрации лицом, правдивость показаний которого проверяется, определенного места, связанного с событием преступления; рассказе о совершенных на нем действиях; анализе указанного места и сопоставлении данных, сообщенных лицом, с объективной обстановкой на месте и иногда воспроизводстве некоторых действий [1]. Необходимо отметить, что осуществить это следственное действие можно лишь тогда,

когда допрошенное ранее лицо само высказало желание о его проведении либо не возражает против его проведения. Поскольку производству проверки показаний на месте предшествует проведение допроса, то следователь имеет представление, насколько преступник помнит место, где он забрал оптовую партию наркотика, что позволяет принять решение о проведении (непроведении) проверки показаний на месте.

Торговля наркотиками, являясь в настоящее время одним из наиболее организованных видов преступной деятельности, усложняет работу правоохранительных органов, в том числе и при проведении проверки показаний на месте, так как часто преступники стараются оставлять «тайники-закладки» за чертой города, в лесных массивах и им трудно указать место, где именно они оставили наркотическое средство, таким образом затрудняется проверка показаний на месте.

На подготовительном этапе проверки показаний на месте при определении круга участников надлежит обеспечить присутствие специалиста-кинолога со служебной собакой, а также подготовить необходимые средства, направленные на обнаружение, изъятие и упаковку наркотических средств, так как на месте проверки показаний могут находиться другие оптовые партии наркотиков.

Итак, нами были выделены некоторые тактические особенности таких следственных действий, как осмотр места происшествия и проверка показаний на месте, при расследовании незаконного сбыта наркотических средств и предложены тактические рекомендации, направленные на оптимизацию качества производства указанных следственных действий.

Список источников

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика. М., 2002.

Д. Е. Кульчиков, В. И. Алескеров, Е. В. Маркелова Обследование помещений, ограничивающее конституционное право граждан на неприкосновенность жилища: сравнительно-правовая характеристика и критерии унификации понятий «жилище» и «жилое помещение»

Обследование помещений, ограничивающее конституционное право на неприкосновенность жилища, является одним из важнейших опера-

тивно-розыскных мероприятий, позволяющих должностным лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнять задачи по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию тяжких или особо тяжких преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее — Закон об ОРД) закрепляет право должностных лиц органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, в гласной и негласной форме проводить оперативно-розыскное мероприятие «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (п. 8 ч. 1 ст. 6, п. 1 ч. 1 ст. 15). При проведении данного оперативно-розыскного мероприятия на основании судебного решения допускается ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Основанием для решения судьей вопроса о проведении вышеуказанного оперативно-розыскного мероприятия является мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, перечень категорий которых устанавливается ведомственными нормативными актами [2].

Следует отметить, что в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, допускается проведение обследования помещений, ограничивающего конституционное право на неприкосновенность жилища, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. При этом орган, который проводит данное оперативно-розыскное мероприятие, в течение 48 часов с момента его начала обязан получить судебное решение о его проведении либо прекратить проведение (ст. 8 Закона об ОРД).

В наименовании оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» используется понятие «помещение», которое не в полной мере охватывает содержание специальных условий его проведения при ограничении конституционных прав на неприкосновенность жилища.

Так, в Законе об ОРД отсутствуют понятие и классификация помещений, их правовая характеристика содержится в Жилищном кодексе Российской Федерации (далее — ЖК РФ), исходя из системного анализа которого в зависимости от целей использования помещения можно разделить на жилые и нежилые.

В соответствии со ст. 15 ЖК РФ под жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства). Жилые помещения делятся на следующие виды: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната (ст. 16 ЖК РФ).

Использование в содержании ст. 25 Конституции Российской Федерации понятия «жилище», а не «жилое помещение» при гарантировании права на его неприкосновенность и специальных условий его ограничения, установленного в ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД, вполне обосновано, что объясняется следующим.

При сравнении понятий «жилище» и «жилое помещение» следует отметить, что в Законе об ОРД термин «жилище» встречается в ч. 1 ст. 5, ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 9, а термин «жилое помещение» указывается только в п. 3 ч. 1 ст. 15, причем их значение не раскрывается.

Понятие «жилище» содержится в п. 10 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), согласно которому под жилищем понимается индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания. Похожее определение жилища дается в примечании к ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), где, в отличие от УПК РФ, используются критерии «пригодности» для постоянного или временного проживания и «предназначенности» для временного проживания помещений или строений, не входящих в жилищный фонд.

В научной литературе встречаются различные мнения о понятии «жилище». Так, Ч. М. Исмаилов считает, что под «жилищем следует пони-

мать его содержание, предусмотренное в п. 10 ст. 5 УПК РФ» [3, с. 46]. Иной точки зрения придерживается Н. С. Железняк: «В ситуации оперативно-розыскного проникновения в жилище приоритетным должно выступать предписание примечания к статье 139 УК РФ» [4, с. 14].

По нашему мнению, отнесение помещений к числу «жилых», не входящих в жилищный фонд, предназначенных, но не используемых и, наоборот, используемых, но не предназначенных для временного проживания, представляется не вполне обоснованным. Это подтверждается тем, что гражданин может установить кровать в садовом домике, после чего сослаться на использование этого помещения для временного проживания, но фактически в нем не проживая.

Неясности и неточности в понятии «жилище», содержащиеся в статьях УПК РФ и УК РФ, привели к противоречиям в судебной практике.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 25 декабря 2018 г. № 46, разъясняя содержание понятия «жилище», указал на недопустимость квалификации незаконного проникновения, в частности, в помещения, строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баню, гараж и т. п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания, и в помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюту судна и т. п.) [5]. При этом иной правовой подход изложен Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48, согласно которому в качестве «жилого помещения» не могут рассматриваться объекты, не являющиеся недвижимым имуществом: палатки, автоприцепы, дома на колесах, строительные бытовки, иные помещения, строения и сооружения, не входящие в жилищный фонд [6].

Полагаем, что для устранения неточностей и неясностей при отнесении помещений, не входящих в жилищный фонд, к «жилым», критерий «предназначение» следует применять в совокупности с «использованием» для временного проживания, что позволит в полной мере обеспечить гарантии прав на неприкосновенность жилища.

Сравнительный анализ понятий «жилое помещение» и «жилище» показал, что содержание последнего шире, так как включает иные помещения или строения, не входящие в жилищный фонд, но используемые (предназначенные) для временного проживания.

Таким образом, в целях исключения неточностей правового регулирования наименования оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренного п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД, с учетом специальных условий

его проведения при ограничении права на неприкосновенность жилища следует изложить в новой редакции: «Обследование жилища, нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Список источников

1. *Федеральный закон* от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

2. *Приказ* МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность».

3. *Исмаилов Ч. М.* Проблемы обеспечения судебного контроля при ограничении прав на неприкосновенность жилища: технология распознавания и преодоления (применительно к розыску безвестно исчезнувших лиц) // *Российский следователь*. 2017. № 2.

4. *Железняк Н. С.* Жилище как объект оперативно-розыскной деятельности (сравнительно-правовой анализ) // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2017. № 3(28).

5. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2019. № 2.

6. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2018. № 2.

Т. В. Куряхова

Современные тенденции развития практики по уголовным делам, возвращенным судами в порядке статьи 237 УПК РФ

Отрицание российским законодателем права суда вернуть уголовное дело для производства дополнительного расследования выразилось в введении новой уголовно-процессуальной конструкции — возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ). Разработчики УПК РФ делали все, чтобы у органов расследования не было второго шанса на восполнение доказательственной базы по направленному в суд уголовному делу, поэтому в первой редакции ст. 237 УПК РФ оговаривались сугубо формальные нарушения, при выявлении которых суд возвращал уголовное дело прокурору, который должен был самостоятельно их устранить.

За годы действия УПК РФ перечень фактических ситуаций, выступающих импульсом для возвратного движения дела, вырос в 2,5 раза. Вместе с тем возвращение уголовного дела прокурору не превратилось в институт дополнительного расследования и не может использоваться судами для установления обстоятельств дела, а следователь, получив дело из суда, должен ограничиваться производством процессуальных действий, необходимых для устранения нарушения закона, не позволяющего суду рассмотреть уголовное дело. Однако такой вывод прокуратуры и следователи не разделяют. Органы преследования не считают себя связанными предписанием суда и убеждены, что запрет на восполнение неполноты произведенного расследования распространяется на судебную деятельность и не касается судьбы дела, поступившего в досудебное производство*. Получила распространение практика, когда следователи по возвращенным из суда делам осуществляют полномасштабное дополнительное расследование. Нередко повторно в суд направляются дела с усиленной квалификацией без прямого указания суда. Главной причиной такой ситуации является отсутствие надлежащего правового регулирования порядка исполнения постановления суда об устранении препятствий рассмотрения уголовного дела.

Так было не всегда. В первые годы действия УПК РФ законодатель ввел правила, ограничивающие объем полномочий следователя по возвращенному уголовному делу. Так, частями 4 и 5 ст. 237 УПК РФ запрещалось производство следственных действий и иных процессуальных действий под угрозой признания полученных доказательств недопустимыми. Своего рода ограничением являлся установленный частью 2 ст. 237 УПК РФ пятисуточный срок устранения нарушений. Но в 2003 г. Конституционный Суд РФ принял два решения, распространяющих применение ст. 237 УПК РФ на нарушения закона, устранение которых без производства следственных действий невозможно (постановления

---

* Показательно, что из 65 опрошенных в сентябре 2023 г. сотрудников следственных подразделений ОВД (Алтайский край, Омская, Новосибирская области) всего лишь 4,6% (3 чел.) ответили, что замена дополнительного расследования процедурой возвращения уголовного дела прокурору отразилась на процедуре производства по возвращенному из суда уголовному делу; 60,0% (39 чел.) считают деятельность по устранению нарушения закона дополнительным расследованием, у 35,4% (23 чел.) данный вопрос вызвал затруднения. Кроме того, 94,5% (62 чел.) указали, что следователь не связан содержанием постановления о возвращении уголовного дела прокурору, поэтому в целях всестороннего, полного и объективного расследования он вправе произвести любое следственное действие, не вытекающее из предписания суда.

от 4 марта 2003 г. № 2-П, от 18 декабря 2003 г. № 18-П), и признал неконституционным только что введенный запрет на производство следственных действий (постановление от 18 декабря 2003 г. № 18-П). Чуть позже Конституционный Суд РФ разъяснил, что правило пятидневного срока производства по возвращенному судом делу не должно распространяться на устранение существенных нарушений закона (определение от 2 февраля 2006 г. № 57-О).

Следуя правовым позициям высшего органа конституционного контроля, в 2008 г. законодатель полностью исключил чч. 2, 4 и 5 ст. 237 УПК РФ [1]. С этого момента досудебное производство по возвращенному делу на законодательном уровне утратило специфику. Ухудшило ситуацию введенное в 2013 г. частью 6¹ ст. 162 УПК РФ нормативное дозволение осуществлять производство по возвращенному делу фактически до истечения срока давности привлечения лица к уголовной ответственности. Этим объясняется игнорирование практиками запрета на продолжение изобличения обвиняемого, дело о котором вернулось из суда. Многие годы суды терпимо относились к расширению пределов производства по возвращенным делам и не акцентировали внимания на том, что повторно в суды поступали уголовные дела с обвинением, существенно отличающимся от обвинения, содержащегося в деле до его возвращения прокурору. В такой ситуации закономерен вывод о возрождении правоприменительной практики института дополнительного расследования [2, с. 36–43; 3, с. 28–35; 4, с. 82–88, и др.].

Однако еще раз оговоримся, что дозволение Конституционным Судом РФ производства следственных действий по возвращенному делу не означает восстановления дополнительного расследования. Основным отличительным качеством производства по делу, возвращенному прокурору, выступает цель такой деятельности — устранение препятствия, не позволяющего суду рассмотреть уголовное дело. В противовес дополнительному расследованию такое производство не направлено на всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела и привлечение всех причастных лиц к уголовной ответственности. Данная позиция отстаивалась нами более 15 лет в ходе научных конференций и на страницах юридических изданий, но редко поддерживалась практическими работниками. Однако за последний год появились решения кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, которые должны привести к кардинальному изменению практики производства по возвращенным делам, ее формированию в русле правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Первым стало решение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции об отмене приговора Советского районного суда г. Омска и последующих судебных решений на том основании, что по делу, возвращенному судом прокурору ввиду существенного нарушения закона, на основании полученных в ходе дополнительного производства материалов следователем изменена квалификация с п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ на ч. 4 данной статьи и дополнительно предъявлено обвинение по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Суд кассационной инстанции объяснил свое решение тем, что органы расследования не имели права изменить квалификацию содеянного, во-первых, без прямого указания суда и, во-вторых, по итогам дополнительного выяснения обстоятельств происшедшего [5]. Нам встретилось еще пять подобных решений судов апелляционной и кассационной инстанций, признающих незаконным целенаправленное восполнение следователями неполноты первоначально проведенного расследования. Приведем еще один пример. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции исключил из приговора Карагайского районного суда Пермского края ссылку на оглашенные в суде показания свидетеля, незаконно полученные следователем в период производства по делу, возвращенному судом для предъявления Я. уточненного обвинения [6].

Несмотря на отсутствие должного правового регулирования полномочий прокурора и органа расследования по делам, возвращенным из суда, анализ решений судов апелляционной и кассационной инстанций, в которых дается оценка производству дополнительного расследования по таким делам, говорит о наметившемся положительном сдвиге. Законодатель должен поддержать позитивную тенденцию введением обязательных параметров деятельности после поступления уголовного дела прокурору в целях устранения возникших препятствий для проведения судебного разбирательства и принятия итогового решения.

Список источников

1. *Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».*
2. *Белкин А. Р. Процессуальные тонкости стадии подготовки к судебному заседанию. III. Проведение предварительного слушания (продолжение) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3.*
3. *Колоколов Н. А. Долгожданный возврат к доследованию // Уголовный процесс. 2013. № 11.*
4. *Александров А. С., Лапатников М. В. Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на доследование // Уголовное право. 2013. № 6.*

5. *Кассационное* определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2023 г. № 77-487/2023. URL: <https://8kas.sudrf.ru> (дата обращения: 17.08.2023).

6. *Кассационное* определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2023 г. № 77-487/2023.

Д. С. Мерлаков

Производство неотложных следственных действий как способ нейтрализации противодействия расследованию

Возрастающее с каждым годом противодействие расследованию преступлений со стороны участников уголовного процесса заставляет субъектов, ведущих уголовное досудебное производство, применять комплекс уголовно-процессуальных и организационных мер, направленных на его нейтрализацию.

Анализ определений противодействия расследованию преступлений, сформулированных Р. С. Белкиным [1, с. 129], В. Н. Карагодиным [2, с. 241–252], А. Ф. Волынским [3, с. 47], приводит к выводу о том, что существуют четыре основных признака этого явления. Во-первых, противодействие расследованию преступлений — это всегда умышленная деятельность. Во-вторых, она выражается в действиях или бездействии субъектов противодействия. В-третьих, эта деятельность направлена на воспрепятствование достижению цели уголовного судопроизводства. В-четвертых, результатом такой деятельности выступает негативное воздействие на значимую для расследования информацию или ее источник. В большинстве случаев противодействие проявляется после совершенного преступления. В связи с этим от скорости реагирования на него со стороны правоохранительных органов зависит результат дальнейшего расследования.

Типичные способы нейтрализации противодействия расследованию преступлений — проведение следственных действий, применение в рамках их производства технических средств, осуществление тактических операций (в том числе оперативно-розыскных мероприятий).

Сказанное в полной мере реализуется в рамках уголовно-процессуальных отношений, возникающих при производстве неотложных следственных действий в порядке, закрепленном ст. 157 УПК РФ. Обратим внимание на то, что в последнее время к данному институту сложилось специфическое отношение со стороны как правопримените-

лей, так и ученых. Нередко в научных и учебных изданиях по уголовно-процессуальной и криминалистической тематике при рассмотрении вопросов, связанных с основаниями, порядком и организацией производства следственных действий, можно заметить использование терминов «неотложные следственные действия», «следственные действия, производимые на первоначальном этапе расследования» (первоначальные), «следственные действия, проводимые в случаях, не терпящих отлагательства». Ранее нами отмечалось, что встречается равнозначное толкование и применение обозначенных категорий, которые являются самостоятельными, подмена одного понятия другим может привести не только к допущению ошибок, но и к возможному ограничению правовых гарантий лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Правильное и уместное использование терминов способствует единообразному применению уголовно-процессуального закона [4, с. 319–322].

Остановимся на типичных проблемах, возникающих при реализации компетенции по производству неотложных следственных действий.

Как известно, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Оценка степени достаточности таких сведений в теории уголовного процесса носит дискуссионный характер. Полагаем, что, принимая решение о возбуждении уголовного дела, необходимо установить черты, свойства события, по которым оно распознается как общественно опасное и противоправное, установить наличие или отсутствие материально-правовых и процессуальных предпосылок для начала расследования дела. Результаты наших исследований показали, что объем проверочных действий выходит за пределы определения общественной опасности и противоправности деяния. На стадии возбуждения уголовного дела правоприменителем принимаются попытки разрешить задачи, присущие стадии предварительного расследования, такие как всестороннее полное и объективное исследование происшедшего, обнаружение и процессуальное закрепление доказательств для последующего их использования в ходе судебного разбирательства и др. Это негативно сказывается на сроках рассмотрения сообщения о преступлении, выражается в их продлении, чем ограничивается право потерпевшего на доступ к правосудию, обеспечение которого возложено на государственные органы, а также предоставляет возможность участникам уголовного судопроизводства использовать этот рычаг как способ противодействия дальнейшему расследованию.

Специфика института неотложных следственных действий, регламентированных ст. 157 УПК РФ, заключается в том, что по усмотрению

своего руководителя орган дознания принимает решение о возбуждении уголовного дела, которое отнесено к подсудственности следователей и по общему правилу расследовать которое он не компетентен. Целью принятия такого решения является реализация в короткий срок полномочий по производству неотложных следственных действий для предотвращения возможности утраты доказательств по делу, в том числе нейтрализации противодействия расследованию.

И. С. Дикарев справедливо указывает, что «производство органами дознания неотложных следственных действий — это вынужденное отступление от правил подсудственности, оправдываемое лишь тем, что промедление в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности способно оказаться препятствием для реализации назначения уголовно-судопроизводства» [5, с. 78].

Основным условием возбуждения уголовного дела органом дознания в рассматриваемой ситуации служит объективная невозможность принятия такого решения следователем, правомочным его расследовать. Соответственно, невозможность участия следователя в уголовно-процессуальной деятельности нельзя рассматривать как основание для того, чтобы не реагировать на факт совершенного преступления. Эффективность действий должностных лиц учитывается при определении разумного срока досудебного производства, а обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, предварительного следствия, не принимаются в качестве оснований для его превышения. Именно поэтому законодатель вменил в обязанность органам дознания начать уголовно-процессуальную деятельность: возбудить уголовное дело, провести неотложные следственные действия в срок, не превышающий 10 суток, а после этого передать уголовное дело руководителю следственного органа для организации производства предварительного следствия.

Однако реализация указанной деятельности органом дознания в порядке ст. 157 УПК РФ встречается крайне редко. Основная причина этого заключается в негласном ведомственном запрете, который продиктован неправильным пониманием требования надзирающего органа строго соблюдать правила подсудственности, установленные в ст. 151 УПК РФ. В указанной статье орган дознания не упоминается как субъект, наделенный подсудственностью, что в свою очередь вызывает неопределенность в реализации его полномочий, закрепленных в ст. 145 УПК РФ. Верным представляется мнение К. В. Муравьева о том, что находящиеся в наиболее выгодном положении для принятия эффективных мер по поступив-

шему сообщению о преступлении органы дознания оказались отстраненными от первоначальной процессуальной деятельности [6, с. 185].

В настоящее время орган дознания наделен правом осуществления процессуальных действий до возбуждения уголовного дела, таких как осмотр места происшествия, трупов, предметов и документов, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов, предметов, назначение и производство судебной экспертизы и др. Однако в некоторых ситуациях перечисленных процессуальных действий, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования следов преступления, недостаточно. Кроме того, пострадавшие от преступления физические или юридические лица наделяются соответствующими правами только после возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании их потерпевшими.

Таким образом, своевременная реализация положений ст. 157 УПК РФ органом дознания позволит предотвратить возможность утраты доказательств по делу, исключить ограничение прав лиц на защиту от уголовно-правовых деяний, будет способствовать обеспечению доступа потерпевших к правосудию, а также является действенным уголовно-процессуальным способом нейтрализации противодействия расследованию.

Список источников

1. *Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования* / под ред. проф. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997.

2. *Карагодин В. Н.* Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4.

3. *Криминалистика* : учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

4. *Соколов А. Б., Мерлаков Д. С., Мазунин Я. М.* Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 4(83).

5. *Дикарев И. С.* Неотложные следственные действия: кризис уголовно-процессуального института // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2(65).

6. *Муравьев К. В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017.

И. А. Неупокоева, Л. С. Шеховцова

Теоретические и практические основы формирования криминалистической характеристики террористического акта

Преступления террористической направленности являются формой преступного посягательства не только на общественную безопасность отдельного государства, но и на национальную безопасность мирового сообщества в целом. Нашему государству эти преступления известны давно. Понятие «террористический акт» впервые было введено в уголовное законодательство РСФСР (ст. 64 УК РСФСР) еще в 1922 г. [1, с. 39]. Тогда террористические акты совершались против отдельных высокопоставленных государственных лиц, губернаторов или министров, которые объявлялись террористами виновниками народных страданий. Современный терроризм характеризуется идеологией «коллективной вины» и направлен на убийство невинных людей [2, с. 9].

После включения данного состава в уголовное законодательство началось формирование методики его расследования. На современном этапе существующая методика расследования террористического акта является актуальной и отражает в значительной мере все характеристики и детерминанты его совершения. Однако отдельные ее элементы требуют доработки, прежде всего в части расширения содержания криминалистической характеристики террористического акта, конкретизации тактических рекомендаций по проведению следственных действий, вариативности построения алгоритмов расследования, прямого указания на применение специальных технико-криминалистических и специальных средств и др.

В данной статье мы рассмотрим необходимость определения отдельных элементов криминалистической характеристики террористического акта с учетом способа, обстановки, вида его совершения.

Отметим, что существующий подход к содержанию криминалистической характеристики террористического акта не отражает объективную потребность в целях методики его расследования, не учитывает все его характеристики. Совершение террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ, представляет собой реализацию различных преступных действий экстремистских и террористических организаций и проявляется в экспансивном вовлечении отдельных социально-демографических групп без учета их национальности, этноса, вероисповедания и места проживания. В современном обществе пропаганда

преступниками идеологии терроризма порождает систему взглядов, которые оправдывают насилие, в том числе и убийства, насаждает превосходство одной веры над другой, нации или народа над другими. Этим самым скрывают истинные цели совершения террористического акта. Как правило, идеология терроризма обосновывает, оправдывает преступные цели [3, с. 58]. Подтверждает вышесказанное статистика национального антитеррористического комитета Российской Федерации. Так, за 6 месяцев 2023 г. было пресечено 72 преступления террористической направленности на стадии приготовления и покушения, что на 71,4% больше, чем за аналогичный период 2022 г. Прежде всего это были действия по подготовке к теракту, захват заложников, публичные призывы к осуществлению террористического акта [4].

Методика расследования террористического акта имеет свою специфику, которая определяется разнообразием способов и средств совершения террористического акта; наступившими тяжелыми последствиями; насыщенностью и многообразием следовой характеристики; многоуровневой системой взаимодействия различных силовых служб и ведомств, характеристикой наступивших последствий и т. д. Методика расследования террористического акта будет результативной только при условии изучения структуры криминалистической характеристики данного преступления. Единый подход к определению элементов криминалистической характеристики террористического акта в криминалистике на сегодняшнем этапе отсутствует. Это объясняется вышеобозначенными особенностями самого явления терроризма и связанными с ним террористическими действиями. На формирование криминалистической характеристики террористического акта влияют нормы уголовного права, которое рассматривает террористический акт как частный случай терроризма, выражающийся в практических конкретных действиях и в способах его совершения (взрыв, поджог и т. д.) [5, с. 613].

Проанализировав мнения ученых [6–10] и практических работников, выделим следующие элементы криминалистической характеристики террористического акта:

- 1) предмет и объект преступления;
- 2) способ совершения преступления (подготовка, совершение и сокрытие);
- 3) орудие преступления;
- 4) цель и мотив совершения преступления;
- 5) механизм совершения преступления (как динамическая система действий террориста, самодетерминация);

- 6) механизм слеодообразования (совокупность специфических следов преступления);
- 7) обстановка совершения преступления;
- 8) характер наступивших преступных последствий;
- 9) личностные, поведенческие и другие особенности субъекта преступления и их жертв.

Считаем необходимым дополнить данный перечень элементом «идеология терроризма»* [11, с. 12], которая выражается в совершении определенного вида террористического акта, так как установление цели и мотива является недостаточным при расследовании данных преступлений и не позволит следователю построить полный алгоритм расследования террористического акта, выдвинуть и проверить все следственные версии и установить все значимые обстоятельства.

Представленная криминалистическая характеристика не может претендовать на абсолютно сформированное мнение, а является ситуационной формой и типовой моделью к конкретному преступлению. Нами выделены те категории, которые в первую очередь оказывают влияние на качественное расследование террористического акта и в конечном счете положительно влияют на раскрытие преступления. Структура криминалистической характеристики террористического акта будет формироваться в отношении вида или группы преступлений в пределах вида (например, террористический акт, совершенный террористом-смертником; террористический акт, совершенный с применением взрывного устройства или взрывчатого вещества; террористический акт, связанный с удержанием заложников; и т. д.). Исходя из этого, информационная составляющая каждого элемента криминалистической характеристики должна быть разной по объему и содержанию, а общие признаки будут постоянными и типизированными. Особенность формирования криминалистической характеристики террористического акта — динамичное взаимодействие и постоянная взаимосвязь всех ее элементов. Отталкиваясь от основных элементов криминалистической характеристики, следователь определяет перечень дополнительных с учетом ситуации расследования. Так, обстановка совершения террористического акта позволяет определить способ его совершения, заключающийся в выборе средств совершения преступления, выявить идеологию совершения преступления с учетом личностных

---

* Идеология терроризма (террористическая идеология) — совокупность идей, концепций, верований, догматов, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности и направленных на мобилизацию людей для участия в этой деятельности.

характеристик террориста и т. д. Способ совершения террористического акта дает возможность полностью проанализировать объект воздействия; установить цель и мотив, характер поведения террориста, реально наступившие последствия, самодетерминацию преступления и т. д. Изучение личности террориста помогает следователю выработать направление, связанное с его криминалистическим профилированием, что позволит эффективно и полно создать его криминалистический портрет [12, с. 157].

Из вышесказанного следует вывод, что формирование криминалистической характеристики террористического акта предусматривает комплексный подход, заключающийся в изучении и синтезировании необходимых уголовно-правовых и криминалистических аспектов совершенного преступления в целях качественного его расследования.

Список источников

1. Мусаелян М. Ф. Историко-правовое развитие уголовного законодательства об ответственности за терроризм в России в XX веке // История государства и права. 2009. № 14.

2. Гусейнов А. А. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа : материалы круглого стола // Вопросы философии. 2005. № 6.

3. Акаев В. Х. Идеология терроризма: ключевые положения и современные меры противодействия // Вестник национального антитеррористического комитета. 2022. № 2(29).

4. Национальный антитеррористический комитет. URL: <https://www.pas.gov.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).

5. Осташев А. А. Терроризм в современном мире: понятие, виды, причины и уголовная ответственность за содеянное // E-Scio. 2021. № 4(55).

6. Башкатов И. В. Террористические организации — угроза международному сообществу (криминалистическая характеристика преступлений как типовая информационная модель) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 2.

7. Замалетдинов Ш. Р., Маметов И. Э. Криминалистические методы расследования терроризма. Криминалистическая характеристика террористических актов // Теория и практика современной науки. 2018. № 6(36).

8. Лебедев М. В. Национальная безопасность как основной объект преступлений террористической направленности // Российский следователь. 2021. № 1.

9. *Мальшева А. А.* Криминалистическая характеристика террористического акта // Бюллетень инновационных технологий. 2018.

10. *Смагин С. В.* Особенности личности субъектов, совершающих преступления экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2020. № 3.

11. *Словарь* основных терминов и понятий в области противодействия терроризму / под общ. ред. И. Г. Сироткина. М., 2022.

12. *Криминалистическое* изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин и др. М., 2016.

А. Е. Никитина

Допустимость использования результатов полиграфа в процессе раскрытия и расследования преступлений

В последнее десятилетие для борьбы с преступностью правоохранительные органы чаще стали обращаться к использованию нетрадиционных методов раскрытия и расследования преступлений, к числу которых относится полиграф. В научных кругах и среди правоохранительных органов одним из обсуждаемых вопросов является возможность использования полиграфа в процессе раскрытия и расследования преступлений [1, с. 61].

Применение полиграфа в процессе доказывания, как правило, осуществляется в нескольких направлениях: 1) психофизиологическое исследование в отношении лица (п. 19 приказа МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»); 2) опрос лица с применением технических средств (ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»); 3) допрос с применением технических средств.

В научной литературе встречается точка зрения о том, что «допрос на полиграфе является судебно-психофизиологической экспертизой» [2, с. 83]. Сложно согласиться с данным суждением, поскольку назначение судебно-психофизиологического исследования (экспертизы) в отношении лица с применением полиграфа и допрос с применением полиграфа представляют два самостоятельных способа получения криминалистически значимой информации. Они отличаются целями,

задачами, субъектами проведения, процессом производства, процессуальным оформлением и т. д. В первом случае в соответствии со ст. 74 УПК РФ допускается такой вид доказательств, как заключение и показания специалиста, во втором — иные документы, в третьем — протокол следственных судебных действий. Между тем анализ специальной литературы и судебной практики позволяет прийти к выводу о неоднозначной оценке судом результатов исследования на полиграфе при решении вопроса о виновности лица.

Ученые разделились во мнениях относительно допустимости применения полиграфа в процессе расследования преступлений. Сторонники возможности использования полиграфа в качестве доказательства по уголовному делу (А. Н. Халиков, Ю. И. Холодный, Н. Ю. Жигалов, М. А. Глухова и др.) придерживаются позиции, согласно которой эксплуатирование полиграфа в уголовном процессе позволяет проверить версии относительно причастности лиц, к совершению преступления, места, времени совершения преступления, а также получить достоверные показания, исключить самооговор и пр. Применение полиграфа основывается на добровольных началах, поэтому А. Забейда считает, что отказ лица от психофизиологического исследования может косвенно указать на его виновность, поскольку «человек, которому нечего скрывать и который не давал ложных показаний, не отказывается от проверки на детекторе лжи» [3].

Противники использования полиграфа в процессе расследования преступлений (С. А. Роганов, О. В. Дамаскин, С. В. Полубинская, В. С. Шадрин и др.) полагают, что невозможно однозначно и категорично толковать результаты исследования с помощью данного технического устройства.

Д. В. Кияйкин и А. В. Каров указывают, что достоверность полиграфических данных зависит от специалиста, проводившего исследование, и от степени его профессионализма [4, с. 123].

Судебная практика также неоднозначно решает вопрос о допустимости признания доказательств, полученных с применением полиграфа.

В приговоре Муромского городского суда Владимирской области от 6 апреля 2015 г. № 1-7/2015 виновность подсудимого подтверждается справкой о результатах использования полиграфа, в которой отражен факт дачи правдивых показаний [5].

В определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2020 г. по делу № 77-1323/2020 психофизиологическое исследование было признано недопустимым, а также указано на то, что оно

не относится к числу предусмотренных в ст. 74 УПК РФ источников доказательств [6].

Анализ судебно-следственной практики позволяет заключить, что в большинстве случаев суды не доверяют результатам использования полиграфа в досудебном производстве. Для органов предварительного расследования такая информация носит ориентирующий характер, в судах — подобное доказательство чаще всего признается недопустимым в связи с тем, что такой вид исследования не предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством и не может расцениваться в качестве доказательства по уголовному делу.

Использование полиграфа в уголовном процессе — яркий пример совершенствования методов расследования при отсутствии развития нормативной правовой основы его применения, условий развития методик и требований, предъявляемых к субъектам, обладающим специальными знаниями по его применению. На наш взгляд, необходима разработка единообразного подхода к определению сущности оценки доказательств. Полагаем, целесообразно ставить вопрос о расширении ст. 74 УПК РФ и выделении рассматриваемых доказательств в качестве самостоятельного вида. Так, одним из перспективных шагов к возможному использованию полиграфа в процессе расследования могло бы стать издание ведомственного приказа, регламентирующего положения об использовании полиграфа при расследовании преступлений, утверждающего единую методику его применения.

Список источников

1. *Аллахвердиев А. М. О., Яворский М. А.* Применение полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений: за и против // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3(87).

2. *Абдулаева Д. Ш.* Особенности использования полиграфа в уголовном процессе России при допросе // Закон и право. 2019. № 3.

3. *Проверка на ложь: секреты полиграфа.* URL: <https://pravo.ru/review/view/140009> (дата обращения: 16.10.2023).

4. *Кияйкин Д. В., Каров А. В.* Историко-правовые аспекты применения и особенности использования полиграфа в современных условиях // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2019.

5. *Приговор* Муромского городского суда Владимирской области от 6 апреля 2015 г. № 1-7/2015. URL: https://sudact.ru/regular/doc/odGRbCTHwwga/?regular-txt=полиграф&regular-case_doc=&regular-

lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=Муромский++городской+суд+%28Владимирская+область%29&regular-judge=&_=1697449028416&snippet_pos=2544#snippet (дата обращения: 16.10.2023).

6. *Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2020 г. № 77-1323/2020.* URL: <https://pravo163.ru/opredelenie-chetvertogo-kassacionnogo-suda-obshhej-yurisdikcii-ot-05-08-2020-po-delu-77-1323-2020-psixofiziologicheskoe-issledovanie-proverka-na-poligrafe-nepredusmotreno-ugolovno-processualnym> (дата обращения: 16.10.2023).

М. К. Нуркаева

Понятие и сущность гражданского иска как способа обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением

В уголовном судопроизводстве одним из главных способов восстановления положения потерпевших лиц, существовавшего до совершения преступления, выступает гражданский иск о возмещении имущественного вреда и компенсации морального вреда.

Гражданский иск в уголовном деле — основанное на законе заявление лица, потерпевшего от преступного деяния, запрещенного уголовным законодательством, о возмещении причиненного имущественного, морального и физического вреда, которое может быть подано с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

Предметом гражданского иска в уголовном процессе является основанное на нормах гражданского права материально-правовое притязание (требование) лица, пострадавшего в результате преступления, или прокурора, защищающего интересы государства, к обвиняемому или лицу, несущему по закону имущественную ответственность за его действия, выраженное в уголовно-процессуальном иске и адресованное должностному лицу органа уголовного судопроизводства, в том числе на этапе досудебного производства, а также суду, уголовное дело которому подсудно [1, с. 397–398].

В уголовно-процессуальных отношениях гражданский иск имеет свою особенность — межотраслевой комплексный характер данного института, регулируемого Гражданским кодексом РФ и Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Пострадавший, заявив гражданский иск, имеет право на возмещение вреда, причиненного преступлением, одновременно с этим у компетентных органов уголовного судопроизводства и должностных лиц возникает обязанность по защите гражданских прав потерпевшего, также они принимают меры по возмещению вреда, применяя весь спектр уголовно-процессуальных средств и способов, решают вопрос о наличии вины лица, причинившего вред, и его наказании.

После заявления гражданского иска лицо получает статус гражданского истца, права и обязанности которого установлены в ст. 44 УПК РФ.

Гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства рассматривается вместе с уголовным делом. Считается, что совместное рассмотрение более эффективно и целесообразно, так как затрачивается меньше времени; не происходит двойного рассмотрения в судах одного и того же правонарушения; объективно и четко устанавливаются характер причиненного вреда, тяжесть преступления, мера наказания; государственная пошлина гражданским истцом не оплачивается.

Подача гражданского иска потерпевшим лицом либо гражданским истцом в рамках уголовного дела по большей части удобна и эффективна, потому что не создается необходимости участия в двух процессах, расходования средств на юридическую помощь; обязанность доказывания характера и размера вреда, обстоятельств дела лежит на должностных лицах, проводящих расследование; обеспечивается государственный интерес, так как снимается загруженность судов, происходит финансовая и процессуальная экономия.

Заявление гражданского иска в рамках уголовного дела позволяет применить все иные правовые способы и средства восстановления прав и интересов лиц, которым причинен вред, что свидетельствует о комплексности и универсальности данного института.

Исходя из того, что гражданский иск может быть предъявлен в период после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции (ч. 2 ст. 44 УПК РФ), в случае вынесения обвинительного вердикта в суде с участием присяжных заседателей гражданский иск может быть предъявлен до момента окончания исследования обстоятельств, отнесенных частью 3 ст. 347 УПК РФ к обсуждению последствий вердикта [2].

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствует понятие гражданского иска. В юридической литературе авторы дают различные определения гражданского иска, выделяя его признаки, анализ которых способствует пониманию значения института гражданского иска, выявлению особенностей и проблем.

По мнению Б. Т. Безлепкина, «гражданский иск — основанное на нормах материального права требование гражданина или юридического лица о возмещении имущественного вреда и денежной компенсации морального вреда, причиненного преступлением, предъявленное по уголовному делу к обвиняемому или к лицам, несущим по закону имущественную ответственность за действия обвиняемого» [3, с. 308].

С точки зрения Д. А. Иванова, гражданский иск — «законное требование лица, потерпевшего от преступления или уголовно наказуемого деяния, совершенного невменяемым, о возмещении причиненного имущественного, морального и физического вреда, явившихся последствием противоправных действий, которое может быть заявлено с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции» [4, с. 130].

В. Т. Нгуен определяет гражданский иск как «требование физического или юридического лица о возмещении вреда, причиненного непосредственно преступлением, запрещенным уголовным кодексом общественно опасным деянием или последствиями совершенного преступления, предъявленное по уголовному делу к обвиняемому или к лицу, несущему по закону имущественную ответственность за его действия, и определяющее совокупность процессуальных действий и решений, а также уголовно-процессуальные и иные правоотношения, направленные на возмещение причиненного имущественного вреда и компенсацию морального, физического вреда» [5, с. 135].

Институт гражданского иска в уголовном процессе имеет двойственную природу. Со стороны уголовно-правовых отношений предусмотрено производство уголовного дела; уголовно-процессуальная деятельность должностных лиц, которые устанавливают характер и размер вреда, а также имущество лица, причинившего вред, и накладывают на него арест. Со стороны гражданско-правовых отношений потерпевшее лицо имеет право на подачу гражданского иска в упрощенном уголовно-процессуальном порядке, при этом он уплату государственной пошлины не производит, т. е. действует правило диспозитивности.

Вместе с тем удовлетворение гражданского иска в уголовном судопроизводстве происходит, если доказаны: 1) совершение преступного деяния; 2) наличие причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями; 3) вина лица, причинившего вред.

Гражданский иск обычно предъявляется лицом, которому причинен вред преступлением, для того чтобы возместить такой вред, используя предоставленные права.

Анализ уголовных дел показал, что в 96% случаев гражданским истцом выступает потерпевший, который может заявить гражданский иск с момента возбуждения уголовного дела до рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

Согласно УПК РФ в определенных случаях гражданский иск может предъявлять законный представитель либо прокурор. Например, в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ при причинении преступлением смерти лицу потерпевшим по уголовному делу будет признан один из близких родственников или близких лиц, а если они отсутствуют либо по объективным причинам не могут принять участие в уголовном судопроизводстве, то один из родственников. Из этого следует, что потерпевшими и гражданскими истцами могут быть признаны и вышеуказанные лица.

Так, по уголовному делу № 11701800053000285, расследованному в Следственной части ГСУ МВД по Республике Башкортостан, потерпевшим был признан В. в лице А., в связи с тем что В. отсутствовал в месте, где проводилось расследование. Для допущения участия представителя в предварительном расследовании была предоставлена нотариально заверенная доверенность. В дальнейшем А., являясь законным представителем В., заявил гражданский иск в рамках уголовного дела [6].

Н. В. Уханова отмечает, что признание потерпевшего гражданским истцом и дальнейшее установление характера и размера вреда зависит от его воли на использование его права на заявление гражданского иска в уголовном процессе [7, с. 27–30].

Уголовно-процессуальный закон не обязывает должностных лиц, проводящих предварительное расследование, обеспечивать право потерпевшего на разъяснение прав по возмещению вреда, по способам его возмещения.

Анализ уголовных дел показывает, что гражданский иск заявляется не во всех случаях. Это отчасти объясняется тем, что следователи и дознаватели не разъясняют право потерпевшего на возмещение вреда и заявление гражданского иска. Поэтому необходимо дополнить ч. 2 ст. 42 УПК РФ пунктом 21², закрепляющим право потерпевшего на заявление гражданского иска о возмещении имущественного вреда, который причинен преступлением.

Лица, которым причинен вред преступлением опосредованно, не имеют права заявить гражданский иск, не могут быть признаны гражданскими истцами в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим большое количество лиц не могут восстановить свои права в рамках уго-

ловного судопроизводства. Например, это органы медицинского страхования; причинитель вреда, который возместил совместно причиненный вред; лицо, возместившее вред, причиненный иным лицом. Рассмотрение регрессных исков в рамках уголовного судопроизводства в таких случаях будет иметь наибольшую целесообразность.

Итак, гражданский иск — это основанное на законе требование о возмещении вреда, причиненного непосредственно преступными действиями виновного лица, запрещенными УК РФ. В состав института гражданского иска входят уголовно-процессуальные и гражданско-правовые отношения, что служит признаком ее комплексности. Целями заявления гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства выступают возмещение имущественного вреда, компенсация физического, морального вреда потерпевшему.

Список источников

1. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.

2. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»* // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 12.

3. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

4. *Иванов Д. А.* Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. М., 2018.

5. *Нгуен В. Т.* Возмещение вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве (сравнительно-правовое исследование по материалам Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

6. *Архив Ленинского районного суда г. Уфы за 2021 г.*

7. *Уханова Н. В.* Некоторые вопросы возмещения имущественного вреда при расследовании преступлений против здоровья органами внутренних дел // *Российский следователь*. 2016. № 22.

А. Н. Примаков

О современных возможностях судебно-лингвистической экспертизы

Определение наличия или отсутствия события словесно обозначенного общественно опасного деяния, его уголовно-правовых признаков и исходной квалификации при расследовании «языковых» и иных видов преступлений практически невозможно без проведения лингвистического исследования содержания текстового (информационного) элемента. Экспертный анализ содержательно-смысловой и формальной сторон речевого произведения в настоящее время выступает основным способом выявления словесных конструкций и языковых единиц, попадающих под признаки конкретного запрещенного деликта, а его результаты в абсолютном большинстве случаев — прямым доказательством по уголовному делу.

Изучение следственной практики и организации взаимодействия органов предварительного расследования с экспертными учреждениями при назначении и производстве судебно-лингвистических экспертиз (далее — СЛЭ) позволило сделать вывод о том, что, даже с учетом достаточно высокого уровня их межведомственной координации, в настоящее время существуют в своем роде типичные проблемы организационного характера, из-за которых часто усложняется процесс расследования того или иного предметного преступления, затягиваются его сроки, а иногда и вообще отсутствует объективная возможность его успешного завершения. Эти проблемы прежде всего возникают из-за пропуска следователем (лицом, производящим дознание) при назначении СЛЭ этапа предварительного консультирования и связаны, как правило, с подготовкой, сбором и предоставлением материалов для проведения экспертного исследования, особенно содержащих компьютерную информацию, с некорректным формулированием вопросов эксперту-лингвисту с интерпретацией и оценкой его результатов. В связи с этим в целях совершенствования современных форм организации взаимодействия субъектов расследования и разъяснения особенностей проведения данного вида экспертиз представляется полезным обозначить следующие положения и рекомендации.

Перед назначением СЛЭ следователю (лицу, производящему дознание) необходимо в обязательном порядке получить консультацию эксперта-лингвиста, поскольку данный вид экспертного исследования является достаточно сложным в системе технико-криминалистического и экспертного обеспечения расследования преступлений. Таким образом на данном этапе наиболее точно и полно можно будет определить объ-

екты, подлежащие исследованию, достаточно корректно сформулировать интересующие вопросы и тем самым в дальнейшем избежать приостановления производства экспертизы и продления сроков ее проведения. В случае отсутствия объективной возможности консультирования требуется направить в экспертное подразделение запрос о возможности проведения лингвистического исследования, ответ на который позволит оценить целесообразность его назначения.

При направлении материалов с текстовым элементом для проведения СЛЭ надлежит предоставлять эксперту электронный файл с фонограммой, зафиксированной на материальном носителе, исключающем возможность внесения в нее изменений (редактирования, удаления, добавления информации), протоколы следственных и иных процессуальных действий с дословным отражением языковых символов устного текста, подлежащего исследованию, и сведения о коммуникативной ситуации (публичное выступление, записи, размещенные в сети Интернет, и др.). Это позволит эксперту еще на подготовительном этапе проведения СЛЭ оценить достаточность объема предоставленного материала (возможность его сокращения или необходимость расширения контекста); выявить наличие речевых (смысловых) объектов, для интерпретации которых необходима дополнительная информация (например, о встречающихся в тексте именах, фамилиях, названиях и т. д.).

Кроме того, если фиксация и изъятие фонограммы осуществлялись не в рамках производства оперативно-розыскной деятельности, то дополнительно в целях установления принадлежности конкретному лицу языковых символов (реплик, высказываний) рекомендуется проводить идентификационную фоноскопическую экспертизу, результаты которой могут существенно повлиять и будут учитываться при проведении лингвистического исследования.

При фиксации и изъятии электронных текстовых (языковых) элементов в мессенджерах, социальных сетях и иных онлайн-, интернет-платформах необходимо обращать внимание на наличие «имени пользователя», «фотоизображений его профиля», «гипертекстовых ссылок», надписей «Просмотреть полностью...», «Развернуть», «Далее», поскольку в экспертной практике распространены случаи, когда на исследование предоставляются только фрагменты объемных текстов в бумажном виде, что обусловлено невнимательностью сотрудников органов уголовного преследования к элементам графического интерфейса того или иного интернет-ресурса. Для полноты результатов СЛЭ и возможности формирования объективного экспертного мнения при наличии в тексте гипер-

текстовых ссылок, которые не могут быть полно отражены и всесторонне изучены на бумажном носителе вне цифрового (сетевое) пространства, эксперту требуется обязательно предоставлять материалы с конечной ссылочной информацией.

Если возникла необходимость в исследовании текста, выполненного не на русском или белорусском языках, то его следует, прежде всего, оформить с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства, перевести на один из указанных языков и предоставить совместно с материалами для проведения СЛЭ текст-оригинал. Таким образом у эксперта на основе проведенного лингвистического анализа появится реальная возможность сформулировать категорические выводы о наличии либо отсутствии в его содержании искомых признаков. При этом нужно понимать, что в случае предоставления для исследования текста на иностранном языке без перевода эксперт не сможет дать по нему заключение, поскольку будет не в состоянии объективно понять, передать и интерпретировать его смысловое содержание. В этом отношении следует отметить тот факт, что действующее методическое обеспечение для проведения СЛЭ в экспертных учреждениях Республики Беларусь ограничено языковым барьером и разработано только для анализа текстов, содержащих русские и белорусские языковые символы.

Таким образом, современная методика производства СЛЭ и используемое техническое оснащение в Республике Беларусь позволяют проводить исследование текста, не только воспринимаемого визуально или аудитивно, включающего вербальные и невербальные компоненты, но и переводного (производного от исходного, переработанного, переведенного с иностранного языка). При этом не подлежат исследованию в рамках производства данной экспертизы по действующей методике тексты, произведенные непосредственно не их автором, связанные с отражением определенных событий расследуемого преступления (например, протоколы допросов подозреваемого, свидетелей и иных лиц) либо полученные в рамках производства следственных и иных процессуальных действий из записных книжек, заметок, содержащихся в компьютерных или мобильных устройствах, USB-флеш-накопителях, поскольку их смысловой признак точно не отражен и не реализован в конкретной коммуникативной ситуации.

А. Ю. Самойлов

Организация и тактика осмотра места происшествия при расследовании вымогательства

На первоначальном этапе расследования вымогательства для решения задач по установлению события преступления, лиц, его совершивших, и их задержанию необходимо определить круг достаточных следственных действий. На этом этапе эффективно производство такого следственного действия, как осмотр места происшествия.

Осмотр места происшествия — одно из сложных следственных действий, задачей которого является обнаружение следов преступления и других объектов, которые в дальнейшем могут быть признаны вещественными доказательствами, выяснение обстановки происшествия и иных обстоятельств, имеющих значение для дела [1, с. 226–229]. Осмотр места происшествия позволяет получить информацию о времени происшествия на основе анализа следов преступления и т. д. Осмотр помогает обнаружить следы, указывающие на способ и орудие, использованные при совершении преступления. По делам о вымогательстве местом происшествия может быть место предъявления вымогателями своих требований потерпевшему, место наблюдения за потерпевшим, место задержания вымогателя с поличным, место содержания полученного имущества либо похищенных людей, место предъявления потерпевшему требований, место, где находились сообщники вымогателей, осуществлявшие наблюдение за фактом передачи предмета вымогательства [2, с. 190–194].

При осмотре места предъявления требования основной целью выступает обнаружение и изъятие оставленных преступником следов, для того чтобы получить доказательство факта нахождения преступников в данном месте в какое-либо время.

На месте задержания с поличным вымогатели пытаются избавиться от полученного имущества или денег (осуществляют «сброс»). По этой причине при осмотре необходимо найти указанные предметы в целях обнаружения на них следов преступников для доказывания факта их прикосновения (следы пальцев рук, микрочастицы, запах, какие-либо подписи и иные пометки, частицы содержимого карманов преступников или их одежды и выделений).

Осмотр конкретных объектов местности и помещений зависит от сложившейся ситуации и дальнейшего хода расследования вымогательства. В случае если требования вымогателей еще не выполнены, то перед тем, как они получают желаемое имущество, необходимо осмотреть место, где они предъявляют свои требования, а также место, где предпо-

лагается передача имущества, чтобы изучить сложившуюся обстановку, установить технические средства контроля и организовать задержание. Если в ходе вымогательства было повреждено или уничтожено имущество, то надлежит осмотреть его и окружающую обстановку, чтобы найти следы преступления и закрепить их. Если преступники были задержаны на месте преступления или в процессе сопротивления, то осмотр производится на обоих местах, чтобы найти орудия и предметы преступления, которые они могли попытаться уничтожить. Возможны ситуации применения вымогателями технических средств при поиске, сборе и фиксации информации о будущей жертве, в том числе используемой для шантажа. Преступники для более успешного получения вымогаемого имущества и избежания задержания или наблюдения могут оборудовать тайники и различные механические конструкции [3, с. 107–111]. В перечисленных ситуациях осмотр производится по месту нахождения или предполагаемого нахождения вышеназванных технических средств в целях поиска следов преступников, установления причин и возможностей применения таких устройств.

Осмотр может проводиться для уяснения непосредственно следователем обстановки места происшествия и определения характера восприятия предъявленных угроз (на крыше здания, на краю пропасти, в лодке, в общественном месте и т. д.), предположения о существовании очевидцев, исходя из возможных мест наблюдения или иного способа получения информации о вымогательстве. Наряду с восприятием окружающей обстановки, также необходимо выявить и закрепить следы пребывания здесь различных лиц (следы рук, ног, транспортных средств, выделений человека, микрочастицы, оставленные вещи и иные предметы), с тем чтобы в дальнейшем указанные лица не могли отрицать своего присутствия. Часто вымогатели не оставляют каких-либо следов, пригодных для идентификации (следы пальцев рук либо отсутствуют, либо смазаны, либо зафиксировались частично). В криминалистической литературе широко разрабатывался вопрос об идентификации личности по составу потожирового вещества или по запаху с помощью биодетекторов [4, с. 136–139]. Однако некоторые авторы прямо отрицают такую возможность. В любом случае обе точки зрения не исключают возможности использования потожировых и запаховых следов в тактических приемах и диагностике, а также при задержании преступников по горячим следам.

При поступлении заявления о совершенном вымогательстве дежурный следователь, оценив сложившуюся ситуацию, при наличии к тому оснований совместно с оперативной группой выезжает на осмотр места

происшествия. В состав группы, кроме следователя и оперативных работников, необходимо обязательно включить эксперта-криминалиста и иных специалистов.

Более тщательный осмотр места происшествия позволяет уличить в самоговоре заявителя или в ложности данных им сведений. Это возможно путем выявления негативных обстоятельств (отсутствие следов преступника, когда они обязательно должны быть, и т. д.). Для выполнения требований нового процессуального законодательства, касающихся осмотра в жилых помещениях, необходимо заранее прогнозировать поведение лиц, проживающих в них. Заявитель, безусловно, не станет препятствовать осмотру и даст письменное согласие, чего не стоит ожидать от подозреваемого или потерпевшего, не желающего расследования совершенного в отношении него вымогательства. Такая проблема возникает, если о вымогательстве становится известно не от самих потерпевших либо установлено, что вымогательство совершено в жилом помещении, принадлежащем заинтересованным в сокрытии следов лицам. Иными словами, судебное разрешение в порядке ч. 5 ст. 177 УПК РФ будет необходимо, если получение согласия владельцев жилых помещений на осмотр сомнительно. В таких ситуациях следователь должен заранее получить разрешение суда на осмотр жилого помещения без предварительного предупреждения проживающих в нем лиц. Это позволит избежать уничтожения следов преступления, изменения обстановки и других негативных последствий. Необходимо соблюдать все остальные, предусмотренные законом положения, во избежание утраты доказательственного значения результатов осмотра. Качественный осмотр места происшествия и надежная фиксация его результатов во многом обеспечиваются использованием научно-технических средств.

При проверке первичных материалов о вымогательстве важно организовать эффективное и целенаправленное взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Это обусловлено необходимостью использования при проверке по данной категории дел комплекса научно-технических и специальных средств криминалистики в целях фиксации преступной деятельности. При применении указанных средств важно соблюдать права и законные интересы граждан, а также требования процессуального оформления их результатов в целях дальнейшего использования в качестве доказательств.

Таким образом, в ходе осмотра места происшествия при расследовании вымогательства целесообразно обращать внимание на так называемые

мые негативные обстоятельства и абсолютно любые фактические данные, которые противоречат обычному объяснению факта. Расследование вымогательства является сложным и ответственным процессом, требующим от следователей множества навыков и знаний. Организация и тактика осмотра места происшествия играют важную роль в успешном расследовании данного преступления. Важно помнить о необходимости комплексного подхода к расследованию, а также о соблюдении принципов законности и справедливости. Только при сотрудничестве всех участников процесса можно достичь желаемых результатов в борьбе с вымогательством. В целом расследование вымогательства требует от следователей высокой профессиональной подготовки, тактичности и психологической устойчивости. Однако благодаря правильной организации работы и комплексному подходу можно достичь успеха в борьбе с этим преступлением и защитить права и интересы граждан.

Список источников

1. Пинчук Л. В. К вопросу о понятии осмотра места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5.
2. Брылев В. И. Осмотр места происшествия по имущественным преступлениям // Общество и право. 2015. № 2(52).
3. Кумыков С. Х. Криминалистические аспекты осмотра места происшествия // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5.
4. Неупокоева И. А., Шеховцова Л. С., Кочерова Л. А. Осмотр места происшествия как информационная основа расследования преступления // Закон и право. 2018. № 6.

В. В. Солодовник

О позитивной процессуальной ответственности при применении упрощенных форм производства по уголовным делам

Процессуальные ошибки и нарушения, допускаемые при расследовании преступлений и последующем рассмотрении уголовных дел в суде всеми участниками уголовного процесса, являются негативным элементом уголовно-процессуальной деятельности, отрицать наличие которого невозможно. Процесс устранения этих нарушений и ошибок ведет к затягиванию расследования и рассмотрения уголовного дела, нарушению разумных сроков производства по делу, нарушению прав и законных ин-

тересов участников производства по делу и т. п. Таким образом, все перечисленные обстоятельства и их последствия должны быть полностью исключены или предельно минимизированы при применении упрощенных форм производства по уголовным делам (дознание в сокращенной форме, особый порядок судебного разбирательства и т. д.). Но если такая ситуация уже произошла, то ее следует своевременно исправить, что уже само по себе усложнит процесс производства по делу, а это, в свою очередь, противоречит идее упрощения производства. В связи с этим при применении упрощенных форм производства в качестве одного из существенных элементов уголовно-процессуальной деятельности нужно признать наличие позитивной процессуальной ответственности, которая должна выступать в качестве одного из средств обеспечения законности применения упрощенных форм производства по уголовным делам.

И. Н. Куксин и Ж. А. Николаева полагают, что «позитивная уголовно-процессуальная ответственность является подвидом юридической ответственности, которая, в свою очередь, выступает одним из видов такого обобщающего понятия, как социальная ответственность» [1, с. 127]. Мы полностью поддерживаем данную позицию и считаем необходимым конкретизировать то, чем отличаются позитивная и негативная виды процессуальной ответственности друг от друга.

Рассмотрим существующие точки зрения по этому вопросу. По мнению Е. В. Чукловой, «негативная юридическая ответственность вытекает из факта правонарушения и представляет собой обязанность правонарушителя претерпеть неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией нарушенной нормы, которые выражаются в осуждении и правоограничениях личного и (или) имущественного характера» [2, с. 31]. Разделяем данное суждение, потому что негативная процессуальная ответственность носит, как правило, ретроспективный характер и реализуется по обстоятельствам уже совершенного нарушения или допущенной ошибки. Как говорил И. В. Сталин, «у каждой ошибки есть имя, фамилия и должность» [3]. Это подразумевает, что лицо, допустившее какое-либо нарушение, должно нести процессуальную ответственность. В этом и проявляется вся негативная составляющая процессуальной ответственности. Применительно к упрощенным формам производства по делу можно привести пример проведения следователем некачественного расследования уголовного дела о преступлении, в совершении которого признался конкретный человек, заявивший в итоге ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, о чем было заранее известно следователю. Или случай, когда в результате рассмотрения дела в суде выдвига-

ется и подтверждается версия о самооговоре, которая не была проверена и опровергнута в рамках предварительного расследования. Или случай, когда судья, не выполнив условия рассмотрения дела в особом порядке, выносит обвинительный приговор по делу. Во всех трех перечисленных ситуациях налицо ошибки и недоработки в производстве по делу. Однако отметим, что не всегда в случае самооговора возможно его своевременно выявить, а невиновное лицо может быть осуждено. Данное обстоятельство никогда нельзя исключать. Поэтому должны быть обеспечены различные процессуальные гарантии, чтобы не оказаться в подобной ситуации. К таким гарантиям можно отнести: обязательное предоставление подозреваемому защитника; разъяснение прав участникам производства по делу; минимизацию категорий преступлений, по которым допустимо применение упрощенных форм производства, и т. д. Но не только процессуальные гарантии могут быть использованы в качестве инструментов применения упрощенных форм производства. Здесь следует отметить наличие определенной ответственности у должностного лица, которое принимает решение о рассмотрении дела в упрощенной форме.

О. А. Зеленина и Э. К. Кутуев справедливо выделили позитивную процессуальную ответственность в уголовном судопроизводстве из общей структуры ответственности [4; 5]. Разделяя мнение данных ученых, считаем, что позитивная процессуальная ответственность, в отличие от негативной, носит перспективный характер, который подразумевает процессуальную обязанность участников производства по делу действовать в соответствии с предписаниями правовых норм либо добросовестно использовать предоставленные права, т. е. вести себя правомерно. Применительно к упрощенным формам производства по делу укажем, что дознаватель, следователь, прокурор и судья должны в строгом соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом выполнить все условия применения упрощенной формы производства по делу, установить наличие или отсутствие оснований для ее применения, а сама процедура применения упрощенной формы производства должна быть осуществлена с четким соблюдением установленного процессуального порядка ее применения. В случае когда участник производства по делу допустит одно из перечисленных нарушений, позитивная процессуальная ответственность меняется, превращаясь в негативную, влекущую за собой определенные негативные последствия.

В связи с этим нельзя не согласиться с точкой зрения З. Ф. Ковриги, которая, исследуя проблемы уголовно-процессуальной ответствен-

ности, выделила «ответственность во временном плане: за прошлое, за действие уже совершенное, — ретроспективная сторона, за действие, предстоящее — перспективная сторона. Ретроспективная ответственность несет обычно негативное содержание — наказание за действие, которое имело социально вредные последствия. Перспективная же ответственность, исходящая из продуманности действий, имеет позитивный характер и является наиболее желательной формой ответственности» [6, с. 34].

Представляется, что именно позитивная процессуальная ответственность является одним из основных инструментов, необходимых для обеспечения законности при производстве по уголовному делу в упрощенной форме.

В свое время М. С. Строгович писал, что «юридическая ответственность есть, прежде всего, ответственное отношение человека к своим обязанностям, ответственность за правильное выполнение лицом возложенных на него законом обязанностей» [7, с. 73]. Полагаем, что данная точка зрения довольно точно отражает суть позитивной процессуальной ответственности, наличие которой крайне необходимо при применении упрощенных форм производства по уголовному делу. Как и ранее, в настоящее время данные слова звучат очень актуально, потому что сейчас с новым развитием технологий, трансформацией общественных отношений возникают новые требования к любой деятельности, в том числе и к уголовно-процессуальной. У должностных лиц, ее осуществляющих, имеется возможность выстроить свои действия таким образом, чтобы в рамках закона руководствоваться еще и своей совестью, наличие которой нужно воспитывать, пробуждая в каждом человеке чувство позитивной ответственности. При этом совесть и ответственность не сможет заменить никакой, даже самый жесткий контроль со стороны руководства и контрольно-надзорных органов.

Список источников

1. *Куксин И. Н., Николаева Ж. А.* Позитивная и негативная ответственность как виды юридической ответственности // Теория государства и права. 2021. № 2.
2. *Чуклова Е. В.* Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
3. *Самые известные высказывания И. В. Сталина.* URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26150.4/3039190/https://www.vologda.kp.ru/daily/26150.4/3039190/?ysclid=lor0uu8xru917164293> (дата обращения: 05.11.2023).

4. Зеленина О. А. О некоторых аспектах процессуальной ответственности участника уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2.

5. Кутуев Э. К. Тенденция развития института уголовно-процессуальной ответственности // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4.

6. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2.

7. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.

М. В. Сырецкий

Подготовка к допросу как способ преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок

Методика расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок, обладает рядом особенностей. Одной из них является необходимость получения и исследования значительного объема вербальной информации, носителями которой могут выступать, помимо участников и очевидцев дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП), работники транспортных предприятий, сотрудники организаций, занимающихся техническим обслуживанием транспортных средств, должностные лица, осуществляющие надзор за безопасностью дорожного движения, а также иные лица в зависимости от конкретно складывающейся ситуации. Информация, получаемая в ходе производства допроса, может относиться к происшествию непосредственно либо опосредованно, т. е. охватывать факты, оказавшие влияние на формирование причин и условий происшедшего события.

Другой особенностью выступает необходимость, помимо установления причастности конкретного водителя к ДТП, выявлять факты противоправности деяний «третьих» лиц, к которым следует отнести: организаторов пассажирских перевозок, лиц, ответственных за ремонт и выпуск транспортных средств на линию, а также за состояние водителей, вы-

ходящих в рейс. При наличии доказательств в действиях указанных лиц могут содержаться признаки составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 238, 266 УК РФ (в зависимости от категории субъекта). Данные преступления совершаются по неосторожности, и водители, как правило, не отрицают факт ДТП, но при этом могут пытаться опровергать сведения, указывающие на их виновность (например, выполнение маневра, ставшего причиной происшествия), отрицать обстоятельства, отягчающие наказание (нахождение в состоянии опьянения), скрывать нарушения в организации пассажирских перевозок со стороны администрации транспортного предприятия, т. е. оказывают противодействие расследованию.

Примерами могут служить уголовные дела в отношении Б. [1] и Т. [2]. В ходе предварительного следствия установлено, что Б., не состоя в трудовых отношениях с организатором пассажирских перевозок Т., управляя автобусом в состоянии наркотического опьянения, совершил столкновение со встречным автомобилем. В результате ДТП погибло пять человек. Отец Б., допрошенный в качестве свидетеля, показал, что состоит в трудовых отношениях с Т., работает у него водителем. Без согласования с Т. передал своему сыну Б. необходимые документы (путевой лист, бланк которого заполнил сам, расписавшись за медицинского работника и индивидуального предпринимателя Т.) и автобус, который в ночное время находился у него во дворе, а не на специально отведенной площадке. В ходе предварительного следствия Т. было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 238 УК РФ. Ему инкриминировали нарушение правил организации пассажирских перевозок вследствие отсутствия контроля с его стороны. По решению суда Т. освобожден от уголовной ответственности на основании ч. 2 ст. 76 УК РФ, ему назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В данном случае прослеживается связь между индивидуальным предпринимателем и его работником, который признается в нарушении трудового договора и должностной инструкции и даже заполнении путевой документации, но его деяния не относятся к преступным, так как он не является организатором пассажирских перевозок. Как следствие, действия индивидуального предпринимателя были квалифицированы лишь как «отсутствие контроля», что поспособствовало минимизации наказания.

Таким образом, субъектами противодействия расследованию могут выступать водители, виновные в ДТП, организаторы пассажирских перевозок, лица, ответственные за выпуск транспортных средств и водителей в рейс, а также те, кто связан с ними родственными, дружескими либо служебными отношениями.

Допрос как процессуальное средство получения показаний, являющихся наиболее распространенным источником доказательственной информации, выступает одним из наиболее актуальных и востребованных следственных действий [3, с. 130–134]. Как справедливо отметил А. В. Репин, эффективное проведение допроса невозможно без предварительной его подготовки [4, с. 107]. Качественная подготовка допроса способствует достижению его целей, позволит избежать возможных ошибок, связанных с выбором тактических приемов, не дающих возможности выяснить обстоятельства, подлежащие установлению, в полном объеме, а также предотвратить противодействие расследованию со стороны заинтересованных лиц.

В целях преодоления противодействия расследованию полагаем целесообразным на подготовительном этапе определить:

1) круг обстоятельств, подлежащих установлению. В целях установления предмета показаний необходимо изучить еще раз материалы уголовного дела (объяснения и показания иных участников процесса, протоколы иных следственных действий, заключения экспертов, ответы на запросы в различные организации), а также техническую документацию и нормативную базу, регулирующую организацию пассажирских перевозок;

2) место проведения следственного действия. В большинстве случаев допрос производится в кабинете следователя, но при нахождении допрашиваемого на стационарном лечении местом допроса становится помещение медицинского учреждения. При необходимости, если это окажет положительное влияние и в качестве тактического приема, направленного на восстановление в памяти происшедших событий, допрос может быть произведен на месте происшествия;

3) целесообразность привлечения дополнительных участников допроса, например специалиста для разъяснения вопросов технического характера. Это позволит избежать пробелов и неточностей в показаниях, что в свою очередь поспособствует преодолению противодействия расследованию;

4) последовательность допросов. При установлении очередности допроса полезно применять дифференцированный подход, который позволит также изучить личность допрашиваемого. А. А. Шаевич обратил внимание на объективную невозможность предварительного изучения личности допрашиваемого в случаях необходимости производства следственного действия безотлагательно, а также в силу загруженности субъектов расследования [5, с. 415–418].

Предлагаемый нами дифференцированный подход направлен и на предоставление возможности следователю сформировать мнение о допрашиваемом в ограниченный отрезок времени. Его суть состоит в том, чтобы всех лиц, которых предполагается допрашивать в рамках уголовного дела, необходимо отнести по каждому из выбранных критериев к той или иной группе, а именно:

1. По характеру сведений об обстоятельствах ДТП: а) приобретенные в результате визуального восприятия происшествия; б) полученные из иных источников (данными сведениями могут обладать работники транспортных предприятий, должностные лица надзорных организаций в сфере безопасности дорожного движения, лица, занимающиеся обслуживанием технических средств контроля, и др.).

2. По хронологии восприятия: а) владеющие информацией о событиях, происходивших непосредственно перед ДТП; б) наблюдавшие развитие и кульминацию ДТП; в) обладающие информацией о событиях, последовавших за происшествием.

3. По характеру связи с виновником ДТП: а) родственники; б) друзья, знакомые; в) сослуживцы; г) лица, у которых отсутствует какая-либо связь, например пассажиры.

4. По полноте и достоверности сведений: а) предоставляющие сведения, полностью соответствующие происшедшему событию, без искажения данных; б) искажающие факты. Причины искажения могут носить умышленный характер (при наличии заинтересованности, связи или зависимости от виновных) либо быть добросовестным заблуждением в силу ошибочного восприятия происшедшего, вызванного состоянием здоровья (плохое зрение, слух), незнанием требований ПДД. Помимо этого, на восприятие и формирование мнения может повлиять оценка ситуации третьими (сторонними) лицами.

5. По месту проживания: а) в населенном пункте, городе, где произошло ДТП; б) в пределах областного центра, района, области; в) за пределами региона, где произошло ДТП (подобных лиц необходимо допросить в первую очередь, пока они не покинули пределы региона).

Предложенный перечень мероприятий, осуществляемых на этапе подготовки к допросу, не является исчерпывающим. Могут быть проведены и другие действия, необходимость которых обуславливает складывающаяся следственная ситуация. Нами был рассмотрен вопрос подготовки к допросу в условиях возможного противодействия расследованию. Дифференциация допрашиваемых на подготовительном этапе следственного действия позволит следователю выбрать

наиболее эффективные тактику и последовательность их проведения. Благодаря этому он сможет, не затягивая процесс расследования, получить показания от лиц, допрос которых по прошествии времени будет затруднен в силу различных обстоятельств. Главной же целью дифференциации является разграничение субъектов допроса по качеству и достоверности предоставляемой ими доказательственной информации. Своевременное выделение тех, на кого может быть оказано воздействие со стороны заинтересованных лиц, позволит запланировать проведение следственных действий с их участием как можно быстрее. Достоверные и развернутые показания свидетелей (потерпевших) в дальнейшем могут быть использованы при применении тактического приема «предъявление доказательств» при допросе подозреваемого, отрицающего какие-либо действия, факты, события, доказывающие вину последнего.

Список источников

1. *Архив* Любинского районного суда Омской обл. Дело 1-82/2018.
2. *Архив* Куйбышевского районного суда г. Омска. Дело 1-250/2019.
3. *Варданыан А. В., Гончаров К. В.* Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // *Общество и право*. 2017. № 3(61).
4. *Репин А. В.* Подготовка к допросу как основа рефлексивного управления // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2008. № 2(2).
5. *Шаевич А. А.* Возможности изучения личности при подготовке и организации допроса // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXI междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016.*

А. Р. Сысенко, Н. А. Черемнова

Понятие оружия в уголовном праве и криминалистике

Определение оружия в криминалистике и уголовном праве является исходной базой для формулирования дефиниций различных его видов, в частности огнестрельного, огнестрельного оружия ограниченного поражения, понятия которых не должны выходить за рамки общего понятия оружия.

В Федеральном законе от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» под оружием понимаются «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов». Действительно, исторически сложилось так, что оружие конструктивно создавалось и развивалось для поражения определенных объектов материального мира, но не для подачи сигнала, который может рассматриваться лишь как сопутствующий фактор [1].

Если исходить из позиции законодателя, то, как справедливо замечает В. М. Плескачевский, к «„сигнальному оружию“ могут быть отнесены не только револьверы и пистолеты, но и свисток и даже крупный ключ с полым стержнем, с помощью которых можно издать свист» [2, с. 40]. Вполне очевидно, что данные устройства имеют иное, нежели поражение цели, конструктивное назначение, поэтому не должны определяться термином «оружие».

В Уголовном кодексе РФ квалифицирующий признак может охватывать как процесс применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, так и опасность для посторонних лиц, наступающую в результате его применения. Поэтому уже сам факт наличия оружия или его применение могут являться конструктивным признаком состава преступления.

Однако некоторые статьи Уголовного кодекса РФ (ст. ст. 208, 209, 279, 356, 205¹) все же добавляют еще один признак оружия — его «использование в вооруженном формировании». Уголовное законодательство не перечисляет виды такого оружия, но в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» перечисляются обязательные признаки банды, предусмотренные ст. 209 УК РФ, ее вооруженность, предполагающая у участников банды наличие огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия.

В то же время с новейшими техническими возможностями появляются новые виды оружия, модернизируется существующее, которое может быть в результате не охвачено сформулированным его предметом.

В связи с этим мы должны поддержать авторов в том, что с отнесением к оружию посторонних предметов теряется четкость дефиниции, размывается его предмет [3, с. 15].

Так, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под оружием понимается «всякое средство, технически пригод-

ное для нападения или защиты, а также совокупность таких средств» [4, с. 451].

В криминалистике в научную разработку понятия оружия наиболее заметный вклад внес В. М. Плескачевский, который определяет оружие как «материальное средство индивидуального применения, конструктивно и функционально предназначенное для нанесения летальных повреждений человеку или животному, а также специального разрушения преград» [2, с. 323]. Спорным в этой дефиниции является ограничение поражающего действия оружия летальным исходом. В рамках совершения преступления оружие используется и как средство совершения преступления, и как предмет преступления. Достаточно нанести такое телесное повреждение человеку, которое лишит его ориентации в окружающей обстановке лишь на время, достаточное для достижения цели (нападения или обороны) [5, с. 438].

Таким образом, в установлении четкой, конкретной величины минимальной степени поражающей способности в понятии оружия нет необходимости. Минимальная величина способности поражения может быть определена лишь в самом общем виде и обязательно должна соотноситься со способностью причинения вреда здоровью. При этом степень тяжести вреда здоровью должна быть такой, чтобы обеспечивалось достижение целей нападения или активной защиты.

Список источников

1. Семенов А. В. Поражение как признак отнесения объектов к категории оружия // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй всерос. «круглый стол», 20–21 июня 2002 года : сб. мат-лов. Ростов н/Д, 2002.
2. Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М., 1999.
3. Скворцов С. М., Шелковникова Е. Д. Федеральный закон «Об оружии» : комментарий / под ред. В. Я. Кикотя. М., 2001.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
5. Ручкин В. А. Эволюция ручного оружия : учеб. пособие. Волгоград, 2001.

Е. А. Тюлеева

Преступная группа лиц, совершающих мошенничество в сфере кредитования физических лиц

Деятельность оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел по раскрытию, расследованию преступлений вообще и мошенничеств в сфере кредитования, совершенных преступными группами, в частности во многом зависит от исходной информации, позволяющей наметить и осуществить действенные меры в отношении лиц, готовящих, совершивших и совершающих данные преступления. Такая информация носит закономерный характер и представляет собой совокупность устойчивых и типичных сведений, в отношении которых вполне применимо понятие «характеристика преступлений». В криминалистике таким элементом является криминалистическая характеристика видовых преступлений. Мошенничество в сфере кредитования физических лиц существует непродолжительное время, но уже сформировались достаточно эффективные рекомендации по расследованию таких преступлений. В рамках проведенного нами исследования по данной тематике* были выявлены определенные закономерности в получении сведений о таком элементе криминалистической характеристики, как состав преступной группы, и ее характеристике.

Изучение практики противодействия преступным группам, совершающим мошенничества в сфере кредитования физических лиц, позволяет сделать вывод, что среди отличительных свойств рассматриваемых групп ключевое место занимает ее структура, тесно связанная с личностью преступника (ее участников), а также способом совершения мошеннических действий.

Такое положение обусловлено многообразием способов совершения рассматриваемых мошенничеств, различием в составе участников преступной группы, распределением их ролей, разнообразием действий, направленных на достижение преступного умысла. Так, функции организатора преступной группы в корне могут отличаться от задач исполнителя, лиц, обеспечивающих информационное, документальное и техническое сопровождение мошеннических операций, оказывающих консультативную помощь, обеспечивающих маскировку преступлений, противодействие сотрудникам правоохранительных органов и работникам банковской сферы и т. д.

---

* Изучение практики расследования мошенничеств в сфере кредитования физических лиц проводилось автором в рамках подготовки диссертационного исследования по данной теме на протяжении 2010–2023 гг.

Состав участников преступных групп напрямую зависит от необходимости их привлечения, исходя из способов совершения преступлений. Например, в определенных случаях мошенничество может совершаться группой соисполнителей самостоятельно, без привлечения представителей банковской сферы; в других ситуациях без их помощи реализовать преступный умысел не представляется возможным. Некоторые мошенничества «завязаны» на фальсификации документов заемщика и (или) «чистку» его кредитной истории, поэтому в преступную группу требуется включать лиц, обеспечивающих решение данных вопросов; при совершении преступлений иными способами в их привлечении нет необходимости и т. д.

Под преступной группой нами понимается группа, выступающая единым субъектом преступной деятельности, объединенная на основе совместной антиобщественной противоправной деятельности ее участников, стремящаяся к достижению общих преступных целей. Тем самым представляется обоснованным выявление видов, способов формирования и структуры преступных групп мошенников, совершающих преступления в сфере кредитования физических лиц, как наиболее значимых элементов их характеристик.

В соответствии со ст. 35 УК РФ при совершении мошенничества преступными группами под видом оформления потребительского кредита на физическое лицо может быть выделено два вида соучастия: а) группа лиц по предварительному сговору и б) организованная группа.

Мошенничество признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Предварительный сговор на совершение мошенничества предполагает наличие договоренности в любой форме (устной, письменной или конклюдентной) до начала выполнения объективной стороны преступления.

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ организованной является устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Соответственно, можно выделить следующие объективные признаки этого вида соучастия: участие в преступлении двух или более лиц; их совместная деятельность, направленная на достижение преступного умысла; устойчивость связей между ними.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что среди преступных групп, совершающих мошенничества в сфере кредитования физических лиц, в процентном соотношении группы лиц, осуществляющие указанные преступления по предварительному

сговору (далее — ГЛПС), превалируют над организованными преступными группами (далее — ОПГ).

Анализ решений по итогам расследования мошенничеств, совершаемых организованной группой, показывает, что следователям не всегда удается достаточно четко обосновать свою позицию относительно степени организованности группы и ее признаков, подкрепить доказательствами свою уверенность. Как следствие такого положения, достаточно часто в ходе судебного заседания действия мошенников в составе организованной группы не находят подтверждения, и их деяния переqualифицируются на иные формы соучастия в преступлении в сторону уменьшения общественной опасности и степени организованности. Так, 67% опрошенных нами подтвердили возможное развитие ситуации на стадии судебного разбирательства по уголовным делам рассматриваемой категории по аналогии. Иными словами, при получении информации об исполнителях необходимо брать в расчет то, что фактически преступление могло быть совершено в составе организованной преступной группы, а следовательно, необходимо также устанавливать организатора и иных участников, а не ограничиваться проведением мероприятий, направленных на доказывание вины уже установленных к моменту возбуждения уголовного дела лиц.

Исследование позволяет выделить основные структурные элементы ГЛПС, совершающей мошенничества в сфере кредитования физических лиц: наличие организатора, пособника и исполнителя преступления. Изучение уголовных дел позволяет заключить, что лишь в 7% случаев такие преступники воспрепятствовали проведению расследования уголовного дела путем отказа от дачи правдивых показаний, сокрытия следов преступной деятельности, уклонения от явок в правоохранительные органы.

Результаты исследования позволяют резюмировать, что ГЛПС в составе 2 человек совершалось около 73% мошенничеств в сфере кредитования физических лиц, из них почти в 72% случаев преступники совершили одно преступление, из которых в 61% уголовных дел в качестве подозреваемого (обвиняемого) фигурировал один человек, как правило, им являлось лицо, которое непосредственно обращалось в кредитную организацию (на имя которого оформлялся кредит либо которое представляло подложные документы), а второй преступник оставался следствию неизвестным. Примерно в 14% случаев группами из 2 человек совершено 2 преступления, и столько же в процентном соотношении групп с данным количеством участников совершили более двух эпизодов мошеннических действий. В отличие от ГЛПС, ОПГ пред-

ставляет собой наиболее совершенную и опасную форму преступного объединения.

Изучение обвинительных заключений и приговоров судов по делам рассматриваемой категории позволяет констатировать, что ОПГ мошенников, совершающих преступления в сфере кредитования физических лиц, характеризуются:

— организованностью, выражающейся в наличии лидера; распределением ролей среди ее участников; планированием преступлений; наличием правил поведения и внутренней дисциплины; соблюдением членами организованной преступной группы мер конспирации и сокрытия следов преступления, а именно использование подложных документов, мобильных телефонов и sim-карт, иного компьютерного оборудования, не имеющих «привязки» к их персональным данным; иерархией внутри группы; согласованностью действий соучастников; осведомленностью членов организованной преступной группы о действиях других соучастников; технической оснащенностью, а именно наличием телефонных аппаратов и иных технических устройств у всех участников преступной группы; созданием видимости легальной деятельности;

— сплоченностью и устойчивостью, выражающейся в стабильности состава организованной преступной группы, наличии между членами преступной группы достаточно длительных и прочных связей, интенсивностью и многократностью совершения планируемых преступлений в короткий промежуток времени.

Применительно к мошенничествам в сфере кредитования физических лиц, совершаемых в составе ОПГ, по результатам наших исследований можно заключить, что в группу входило: 3 человека — 22,6%; 4 — 16,0%; 5 — 23,0%; более 5 (максимальный количественный состав — 20) участников — 38,4%. При этом в среднем период существования и активной деятельности ОПГ колеблется от 1 до 3 лет, количество совершаемых ими преступлений также существенно разнится и может составлять от 5 до 200 и более эпизодов.

Таким образом, знание состава преступной группы и ее характеристики позволит следователю уже на начальном этапе расследования мошенничества в сфере кредитования физических лиц выдвигать основные версии, определять направления расследования и обеспечивать путем проведения следственных действий основную доказательственную базу для предъявления обвинения в совершенном преступлении.

Д. А. Шайденко

Задержание подозреваемого в условиях военного положения

Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — ФКЗ «О военной положении») в п. 12 ч. 2 ст. 7 изначально предусматривал возможность задержания граждан на срок до 30 суток по закрепленным федеральным законом основаниям. Причем не уточнялась отраслевая принадлежность такого задержания. В научной литературе отражается позиция, что здесь имеет место уголовно-процессуальное задержание [1, с. 105]. Существует также мнение, что задержание до 30 суток не является мерой уголовно-процессуального принуждения, поскольку оно не регламентируется УПК РФ [2, с. 137].

Ретроспективный взгляд на данную норму позволяет предположить, что она действительно могла быть истолкована как общее правило, распространяющееся на уголовно-процессуальное и административное задержание.

Федеральным законом от 31 июля 2023 г. в уголовно-процессуальный закон было введено изменение о задержании подозреваемого в совершении тяжких и особо тяжких преступлений до 30 суток в условиях военного положения. Данная норма является бланкетной и представляет собой реакцию государства на реалии специальной военной операции.

В свою очередь, в редакции от 9 июня 2023 г. из п. 12 ч. 2 ст. 7 ФКЗ «О военном положении» было исключено общее указание на задержание граждан, однако появилась ст. 12¹, предусматривающая только административное задержание на срок до 30 суток в случае нарушения запретов и ограничений, установленных Президентом РФ на территории, на которой введено военное положение. Законодатель конкретизировал свою позицию, исключив тем самым какие-либо намеки на регламентацию уголовно-процессуального принуждения в ФКЗ «О военном положении».

С одной стороны, нельзя не согласиться, что меры уголовно-процессуального принуждения должны регулироваться, как правило, только в УПК РФ. С другой стороны, для системности норм о задержании привлекательной кажется идея об общем регулировании задержания до 30 суток в ФКЗ «О военном положении», а о детализации — в УПК РФ и КоАП РФ. К тому же временные рамки такого задержания значительно отличаются от конституционного 48-часового срока. Выходит, что данное исключение из общего правила для административного задержания регулируется на уровне федерального конституционного закона,

а для уголовно-процессуального — федерального. Представляется, что данный вопрос требует осмысления.

Обратим внимание на упомянутый конституционный срок внесудебного лишения свободы. Уголовно-процессуальное задержание до 30 суток в условиях военного положения не единственный пример подобного регулирования срока.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ предусматривает задержание осужденного на срок до 48 часов с возможностью его продления судом до 30 суток (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 2 ст. 60¹⁷, ч. 4 ст. 60², ч. 6 ст. 75¹, ч. 9 ст. 178¹ УИК РФ). Данное задержание до 30 суток нельзя назвать внесудебным, учитывая процедуру продления судом первоначального 48-часового срока. Однако согласно ч. 11 ст. 97 УИК РФ при уклонении осужденного от возвращения в установленный срок в исправительное учреждение он подлежит задержанию органом внутренних дел по месту пребывания осужденного с санкции прокурора на срок не более 30 суток для решения вопроса о направлении его к месту отбывания наказания под конвоем или привлечения к уголовной ответственности. Такой срок обусловлен особым правовым статусом виновного лица, отбывающего наказание, подрыванием авторитета судебной власти.

В сфере борьбы с преступностью указанное задержание и задержание в условиях военного положения являются единственной возможностью внесудебного лишения свободы до 30 суток без продления первоначального 48-часового срока.

Возможность задержания подозреваемого до 30 суток необходима для противодействия преступности в особых условиях. Согласимся с Д. М. Сафроновым в том, что это задержание носит исключительный характер и обусловлено необходимостью защиты от угроз общественной безопасности, основам конституционного строя, государственной безопасности, миру и безопасности человечества [1].

Последние изменения законодательства позволяют прийти к следующим выводам: ФКЗ «О военном положении» регламентирует только административное задержание до 30 суток. Ранее действовавшая редакция данного закона не давала однозначного понимания, о каком задержании идет речь, создавая предпосылки для разного толкования. Возможность внесудебного лишения свободы подозреваемого до 30 суток в условиях военного положения появилась в России впервые с внесением соответствующих изменений в УПК РФ. Выход за конституционный 48-часовой срок в этом задержании является не единственным для отечественного законодательства и обусловлен решением специфических задач.

Список источников

1. Сафронов Д. М. О месте, роли и значении задержания в условиях военного положения в системе мер принуждения в уголовном судопроизводстве в особых условиях // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. к 30-летию принятия Конституции РФ : в 2 ч. Орел, 12–13 октября 2023 года. Орел, 2023. Ч. 2.

2. Бурбело Б. Ю. Правовой режим задержания физического лица как универсальная юридическая конструкция в законодательстве Российской Федерации // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. 2023. № 1(14).

Е. А. Шайденко

Способы фальсификации доказательств по уголовному делу в досудебном производстве

Определение способов фальсификации доказательств по уголовному делу часто является предметом дискуссии ученых, а также имеет актуальность при осуществлении квалификации в практической деятельности. Проблемные аспекты, связанные с установлением способов совершения преступления, предусмотренного чч. 2–3 ст. 303 УК РФ, возникают ввиду отсутствия законодательной дефиниции исследуемого деяния.

Обратимся к толкованию слова «фальсификация» (от лат. falsus — ложный, falsifico — подделываю) — «подделывание чего-нибудь; изменение вида или свойства какого-нибудь предмета с целью обмана, для того, чтобы выдать его за предмет другого вида или качества; искажение с целью выдать за подлинное, настоящее» [1, с. 1054]. Следовательно, сущность фальсификации состоит в осуществлении качественного изменения предмета с привнесением ему ложного свойства и (или) информации либо создание изначально несуществующего также с заведомостью на подделывание.

В тексте уголовного закона способы фальсификации доказательств по уголовному делу не конкретизированы. В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации выразил свою позицию относительно содержания объективной стороны чч. 1–3 ст. 303 УК РФ, которая «состоит, в частности, в умышленном приобщении... в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов; внесении... в процессуальные акты, являющиеся источниками доказательств по таким делам,

заведомо ложных сведений; подделке ранее приобретенных к делу вещественных доказательств и документов» [2, с. 31].

В научной литературе большинство исследователей единодушны в том, что фальсификацией охватываются две группы способов:

1. Искажение сведений путем подделки, подчистки и т. п.

2. Создание («фабрикация») доказательства, т. е. искусственное создание информации о фактах, с помощью которой устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих доказательственное значение.

Специфическим способом фальсификации доказательств по уголовным делам в досудебном производстве является документарная имитация следственного действия без его реального проведения. Сюда же можно отнести достаточно распространенную практику «переписывания» информации из материалов предварительной проверки в протоколы следственных действий уже после возбуждения уголовного дела (например, копирование объяснения в протокол допроса). Более того, составление фиктивного протокола часто происходит без искажения доказательственной информации. Вместе с тем фактор «ложности» выражается в удостоверении факта процесса формирования самого доказательства, что не соответствует действительности. Не всякое нарушение процедурных требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации будет квалифицировано по ст. 303 УК РФ. Однако при несоблюдении положений ст. ст. 166, 190 УПК РФ, когда лицо пытается придать недопустимому доказательству вид допустимого, вносит ложные сведения о дате, времени, месте и участвующих лицах следственного действия, создается полностью сфальсифицированное по форме и содержанию доказательство.

Интересен вопрос, связанный с квалификацией уничтожения уже сформированных доказательств, их сокрытия, в том числе путем изъятия их из материалов уголовного дела. Ранее в разъяснениях высшей судебной инстанции прослеживалась тенденция к положительному разрешению подобных ситуаций. Так, отмечается, что «в соответствии с ч. 2 ст. 303 УК РФ под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств, независимо от того, являются ли они доказательствами обвинения или защиты...» [3]. «По смыслу закона — ст. 303 УК РФ под фальсификацией доказательств понимается искажение фактических данных, которые являются доказательствами; искусственное создание или уничтожение доказательств в пользу обвиняемого, т. е. подделка документов, собирание и представление доказательств, не соответствующих действительности, внесение ложных сведений в процессуальные документы и т. п.» [4].

Однако такой подход, по нашему мнению, не совсем верен, так как при уничтожении либо сокрытии доказательства без изготовления взамен поддельного, искажении иных материалов дела в целях утаивания недостающего доказательства фальсификации как таковой не происходит.

Позиция Верховного Суда гласит: «Умышленные действия уполномоченных должностных лиц по уничтожению и (или) сокрытию приобщенных или подлежащих приобщению к делу об административном правонарушении или к уголовному делу предметов и документов, которые содержат сведения, имеющие доказательственное значение, состава фальсификации доказательств не образуют, а могут быть квалифицированы по соответствующей статье главы 30 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5].

Предметы и документы, которые содержат сведения с доказательственным значением, не могут быть приравнены к доказательствам без надлежащего процедурного оформления. Фактически по формальным признакам подобные предметы и документы не включены в процесс уголовного судопроизводства, а значит, действия по их уничтожению и сокрытию должностным лицом правоохранительных органов еще не посягают на общественные отношения в связи с осуществлением правосудия, а находятся вне рамок процесса доказывания.

Список источников

1. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
2. *Радченко А. А. Фальсификация доказательств по уголовному делу: законодательная регламентация и квалификация* : монография. М., 2022.
3. *Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 г. № 46-О10-80.*
4. *Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 ноября 2007 г. № 34-О07-32.*
5. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».*

А. К. Шин, А. Ю. Сыпченко

Право на ознакомление с материалами уголовного дела

Право на ознакомление с материалами уголовного дела является одним из фундаментальных принципов справедливого судебного процесса. Оно обеспечивает каждому участнику процесса возможность ознакомиться с до-

казательствами и аргументами, представленными против него, а также с материалами, подтверждающими его невиновность. Это право гарантировано международными нормами и закреплено в Конституции РФ.

Первым аргументом в пользу права на ознакомление с материалами уголовного дела являются международные нормы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод подчеркивает, что каждый имеет право на справедливое и общедоступное судебное разбирательство, включая право на ознакомление с материалами дела [1]. Это означает, что государства должны обеспечить полный доступ к информации, касающейся уголовного дела, и дать возможность подозреваемому или обвиняемому ознакомиться с доказательствами, представленными против него [2].

Вторым аргументом является Конституция РФ. Статья 48 гарантирует право на защиту и справедливое судебное разбирательство. Одна из составляющих этого права — право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела. Это позволяет обвиняемому лучше понимать предъявленные ему обвинения, а также активно участвовать в своей защите. Ознакомление с материалами дела позволяет представить доказательства в свою пользу, поставить вопросы свидетелям и прокурору, а также дать свои комментарии по представленным доказательствам.

Право на ознакомление с материалами уголовного дела имеет большое значение, так как предотвращает возможность ошибочного осуждения. Подозреваемые или обвиняемые имеют право на защиту и возможность проверить доказательства, представленные ими в контексте дела. Имея доступ к материалам дела, они могут обнаружить неточности, ошибки или недостоверные факты, которые относятся к ним. Это позволит им составить эффективную стратегию защиты и предъявить суду полную картину событий. Право на ознакомление с материалами уголовного дела выступает неотъемлемой частью справедливого судебного процесса. Оно гарантирует равноправие сторон, прозрачность и открытость судебного процесса. Каждый участник процесса имеет право на ознакомление с материалами дела на разных этапах процесса, в объеме, необходимом для подготовки своей позиции и защиты своих прав. Международные нормы и Конституция РФ подтверждают важность этого права для соблюдения принципов правового государства и защиты прав человека [3].

Право на ознакомление можно рассматривать как принцип, поскольку оно заложено в основу уголовного процессуального законодательства многих стран. Отказ от этого права может привести к нарушению презумпции невиновности и права на защиту обвиняемого. В то же время право на ознакомление можно также позиционировать как норму, так как оно

имеет четкое законодательное обоснование в уголовно-процессуальных кодексах и законах многих стран [4; 5].

Право на ознакомление с материалами дела имеют все участники уголовного процесса: обвиняемый, его защитник, прокурор, потерпевший, гражданская сторона и другие заинтересованные лица. Однако степень ознакомления может варьироваться в зависимости от статуса каждого участника.

Обвиняемый имеет право ознакомиться с полным комплектом материалов дела, включая протоколы допросов, экспертные заключения, свидетельские показания и другие доказательства. Кроме того, он должен получить копии всех материалов для подготовки к защите.

Защитник также имеет право на полное ознакомление с материалами дела, чтобы адекватно представить интересы обвиняемого. Он может получить доступ к информации, которая может помочь ему в аргументировании и обосновании своей защиты.

Прокурору предоставляется право ознакомления с материалами дела для подготовки обвинительного заключения, а также для доказывания вины обвиняемого в суде. Потерпевший также имеет право на доступ к материалам дела, чтобы ознакомиться с доказательствами, подтверждающими его позицию. Это позволяет ему активно участвовать в процессе суда и защищать свои интересы. Гражданская сторона в случае участия в уголовном процессе также имеет право на ознакомление с материалами дела в той мере, в которой это не нарушает сохранность уголовного расследования [6].

Право на ознакомление с материалами уголовного дела возникает для каждой стороны в разное время и в разном объеме. Инициировать ознакомление имеет право обвинитель, который может предоставить свои доказательства уже на предварительном следствии. Затем ответчик и его защитник получают право ознакомиться с доказательствами прокурора. Однако это происходит только после обвинительного заключения.

Защита также имеет право предъявить свои доказательства в ходе судебного разбирательства. Это могут быть материалы, подтверждающие невиновность обвиняемого или указывающие на смягчающие обстоятельства. Судья также может запросить дополнительные материалы для исследования дела, чтобы принять объективное и справедливое решение.

Ознакомление с материалами дела осуществляется под контролем органов передачи правосудия. Имеют право ознакомиться с делом также гражданские истцы и потерпевшие, если их интересы затрагиваются в уголовном деле. Однако в отношении них возможны некоторые ограничения, чтобы не угрожать конфиденциальности свидетельских показаний или засекреченной информации [7].

Анализируя международные нормы и Конституцию РФ, можно сделать вывод о важности права на ознакомление с материалами уголовного дела. Это право признано не только внутри страны, но и в мировом сообществе. Оно обеспечивает принцип правового государства и гарантирует справедливое судебное разбирательство.

Право на ознакомление с документами дела стало неотъемлемой частью права на защиту и считается одним из главных принципов уголовного процесса. Оно предоставляет возможность подзащитной стороне ознакомиться с доказательствами, представленными обвинением, и обеспечивает равенство сторон в процессе.

Однако речь идет не только о подзащитной стороне. Право на ознакомление с материалами дела также может быть предоставлено потерпевшим, свидетелям и третьим лицам. Это особенно важно в случаях, когда требуется полное и объективное рассмотрение дела, а также обеспечение доверия к судебной системе.

Право на ознакомление с материалами дела имеет ограничения, которые обусловлены интересами государства, общественной безопасностью и защитой частной жизни. Однако эти ограничения должны быть справедливыми и пропорциональными, чтобы не нарушать основополагающие принципы правового государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Конвенция о защите прав человека и основных свобод* : заключена в г. Риме 04.11.1950.

2. *Балчый В. Б., Люц Е. А.* Проблемы правового регулирования времени ознакомления с материалами уголовного дела // Эволюция российского права : мат-лы XIX междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2021.

3. *Ищенко Д. П., Диденко Н. С.* Актуальные проблемы соблюдения прав участников досудебного производства на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела, уголовного преследования // Философия права. 2022. № 4(103).

4. *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З* (с изм. и доп. по состоянию на 17.07.2020). URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 11.08.2023).

5. *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК* (с изм. и доп. по состоянию на 02.01.2021). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 11.08.2023).

6. *Мотовиловкер Я. О.* Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984.

7. *Татьянина Л. Г., Стародумов С. В.* Отдельные вопросы ознакомления с материалами уголовного дела при окончании производства предварительного следствия // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31, № 6.

Т. Н. Шумилова

Структура судебного заседания, предусмотренного статьей 125 УПК РФ

В уголовном судопроизводстве порядок судебного рассмотрения жалоб закреплен в ст. 125 УПК РФ. Согласно данной статье судебное заседание является одной из процессуальных форм осуществления правосудия. Однако это не означает, что структура судебного заседания должна определяться исходя из требований глав 36–39 УПК РФ, регламентирующих общий порядок производства в суде первой инстанции. Отметим, что достаточно лаконичное регулирование соответствующего порядка существенным образом дополняется разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее — постановление Пленума № 1).

Судебная процедура, установленная ст. 125 УПК РФ, неразрывно связана с соблюдением принципов уголовного судопроизводства, реализуется по правилам состязательного процесса в открытом судебном заседании с соблюдением некоторых общих условий судебного разбирательства, предусмотренных главой 35 УПК РФ (непосредственность и устность, неизменность состава суда, председательствующий, равенство прав сторон, регламент судебного заседания, протокол судебного заседания и др.). Предметом правового спора здесь является вопрос о соблюдении законности властными субъектами досудебного производства при проведении процессуальных действий (обоснованности бездействия), принятии решений.

Полагаем, что при определении структуры судебного заседания необходимо исходить из логики правоприменительного процесса — рассмотрения судом любого юридического спора. При таком подходе в ней следует выделять три этапа: подготовительный, основной (исследовательский), вынесение судебного решения.

Подготовительный этап схож с подготовительной частью судебного заседания в суде первой инстанции. Его назначение состоит в проверке условий для рассмотрения жалобы по существу. Процессуальные решения,

принимаемые в этой части, создают предпосылки всестороннего и объективного исследования обстоятельств конкретного спора, в нем разрешаются вопросы об отводах судьи либо других участников судебного заседания, об истребовании дополнительных материалов, о вызове лиц для дачи пояснений по существу жалобы и др.

В соответствии с ч. 4 ст. 125 УПК РФ судья в начале судебного заседания объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание лицам, разъясняет им их права и обязанности.

Из буквального толкования указанной нормы следует, что она, закрепляя обязанность разъяснения прав, не содержит их перечень и способов реализации. В связи с этим особое значение для правоприменителя приобретает постановление Пленума № 1 (пп. 12, 13), в котором судьям предписано разъяснять участникам следующие права: знакомиться с материалами производства по жалобе; представлять в суд дополнительные материалы, имеющие отношение к жалобе; принимать участие в судебном заседании; заявлять отводы, ходатайства; представлять документы; знакомиться с позицией других лиц, давать по этому поводу объяснения. Основой формирования данного перечня является системное толкование уголовно-процессуального законодательства.

Подготовительный этап заканчивается принятием судьей решения о возможности рассмотрения поступившей жалобы при существующей явке сторон спора (их представителей).

После того как все необходимые подготовительные действия проведены, судом принято решение о возможности рассмотрения поступившей жалобы, начинается основной (исследовательский) этап судебного заседания, предусмотренного ст. 125 УПК РФ, в рамках которого проводится проверка поступивших материалов, заслушиваются пояснения сторон, заявитель (если он участвует) выступает с репликой.

Требования ч. 4 ст. 125 УПК РФ обеспечивают возможность для сторон спора довести доводы до суда и предусматривают, что заявитель, если он участвует в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица.

В юридической литературе обоснованно обращается внимание на отсутствие в законе описания порядка исследования сведений, подтверждающих или опровергающих аргументы заявителя [1, с. 31]. Указанный законодательный пробел компенсируется разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума № 1, в нем судьям предписано исследовать материалы, проверять доводы заявителя. Помимо этого, определяется, что судья обязан удостовериться в фактической обоснованности обжалуемого реше-

ния, не предвещая при этом вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности, судья не вправе делать выводы об обоснованности обвинения, оценке доказательств и о квалификации деяния.

Кроме того, в постановлении Пленума № 1 (пп. 14–16) судьям рекомендовано при обжаловании постановлений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела исследовать конкретные обстоятельства, которые отражают законность и обоснованность принятия перечисленных процессуальных решений.

Начало исследования материалов связано с оглашением существа жалобы, после чего заслушиваются участвующие лица и исследуются поступившие материалы, послужившие основанием для решения или действий (бездействия) должностного лица, истребованные судом по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе. Последовательность выступлений сторон и оглашение материалов (либо их исследование судьей без оглашения в целях сохранения тайны предварительного расследования) определяется судьей.

По окончании исследовательской части судебного заседания заявителю предоставляется возможность выступить с репликой, высказать свое мнение относительно рассмотрения жалобы, обратить внимание судьи на доводы в обоснование своей позиции, указать на необоснованность и незаконность обжалуемых действий (бездействия), решений. При этом для должностных лиц правоохранительных органов аналогичное право не предусмотрено. Затем судья удаляется в совещательную комнату для вынесения решения. Виды решений, которые могут быть вынесены судьей, перечислены в ч. 5 ст. 125 УПК РФ.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что многие пробелы правовой регламентации порядка судебного заседания, предусмотренного ст. 125 УПК РФ, устраняются разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума № 1. Однако полагаем, что в данном случае Пленум Верховного Суда РФ вынужденно выходит за пределы своих полномочий, фактически устанавливая новые уголовно-процессуальные нормы, которые надлежит закрепить в законе. При этом соблюдение судьями нормативных предписаний и разъяснений Верховного Суда РФ является гарантией вынесения правосудного решения.

Список источников

1. *Кальницкий В. В.* Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам : учеб. пособие. Омск, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдразяпов Ранис Ришатович — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Аксенова Лейла Юсуповна — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Александров Александр Николаевич — доцент кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук

Алескеров Вагиф Исмаилович — профессор кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Домодедово), кандидат юридических наук, доцент

Анешева Амина Тулегеновна — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Батурина Евгения Владимировна — докторант факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент

Бондаренко Антон Алексеевич — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Борисова Наталья Ивановна — преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Герасименко Нина Игоревна — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Горденко Александр Сергеевич — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Горшков Михаил Михайлович — начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Гутникова Ольга Ивановна — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Дежнев Александр Сергеевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Едомский Евгений Александрович — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Емельянцева Ксения Олеговна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Ермаков Михаил Геннадьевич — доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (г. Омск), кандидат юридических наук, доцент

Журбенко Алексей Михайлович — доцент кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат экономических наук

Кайгардова Юлия Евгениевна — заместитель председателя Новоуренгойского городского суда, кандидат юридических наук, доцент

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор

Качулина Ирина Викторовна — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Коробкова Елена Евгеньевна — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Крылов Артем Александрович — адвокат, управляющий партнер Московской коллегии адвокатов «Крыловы и партнеры»

Крынин Алексей Андреевич — преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

Кузнецов Александр Александрович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Кульчиков Дмитрий Евгеньевич — доцент кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Домодедово), кандидат юридических наук

Куряхова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Лыга Алексей Петрович — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Мазунин Яков Маркиянович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Маркелова Елена Владимировна — начальник кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Домодедово)

Мерлаков Данил Сергеевич — заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Неупокоева Ирина Александровна — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Никитина Анна Евгеньевна — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Нуркаева Мелия Каюмовна — доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Павлов Антон Васильевич — начальник кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Попова Людмила Владимировна — доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному расследованию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

Примаков Алексей Николаевич — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Могилевского института МВД Республики Беларусь

Пупышева Любовь Андреевна — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Самойлов Александр Юрьевич — доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Сафронов Дмитрий Михайлович — докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Саханова Нелли Талаповна — начальник кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Актыюбинского юридического института имени М. Букенбаева МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук

Соколов Андрей Борисович — заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Солодовник Вячеслав Викторович — доцент кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Сыпченко Александр Юрьевич — магистрант Омской академии МВД России

Сырецкий Михаил Викторович — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Сысенко Альфия Радиковна — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Тимошенко Светлана Евгеньевна — доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (г. Омск), кандидат юридических наук, доцент

Трикоза Владислав Васильевич — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск)

Тюлеева Елена Александровна — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России

Черемнова Наталья Александровна — доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Шайденко Даниил Александрович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шайденко Екатерина Алексеевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шеховцова Любовь Сергеевна — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

Шин Александр Климентьевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шумилова Татьяна Николаевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Саханова Н. Т. Досудебное производство в электронном формате по уголовному законодательству Республики Казахстан	3
Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Новое в законодательстве по обеспечению сохранности имущества осужденного	7
Абдраязпов Р. Р. Цифровой след как объективная необходимость современного уголовного судопроизводства.	11
Попова Л. В. Дознание в сокращенной форме и преступления экономической направленности	13
Соколов А. Б. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: понятие и сущность	17
Сафронов Д. М. Обеспечение национальной безопасности как приоритетная цель уголовного судопроизводства в особых условиях.	21
Лыга А. П. О некоторых вопросах модернизации правового регулирования наложения ареста на имущество (в контексте соотношения частных и публичных интересов).	24
Горшков М. М. Оценка достоверности показаний пострадавшего (потерпевшего) при расследовании причинения вреда здоровью	27
Кальницкий В. В. Влияет ли ограничение времени расследования после истечения срока давности на деятельность по возвращенному из суда уголовному делу?	30
Кузнецов А. А. Предварительное исследование как непроцессуальная форма использования специальных знаний	33
Мазунин Я. М. Способы преодоления противодействия расследованию организованными преступными формированиями	38
Павлов А. В. Конкуренция системного толкования и аналогии закона в уголовном процессе	42

Пупышева Л. А. Реализация некоторых принципов организации правосудия в производстве по делам об исполнении приговора.	47
Трикоза В. В. Проблемные вопросы осуществления ускоренного производства	51

РАЗДЕЛ II. СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Аксенова Л. Ю. Отдельные элементы криминалистической характеристики взяточничества	54
Александров А. Н. К вопросу о признании в качестве потерпевших кредитных организаций по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	57
Анешева А. Т. Организационно-тактические особенности производства освидетельствования при проверке сообщений о преступлениях	64
Батурина Е. В. Теневой денежный поток: методология исследования	67
Бондаренко А. А., Коробкова Е. Е. Вовлеченный в совершение преступления несовершеннолетний подлежит признанию потерпевшим: уголовно-процессуальные особенности реализации правовой позиции Конституционного Суда РФ	71
Борисова Н. И. Понятие, виды и формы взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений	75
Борисова Н. И., Кузнецов А. А. Действия оперативного сотрудника по факту поступления заявления о безвестном исчезновении граждан	78
Герасименко Н. И. Спорные аспекты предъявления для опознания	82
Горденко А. С. Проблемные вопросы организационной деятельности следователя при назначении судебной компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, связанных с созданием, распространением и использованием вредоносного программного обеспечения	85
Гутникова О. И. Порядок назначения судебных экспертиз следов биологического происхождения	88
Едомский Е. А. Способы обнаружения следов крови, уничтожаемых в целях сокрытия совершенного преступления.	92
Емельянцева К. О. Освидетельствование по делам о хулиганстве.	95

Ермаков М. Г., Кузнецов А. А. Факторы, влияющие на выбор преступником способа совершения поджога	98
Журбенко А. М. Особенности расследования ятрогенных преступлений на современном этапе	102
Кайгародова Ю. Е., Тимошенко С. Е. Особенности нейтрализации противодействия расследованию преступлений в зоне проведения специальной военной операции	104
Качулина И. В. Некоторые аспекты участия специалиста при производстве освидетельствования	107
Крылов А. А. Обеспечение осужденному права на квалифицированную юридическую помощь в производстве по делам о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания	110
Крынин А. А. Некоторые особенности производства осмотра места происшествия и проверки показаний на месте при расследовании незаконного сбыта наркотических средств	113
Кульчиков Д. Е., Алескеров В. И., Маркелова Е. В. Обследование помещений, ограничивающее конституционное право граждан на неприкосновенность жилища: сравнительно-правовая характеристика и критерии унификации понятий «жилище» и «жилое помещение»	115
Куряхова Т. В. Современные тенденции развития практики по уголовным делам, возвращенным судами в порядке ст. 237 УПК РФ	119
Мерлаков Д. С. Производство неотложных следственных действий как способ нейтрализации противодействия расследованию	123
Неупокоева И. А., Шеховцова Л. С. Теоретические и практические основы формирования криминалистической характеристики террористического акта	127
Никитина А. Е. Допустимость использования результатов полиграфа в процессе раскрытия и расследования преступлений	131
Нуркаева М. К. Понятие и сущность гражданского иска как способа обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением	134
Примаков А. Н. О современных возможностях судебно-лингвистической экспертизы	139

Самойлов А. Ю. Организация и тактика осмотра места происшествия при расследовании вымогательства	142
Солодовник В. В. О позитивной процессуальной ответственности при применении упрощенных форм производства по уголовным делам	145
Сырецкий М. В. Подготовка к допросу как способ преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок.	149
Сысенко А. Р., Черемнова Н. А. Понятие оружия в уголовном праве и криминалистике.	153
Тюлеева Е. А. Преступная группа лиц, совершающих мошенничество в сфере кредитования физических лиц.	156
Шайденко Д. А. Задержание подозреваемого в условиях военного положения	160
Шайденко Е. А. Способы фальсификации доказательств по уголовному делу в досудебном производстве	162
Шин А. К., Сыпченко А. Ю. Право на ознакомление с материалами уголовного дела	164
Шумилова Т. Н. Структура судебного заседания, предусмотренного статьей 125 УПК РФ	168
Сведения об авторах.	171

Научное издание

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Редактирование и корректура М. В. Виноградова

Технический редактор М. Ю. Чалкова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 21.06.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 115 экз. Заказ № 168.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7